

Московский педагогический
государственный университет

Валерия Мухина

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

DEVELOPMENT OF PERSONALITY

№ 2 2014

Московский педагогический
государственный университет

Валерия Мухина

Moscow Pedagogical State University
Valeria Mukhina

№ 2
2014

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ
Development of Personality

Для духовной элиты,
профессионалов науки
и практики
Для тех, кто готов взять
на себя ответственность
за воспитание
и развитие личности

For the cultural elite,
professionals of science
and practice
for those who are ready
to take responsibility
for education and
development of the personality

Развитие личности

ISSN 2071-9788
Журнал основан Валерией Мухиной в 1993 году
Выходит 4 раза в год
2014. № 2
Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»
37286 и 38362

Журнал входит в Перечень периодических научных и научно-технических изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-43467 от 30.12.2010.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.
Рукописи рецензируются и не возвращаются.
Позиция редакции может не совпадать с мнением автора.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Development of Personality

ISSN 2071-9788
The journal was formulated by Valeria Mukhina in 1993 Subscription index
It comes out 4 times a year on Catalogue of "Rospechat"
2014. № 2 **37286 и 38362**

The journal has been included into the List of the periodic editions (Science and Technology) of Russian Federation. The publication of research papers to provide the Ph. D. and Sc. D projects with supplementary materials is recommended in the journal

Содержание

Наша презентация

К юбилею Артура Владимировича Петровского: российскому психологу 90 лет со дня рождения

Теории и исследования

Практика

Рефлексия на себя и других

Интервью

Другие измерения

Наши авторы

Contents

Our Presentation

Theories and researches

Practice

Reflexion towards oneself and others

Interview

Diversity of dimentions

Our authors

Наша презентация

К юбилею Артура Владимировича Петровского: российскому психологу 90 лет со дня рождения

Вадим Петровский

СЫН ОБ ОТЦЕ

Артур Владимирович Петровский (14 мая 1924 г. – 2 декабря 2006 г.) родился в Севастополе в семье библиотекарей, но с первых месяцев жил в Москве. Его отец был одним из зачинателей библиотечного дела в России, основателем детской библиотеки им. А. Гайдара, в послеоктябрьские годы работал вместе с Н.К. Крупской. В 1941 г. после окончания девятого класса Артур Петровский ушел добровольцем на фронт. Однако был комиссован, работал на лесоповале.

В 1943 г. был принят на факультет Чкаловского (ныне Оренбургского) педагогического института. Вернувшись в Москву, в 1947 г. он окончил факультет русского языка и литературы Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина и там же поступил в аспирантуру по кафедре психологии. В 1950 г. с блеском защитил кандидатскую диссертацию на тему «Психологические воззрения А.Н. Радищева», выполненную под руководством Григория Алексеевича Фортунатова (об этой защите появилась статья в журнале «Вопросы философии», что являлось редким для тех времен случаем; оппонентом на защите

кандидатской диссертации, как, впрочем, потом и докторской, был Борис Михайлович Теплов).

Профессиональную деятельность А.В. Петровский начал преподавателем кафедры психологии Вологодского пединститута (1950–1952). С 1952 г. он был ассистентом, а затем доцентом кафедры психологии МГПИ им. В.П. Потемкина. В 1956–1957 гг. А.В. Петровский был командирован в Китайскую Народную Республику, где читал лекции преподавателям педагогических вузов. В 1960 г. (после слияния МГПИ им. В.П. Потемкина и Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина) он стал доцентом кафедры психологии МГПИ им. В.И. Ленина, руководимой проф. Николаем Федоровичем Добрыниным. В тот период вышел его первый учебник «Психология» (М., 1956, 1957, 1958), написанный совместно с Г.А. Фортунатовым, о котором все годы говорил как о своем учителе.

В 1965 году А.В. Петровский защитил докторскую диссертацию на тему «Пути формирования основ советской психологии». Уже в начале 60-х годов он отвергал представление о педологии как о «лженауке» и пересматривал другие позиции, утвердившиеся в советской психологической историографии. Впервые он поставил вопрос о необходимости объективной научной оценки объявленных «лженауками» педологии, психотехники, рефлексологии, реактологии, трудов В.М. Бехтерева, В.А. Вагнера, П.П. Блонского и др. В 1966 г. А.В. Петровский получил звание профессора и стал заведующим кафедрой психологии МГПИ.

В 1968 г. А.В. Петровского избирают членом-корреспондентом АПН СССР, затем – академиком-секретарем отделения психологии и возрастной физиологии. С 1971 года он действительный член АПН СССР. Параллельно он работает в редколлегиях журналов «Вопросы психологии» и «Вестник МГУ». В 1972 г. А.В. Петровский стал руководителем лаборатории психологии личности НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (с 1999 г. – лаборатория теории и истории психологии).

В 1972–1973 гг. А.В. Петровский – член Международной комиссии ЮНЕСКО по развитию образования, соавтор коллективной монографии "Learning to be" (1972), которая была издана в 40 странах мира (за исключением СССР).

В 1976 г. А.В. Петровский становится вице-президентом АПН СССР, а с 1978 по 1985 г. также руководителем кафедры педагогики, психологии и методики преподавания в высшей школе на факультете повышения квалификации МГУ.

Артур Владимирович Петровский – основатель научной школы и выдающийся организатор науки. Под руководством А.В. Петровского состоялась защита 63 кандидатских и докторских диссертаций. А.В. Петровский – редактор и соавтор ряда учебников по общей, социальной, возрастной, педагогической и теоретической психологии.

Артур Владимирович Петровский в области социальной психологии предложил теорию деятельностного опосредствования межличностных отношений, позволяющую дифференцировать группу по уровню развития и исследовать структуру внутригрупповых связей, трехфакторную модель

лидерства, возрастную периодизацию развития личности, проект хронопсихологии и, совместно с В.А. Петровским, концепцию персонализации и категориального строя психологии.

Под общей редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского при составительстве Л.А. Карпенко подготовлены: «Краткий психологический словарь» (1985), «Психология. Словарь» (1990). Артур Владимирович работал над созданием «Психологической энциклопедии» и серии справочных изданий «Лексикон» (серия из шести словарей, составленных по тематическому принципу), был консультантом фильмов «Семь шагов за горизонт», «Я и другие» (реж. Феликс Соболев), «Чучело» (реж. Ролан Быков).

За время своей научной деятельности А.В. Петровский опубликовал свыше 1500 статей, учебников, учебных пособий, монографий, популярных книг (среди которых ставшая настольной для нескольких поколений психологов «Беседы о психологии»), справочных изданий, многие из которых были переведены на иностранные языки.

А.В. Петровский – заслуженный деятель науки РФ (1994), награжден орденом Великой Отечественной войны, орденом Почета (1999) и медалями.

Совместно с М.Г. Ярошевским разработал многоуровневую систему психологической подготовки в вузах, за что в 1997 г. был награжден премией Правительства РФ в области образования.

В 1989 г. А.В. Петровский – один из руководителей ВНИК «Школа», где разрабатывались принципы и основ реформирования системы образования в СССР.

В декабре 1991 г. по поручению Правительства РФ был назначен президентом-организатором Российской академии образования, а с 1992 по 1997 г. – был ее президентом.

Жизненный путь и путь в науке Артура Владимировича Петровского отражен в книге «Психология и время», последняя точка в которой была поставлена в ночь его ухода из жизни.

Юбилей. Девяносто лет… Странно! Годы идут, а отец в моей памяти все моложе.

Когда читаю его книги и статьи, говорю с людьми, знавшими его, чувствую, что все во мне живо, никакого расставания с ним не произошло, и все то, что мы писали с ним о земной продолженности человека в человеке – все это – правда…

Но, вот, чтобы люди, живущие в нас, с возрастом молодели… Об этом мы с ним никогда прежде не разговаривали…

Валерия Сергеевна Мухина, главный редактор Журнала, оказала мне большую честь, предложив подготовить выпуск, полностью посвященный 90-летию со дня рождения Артура Владимировича Петровского.

Предваряя статьи, написанные учениками, коллегами и друзьями моего отца, я хочу рассказать читателям об основных исследованиях, проводимых им в последние три десятилетия своей жизни.

ПЯТЬ ПРИНЦИПОВ ЖИЗНИ ОТЦА

Отнюдь не всегда он формулировал их вслух... Будучи человеком принципиальным, он не любил высокопарных слов, и, возможно, как жесткий редактор, предложил бы сыну поискать что-нибудь вместо «принципов». Но, по-моему, это все-таки*принципы*, – ты уж прости!

Принцип 1: «Быть человеком "Да"». Отец говорил о людях: «Этот – Человек-"Да"», «Этот – Человек-"Нет"». Сам он был, безусловно, человеком «Да». Поддерживать людей – тот принцип жизни, от которого не отступал *никогда* (я подчеркиваю это курсивом).

Принцип 2: «Прощать». Он часто напоминал нам о том, что наказание не должно быть весомее самого проступка. Он мог рассердиться и сильно. Однако умел прощать. Описывая семейные отношения в своих книгах, он говорил: «Складывается впечатление, что потоки возмущения, поступающие через пробоины корабля доверия, откачивают мощные помпы родительской любви.» Он настаивал: «Не надо преследовать!», «Умей прощать!», «Не казни!» Чаще всего мы слышали от него именно: «Не казни...»

...Написал эти слова вот только что.Открываю почту. Письмо от Людмилы Карпенко, коллеги, к которой Артур Владимирович относился исключительно хорошо. Она пишет о «непроговоренных ситуациях»: «Я вспомнила в позапрошлом году слова А.А. Бодалёва, когда мы у него дома работали над словарём по общению. Он мне сказал, что очень был благодарен Артуру Владимировичу, когда он позвонил ему, извинился и выразил своё сожаление о некоторых разногласиях, которые были между ними. Надо было видеть посветлевшее лицо Алексея Александровича... Мы спохватываемся, что не разрешили или не завершили позитивно свои отношения с другими людьми. А потом оказывается, что поздно...»

Принцип 3. Принимать в расчет обстоятельства. Есть люди, для которых «неисполнение своих обязанностей» равносильно преступлению. Не знаю, вникал ли маршал Жуков «в обстоятельства», прежде чем решать вопрос о запятой в словах «казнить нельзя помиловать»... На моей памяти не было случая, чтобы отец не принимал в расчет обстоятельства людей, даже тогда, когда те его подводили.

Принцип 4. «Бесстатусность» (= «Никакого снобизма!», «Каждый человек интересен!»). Начиная общаться с незнакомыми людьми, он полагал, что каждый обязательно обладает «чем-то таким» (компетентность, черты характера), что превосходит его собственные достижения и возможности. Все люди интересны и уважаемы *a priori*. Различия в социальном статусе ничего не значат. Не случайно одна из диссертаций, защищенных под его руководством, называлась «Авторитет подчиненного в глазах руководителя»...

Принцип 5. Баланс податливости и твердости. Артур Владимирович был человеком «уступчивым». Часто говорил «Не спорю» (правда, это иногда означало «я с вами в дискуссию не вступил»). Временами, он даже радовался, когда его переубеждали, умел сделать «шаг назад», не избегал компромиссов, словом, был дипломатичен, и при том весьма. Но его уступчивость в разногласиях – сродни «податливости» бойцов айкидо. Он мог быть неожиданно очень твердым, совершенно несгибаемым, шокирующе непреклонным. Тогда, когда всерьез кто-то задевал его *принципы*.

P.S. О девяностолетии А. В. Петровского я опубликовал заметку на ленте фейсбука. Сотни откликов! Спасибо друзьям отца, моим друзьям, коллегам, ученикам, людям, знающим и узнающим его по работам...Столько людей чувствуют его реальное присутствие в их жизни!

Конечно, не думаю, что все дело в*принципах* жизни...

Он просто сегодня живой человек.

Его тепло ощущается многими.

Теми, кто знал...

Вадим Петровский

АРТУР ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕТРОВСКИЙ: ИПОСТАСИ АВТОРСТВА*

1. Теория деятельностного опосредования межличностных отношений в группе

Автор новой социально-психологической теории

А.В. Петровский – автор глубокой и оригинальной социально-психологической теории деятельностного опосредствования межличностных отношений личности в группе. Фигурируя первоначально под названием «стратометрическая концепция групп и коллективов», теория А.В. Петровского описывала различные уровни-слои внутригрупповой активности.

Первый слой: ядро групповой активности

Первый, ядерный, слой – деятельность, реализуемая группой. Включение групповой деятельности в социально-психологический портрет группы – принципиально важная отличительная черта концептуальных разработок А.В. Петровского от общепринятых моделей описания групп в социальной психологии (рис. 1).

Любопытный штрих: А.Н. Леонтьев, признанный лидер в разработке проблем психологии деятельности, автор *обще*психологической теории деятельности, по его собственным словам, был в немалой степени впечатлен исследованиями А.В. Петровского, выполненными в контексте социальной психологии. Известно, что деятельностная психология А.Н. Леонтьева подчеркивала производяще-порождающий характер деятельности по отношению к сознанию и личности индивида. В общепсихологической концепции А.Н. Леонтьева точка зрения обыденного сознания переворачивалась. Мотивы субъекта, его мировоззрение и мирочувствие для обыденного сознания суть источник

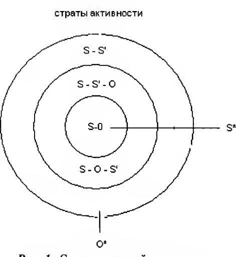

Рис. 1. Слои групповой активности

* В работе использованы материалы публикации В.А. Петровского, вошедшей в книгу «Вместо послесловия: “Многовершинность” личности» [1, с. 437–447].

деятельных контактов человека с миром: «в начале – слово» (добавим «эйдос», «драйв», «воля» и множество других «начал»), а уж потом – деятельность, в которой индивид воплощает свои сокровенные субъективные содержания. А.Н. Леонтьев говорил: «Нет! Вначале дело!» – деятельность есть примат, сознание и личность – дериват во взаимоотношениях человека с миром. Так же и в социально-психологической концепции А.В. Петровского: деятельность «правит бал», иногда непосредственно, иногда исподволь обусловливая межличностные отношения.

Упрощая, можно символизировать ядерный слой групповой активности, используя обозначения: S (субъект = любой член группы), O (объект групповой деятельности), «–» (отношение). Ядро групповой активности, таким образом, представляет собой форму проявления субъект-объектного отношения, S – O. На рисунке читатель видит ядро и два других слоя активности группы.

Рассмотрим ядерный слой более пристально. На рисунке справа от записи S – O в центральном кружке находится еще один знак «–» (длинное тире). Зачем нам понадобился этот знак? Он символизирует важный для создателя теории факт вовлеченности участников группы во взаимоотношения с другими людьми; с теми, кто находится, как правило, «по ту сторону» групповой деятельности (символ S*). В отличие от «своих», «ближних», это – «дальние». Но отношения с ними, так же как и отношения между «своими», опосредствуется групповой деятельностью. Представим себе игроков одной спортивной команды, например футболистов высшей лиги. Игровые взаимодействия на поле, распределение ролей в игре, сценарий игры и т.п. характеризуют ядерный слой групповой активности. Описывая ядро, можно обратить внимание на то, что в нем есть как неизменные, так и подвижные элементы. К примеру, невозможно изменить правила игры, критерии выигрыша и проигрыша и т.п., но уровень физической подготовки спортсменов, сыгранность, «домашние заготовки» зависят от тренера и самих игроков. Кроме того, командный успех неотделим от стратегических интересов клуба (коммерческих, имиджевых), а нередко и от интересов города, страны. Взаимоотношения с болельщиками, фанатами, журналистами – особый аспект групповой жизни. Присмотревшись, мы таким образом убеждаемся в том, что командная игра здесь вписывается в определенный социальный контекст. Следовательно, успех или неуспех групповой деятельности затрагивает интересы

более широкой общности, чем сами игроки команды. Точно так же можно говорить о целях деятельности любой театральной труппы, научной лаборатории, экипажа корабля, рабочей бригады, реанимационного отделения и т.п.

Нечто большее, чем личное благо

В подлинном коллективе есть нечто большее, чем личное благо участников, пусть даже и обретаемое посредством других его членов. Иными словами, направленность групповой активности здесь не сводится к достижению узкокорпоративной цели (даже при условии справедливого распределения итоговых благ*). А. В. Петровский особо подчеркивал этот план, говоря, что цель коллектива выходит за пределы исключительно групповых интересов.

Второй слой: личные отношения по поводу деловых

Второй слой групповой активности в теории А. В. Петровского – это межличностные отношения, возникающие в деятельности, опосредствуемые деятельностью и в деятельности непосредственно проявляющиеся. Говоря «межличностные отношения» (мы делаем акцент на первом из этих двух слов). Этим мы хотим подчеркнуть, что члены группы рассматриваются как вступающие в *личные* отношения друг с другом по поводу деловых, деятельностных; их личные отношения, говорит Петровский, опосредствуются содержанием и формой организации совместной деятельности, но при этом сохраняют психологический статус субъект-субъектных отношений. То деятельностное начало, которое опосредствует их отношения, является общим для всех членов группы, что принципиально. Именно по этой причине, например, отказ кого-либо из членов группы от участия в общем деле рассматривается как событие в межличностных взаимоотношениях членов группы, равно как и успех, инициатива, оригинальные решения и т.п. Это затрагивает всех, так как индивидуальный вклад в коллективный процесс затрагивает каждого в группе, ограничивая или обогащая возможности его собственного участия. Благодушные (и по-своему притягательные) призывы отделять «личное» от «делового» оказываются тут совершенно несостоятельными. Ибо есть такой слой личных отношений,

* Во времена создания теории А. В. Петровского еще не появилось таких выражений, как, например, «распилить прибыль». В наш век с его изысканным бескорыстием, любовью к ближнему, а уж тем паче – дальнему, идеи А. В. Петровского о нравственных основах и социальной значимости групповой активности могут показаться доброжелательному критику нелепым анахронизмом.

который *в принципе* неотделим от отношений деятельностных. И этот центральный тезис теории А. В. Петровского раскрывается на множестве эмпирически исследованных феноменов групповой жизни.

Новые понятия и «вкус к факту»

Говоря о том, что это были эмпирически установленные феномены, подчеркнем присущую автору теории установку на поиск операциональных определений конструктов, вводимых им самим и его сотрудниками. В этом пункте особенно рельефно выступало различие не только в философско-методологических позициях, защищаемых А.В. Петровским (построение *деятельностной* социальной психологии), но и в методических решениях, «индексирующих» новые понятия. Создается впечатление, что для А.В. Петровского были в равной мере значимы ответы на вопросы: «Как вы это понимаете?», «Как вы это измерите?», «Как вы это зафиксируете?»

Автору этих строк было 17 лет, а его отцу, А.В. Петровскому, было тогда 39, когда в зале прозвучали памятные слова Б.Ф. Поршнева на одном из заседаний Психологического общества, обращенные к ведущему: «У вас, Артур Владимирович, есть вкус к факту!» Да, это было так. Был вкус и интерес к факту. Был азарт экспериментатора. Но вкус к факту не был самодовлеющим. Артуру Владимировичу не были интересны факты как таковые. Был интересен поиск фактов, за которыми стояла концепция, та или иная проверяемая гипотеза.

Феномены второго слоя групповой активности

В результате социально-психологических исследований А.В. Петровского и его сотрудников* были открыты такие феномены второго слоя групповой активности, как «коллективистическое самоопределение», «опосредствованность межличностного выбора», «соучаствование», «ценностно-ориентационное единство» и многие другие.

Третий слой: отношения близости

Наконец, третий слой групповой активности – это отношения эмоциональной (и, добавлю от себя, возможно, духовной) близости членов группы, складывающиеся помимо отношений, определяемых деятельностью группы. Этот слой межличностных отношений, разумеется, опосредствован предметами общих интересов, а стало быть, деятельности общающихся индивидов, но этот общий интерес не является интересом всей группы, центром групповой деятельности – это может быть интерес на двоих, «на троих» (почему бы и нет?). Интересы членов группы разнообразны, поэтому разнообразны и возможные пересечения их интересов. На рисунке мы

* Как любил говорить А.В. Петровский, «они образуют незримый колледж».

Приватные отношения «прогреваются» отношениями деятельностными

изобразили символ объекта частного интереса тех или иных представителей группы (O*).

Здесь возникает важный вопрос о том, как сочетаются объекты частных интересы O* и «всеобщий» общественный интерес, символизируемый на рисунке значком S*.

Кто-то из читателей, возможно, вспомнит шутку советских времен о «товарищеском суде Линча» и песню Александра Галича «Красный треугольник», где поется о несчастном муже, который за измену жене, гражданке Парамоновой, подвергается суровому общественному порицанию со стороны бдительных товарищей по работе. В подлинном коллективе нет и не может быть речи о подавлении приватных интересов (каковы бы они ни были) общественными. Здесь противоречие между S* и O* (если оно есть) должно быть «снимаемо» в ходе развития группы как коллектива. А. В. Петровский писал, что в группах высокого уровня развития эмоциональные, «непосредственные» отношения как бы «прогреваются» отношениями деятельностными.

Условия формирования групповых норм

Нравственная образующая совместной деятельности (символизируемая в приведенной выше схеме вектором $S \rightarrow O^*$), очевидно, создает условия для формирования групповых норм: не уклоняться от ответственности, не перекладывать вину «с больной головы на здоровую», не приписывать себе успех, умаляя значение другого в общих достижениях, не злоупотреблять ссылками на «объективные обстоятельства» и т.д.

Идеальный объект и прогностические модели

Разрабатывая представления о деятельностном опосредствовании межличностных отношений, А. В. Петровский действовал так, как и подобает действовать истинному теоретику. Рассматривая деятельные социальные общности-коллективы, психолог исходил из образа «идеального объекта» своего исследования, выдвигал теоретические и эмпирические гипотезы, соотносимые с этим объектом, строил модели, обладающие силой предсказывать и объяснять выявляемые закономерности. Та же – собственно теоретическая – установка прослеживается и в других разработках А. В. Петровского.

2. Новое поиимаиие личиости

Совместно с А. В. Петровским мы работали над созданием особой онтологической модели личности, не вполне привычной для исследователей тех лет.

Конструктивные возможности теории для нового понимания личности

Главный вопрос, волновавший А. В. Петровского как теоретика и экспериментатора в последние десятилетия его жизни, заключался, прежде всего, в том, чтобы

выявить конструктивные возможности теории деятельностного опосредствования для понимания личности человека, ее динамики, развития. Эта центральная тема придавала особый смысл тем шагам, которые предпринял А. В. Петровский в разработке концепции персонализации, трактующей личность индивида как его присутствие в жизнедеятельности других людей.

«Близкородственная» концепция персонализации в контексте собственной теории деятельностно-опосредованных отношений

Включаясь в разработку родственной ему (я бы сказал близкородственной) концепции персонализации, А.В. Петровский, как мне кажется, преследовал решение именно этой задачи – оценки собственной социально-психологической теории как инструмента понимания *личности*, а не только взаимоотношений между индивидами, вовлеченными в совместную деятельность и общение. Его также интересовала возможность использования концепции персонализации для понимания межличностных отношений в группе, опосредствованных деятельностью, а также групповой деятельности, опосредствованной межличностными отношениями. Особый интерес для автора теории деятельностного опосредствования представляли механизмы развития личности в различных социальных общностях и в процессах перехода из одной общности в другую.

Вместе с А. В. Петровским мы разрабатывали концепцию персонализации. В основе этой концепции – идея личности человека как его идеальной представленности в жизни других людей, включенности одного человека в пространство жизни другого*. Большой цикл исследований в этом направлении мы проводили совместно с А. В. Петровским (иногда как соавторы, иногда как соруководители по диссертационным исследованиям).

Поймать «личностное» в «экспериментальную ловушку»

Несколько слов я позволю сказать о себе как сотруднике Артура Владимировича. Два человека, почитаемых мною в качестве Учителей (А. В. Петровский и А.Н. Леонтьев), одинаково отвергали идею тождества понятий «личность» и «индивид». Я пытался найти феноменологическое свидетельство этой «нетождественности». В частности, как сказал бы М.Г. Ярошевский, поймать феномен «личностного», не сводимого к индивидному, в «экспериментальную ловушку». Одно

* Я обозначал это понятие в разные годы по-разному: «личностные вклады», «представленность и продолженность», «отраженная субъектность», «метаиндивидуальная атрибуция», «личностность», «инобытие» человека в человеке, «присутствие», «бессмертие как внутренняя цель общения» и др.

из моих решений состояло в том, чтобы понять «личностное» как действенную отраженность (присутствие) человека в жизни других людей. «Отраженная субъектность» – это идеальная представленность и продолженность одного человека в другом, инобытие кого-либо в ком-либо.

Метод «отраженной субъективности»

Мне казалось естественным предположить, что глубинным, неутилитарным мотивом общения между людьми является побуждение отражаться в других значимыми чертами своей индивидуальности, а еще глубже, за побуждением этим – стремление к личностному бессмертию. Рассмотрев несколько способов бытия человека как личности (интра-, интер- и метаиндивидная атрибуция), я предложил *метод «отраженной субъектности»,* позволяющий исследовать эффекты присутствия человека в человеке. Этот метод представляет собой *анализ личности индивида (*«исследуемого»*) посредством выявления динамики проявлений других людей* («испытуемых») при реальном или воображаемом контакте с ним (анализ возможных сдвигов в самооценке, типе и направленности фрустрационного реагирования, креативности, тенденции к риску, перцепции, динамики «зоны ближайшего развития» и т.д.).

А. В. Петровский – первый испытуемый будущей концепции

В этих экспериментах первым *испытуемым* был А. В. Петровский, а первым *исследуемым* – некто N. По завершении эксперимента Артур Владимирович был весьма впечатлен результатами. По сути, тогда он впервые сказал «да» будущей концепции. Для него было неожиданностью узнать об эффекте динамики образа собственного «я» при мысленном проигрывании личного контакта с N. «Поразительно! – сказал он мне. – Я и думать не мог, что в присутствии этого человека я становлюсь таким...» (самоатрибуцию опускаю). Остается добавить, что в присутствии этого человека не только Артур Владимирович, но и другие люди становились... (подробности опускаю).

Термин «персонализация» был предложен А. В. Петровским

Термин «персонализация» для обозначения этих эффектов и название концепции предложил мне Артур Владимирович. Он говорил потом, что всегда чувствовал необходимость ввести понятие, которое могло бы уравновесить по смыслу понятие «социализация», описывая противоположный по направленности процесс: не от социума к индивиду, а от индивида к социуму. Со временем выяснилось, что термин «персонализация» был «занят» (его использовали Тейяр де Шарден, психоаналитик Д. Винникотт, но, конечно, совершенно в ином плане). Мы, однако, решили, что этот термин

достаточно хорош, чтобы не пренебречь им, говоря, например, как это было в нашей совместной работе, о «потребности» в персонализации и «способности» к персонализации (хочу и могу «быть личностью»)*.

Потребность и способность персонализации

Гипотетическая *потребность* в персонализации (потребность «быть личностью») определялась нами как стремление индивида быть идеально представленным в других людях, жить в них, что предполагает поиск средств продолжения себя в другом человеке. Отталкиваясь от своей давней идеи о том, что потребность есть *сущность*, проявляющая себя многообразием мотивов и интересов, трактуемых, в свою очередь, как *проявления* этой сущности (1964), А. В. Петровский хотел тем самым подчеркнуть, что потребность в персонализации лежит в основе побуждений, которые ранее рассматривались независимо друг от друга (например, аффилиация, лидерство и др.).

Способность к персонализации (способность «быть личностью») – это индивидуально-психологические особенности человека, благодаря которым он совершает социально значимые поступки, обеспечивающие возможность получить идеальную представленность и продолженность в других людях. Персонализация достигает своей цели лишь в том случае, если ее участники являются взаимно значимыми.

А. В. Петровским была предложена трехфакторная концептуальная модель «значимого другого».

3. Трехфакторная модель «значимого другого»

Теория деятельностного опосредствования межличностных отношений обращала ее создателя к критическому анализу существующих в психологии способов понимания и эмпирического исследования личности (преодоление коллекционерского подхода, при котором производится инвентаризация «черт» и «особенностей» индивида), к уточнению представлений о личности как особом качестве включенности индивида в жизнь окружающих его индивидов (разработка концепции персонализации и трехкомпонентной модели «значимого другого»), к оформлению его собственных представлений о процессах развития личности (интерпретация развития

* Я пишу об этом, проявляя сыновнее неповиновение. Сам Артур Владимирович, не желая, я думаю, «экранировать» сына, возражал против обнародования авторства этого терминологического нововведения применительно к идее «личностности» (введенных мною терминов «личностные вклады», «инобытие индивида», «отраженная субъектность» и т.п.).

личности как результат деятельностно-опосредствованного общения индивида со «значимыми другими» в группах разного уровня развития, разработка модели возрастной периодизации развития личности).

«Значимый другой»: три аспекта значимости

Первый фактор – аттракция, способность «значимого другого» привлекать или отталкивать окружающих, вызывать симпатию или антипатию, быть социометрически избираемым или отверженным.

Второй фактор – референтность (при максимально позитивной ее выраженности – «власть авторитета»: признание окружающими за «значимым другим» права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах).

Третий фактор – власть, властные полномочия «значимого другого» (выход субъекта, наделенного властными полномочиями, из служебной иерархии нередко лишает его статуса «значимого другого» для его сослуживцев.

Трехфакторную модель значимого другого иллюстрируют условные примеры, приводимые А.В. Петровским: «Кумир» – человек, обожаемый другими, непререкаемо авторитетный, но не имеющий формальной власти над субъектом; «компетентный судья» – высокостатусный по своей социальной роли и авторитетный, знающий руководитель, но не вызывающий симпатии, хотя и неантипатичный; далее – «советчик-компьютер»; «деревенский дурачок», «божество» и т.п.

Создавая эту модель и называя ее «трехфакторной», А.В. Петровский не связывал напрямую имя модели с «одноименными» статистическими процедурами, (например, многофакторным анализом), однако планировал проведение таких исследований. Он рассчитывал, что со временем будет построена математическая модель «значимого другого», прогнозирующая его проявления в разных ситуациях деятельности.

Эвристичность трехфакторной модели «значимого другого»

Несомненные эвристические возможности трехфакторной модели «значимого другого» были подтверждены в исследованиях статусных различий и процессов группообразования в закрытых воспитательных учреждениях разного типа (детские дома, интернаты, колонии для несовершеннолетних правонарушителей и др.). В частности, в исследованиях М.Ю. Кондратьева [2] был открыт феномен «нисходящей слепоты» во взаимоотношениях подростков, взаимно непривлекательных, но различающихся по властному статусу: абсолютная референтность высокостатусных в глазах низкостатусных и антиреферентность низкостатусных в глазах высокостатусных.

Таким образом, исследователю открывается воз-

можность более обоснованно подойти к выявлению меры личностной значимости и влияния человека в группе – способность быть личностью в условиях конкретной социальной общности.

Теория деятельностного опосредствования и трехфакторная модель «значимого другого»

Возможно, читатель заметит, что трехфакторная модель «значимого другого» несет на себе печать трехуровневой модели описания внутригрупповой активности. Мы попробуем зафиксировать это соответствие, наглядно выражающее высказанную мысль (рис. 2).

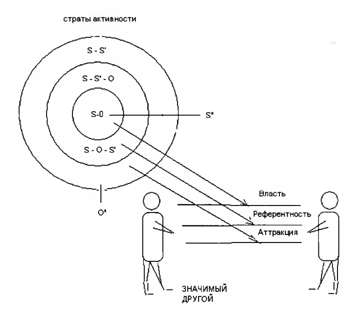

Рис. 2. Трехфакторная модель «значимого другого»

Как можно видеть, трехфакторная модель «значимого другого», относящаяся к психологии личности, логически преемственна по отношению к теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группе. Как истинный ученый, А.В. Петровский искал и находил такие повороты проблемы, которые позволили бы ему в конечном счете сложить «кубик Рубика» целостной теории.

4. Концепция макро- и микрофаз развития личности в социальных общностях

Детерминанты и фазы развития личности

Потребность и способность быть личностью – теоретические конструкты, положенные А.В. Петровским в основу построения модели макро- и микрофаз возрастного развития личности. Здесь также был использован принцип деятельностного опосредствования межлич-

ностных отношений в группах. В этой модели были представлены закономерности и этапы вхождения индивида в новую, относительно стабильную социальную среду, а также особенности перехода из одной социальной среды в другую. «Пружина развития» была осмыслена А. В. Петровским как противоречие между потребностью и способностью индивида быть личностью в группах, различающихся характером построения и содержанием совместной деятельности*.

Решающее значение в развитии личности А.В.Петровский придавал деятельностно-опосредованному общению индивидов, образующих группу. При этом он полагал, что макро- и микрофазы возрастного развития личности одинаково подчиняются логике чередования процессов адаптации, индивидуализации и интеграции личности в группах: в «малой» группе (круг непосредственных контактов, «ближние»), где выделяются *микро*фазы развития и в «большой» группе (общество в целом, «дальние»), где речь идет о *макро*фазах развития.

5. Идея теоретической психологии

Теоретическая психология – результат категориальной саморефлексии

Первоначально эта идея разрабатывалась А. В. Петровским совместно с М.Г. Ярошевским, а далее (мне повезло!) – со мной. Теоретическая психология представляет собой результат категориальной саморефлексии психологии как исторически складывающейся науки. Разработка «категориального строя» психологии базировалась на механизме особого категориального синтеза, позволяющего изобразить логические взаимопереходы и связи между категориями различных кластеров («субстанциональность», «направленность», «активность», «когнитивность», «пристрастность», «событийность», «действительность») и плеяд («биологические», «протопсихологические», «базисные психологические», «метапсихологические», «экстрапсихологические» категории).

---

* В ранее предложенной мною модели *вхождения личности в новую социальную общность*, где были выделены три фазы такого вхождения (первичная социализация, индивидуализация, интеграция), источником развития считалось противоречие в сознании между «я в себе и для себя» и «я в другом и для другого», а именно *переживаемый* человеком кризис неперсонализированности как явление субъективного порядка. Такое понимание представлялось А. В. Петровскому не вполне удовлетворительным. Он считал нужным сделать акцент на объективном противоречии между потребностью и способностью индивида персонализироваться в группе.

6. Проект «хронопсихологии»

А. В. Петровский – автор проекта «хронопсихологии», то есть *сравнительной социальной психологии времени*. В его последней книге «Психология и время» этот проект развернут в виде очерков о пережитом.

Идея двойственности психологического времени

А. В. Петровский писал: «Мы обратимся к феномену, характеризующему время в социально-психологическом измерении. Это двойственность восприятия времени... [эта идея], в учебниках психологии пока еще не зафиксированная. Каждый из нас объективно включен в исторический процесс, ни один человек не может быть свободен от тех условий и обстоятельств, в которых он живет и действует. Это так. Но совпадает ли во всех точках биография человека с перипетиями исторического процесса? Не бывает ли так, что дни, месяцы, а то и годы для народа, страны архитяжелые, а конкретный человек, отнюдь не выпадающий из своего окружения, переживает это время как счастливое? Может быть, он именно тогда признался в любви и узнал о взаимности, у него появился первый ребенок? Он живет как бы в двух временны́х плоскостях: объективной, исторической, и субъективной, личностной, биографической. Вспоминаю военные годы и вижу многочисленные тому подтверждения. Жизнь человека зачастую течет по своей собственной траектории, обходя ловушки, расставленные историческими обстоятельствами» [3, с. 10].

Но «хронопсихология» А. В. Петровского – она также и об этих «ловушках». В последние годы А. В. Петровский читал в Университете Российской академии образования (УРАО) замечательный курс «Политической истории психологии», в которой раскрывались закономерности жизни науки и человека науки в условиях тоталитарного государства.

7. Идеополе А. В. Петровского*

На пороге новой концепции

Спектр научных интересов и разработок А. В. Петровского я попытался представить графически (рис. 3). На этой схеме есть блок, содержание и название которого не было предметом обсуждения с Артуром Владимировичем при его жизни. Тем не менее логика развития его взглядов неизбежно приводит к обозначению новой сферы научных интересов и разработок, к которым А. В. Петровский фактически будет причастен как чело-

* Заимствую это замечательное слово – «идеополе» – у В. С. Мухиной [4].

Область научных интересов и разработок А.В. Петровского

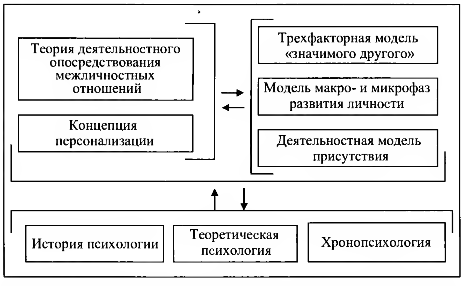

Рис. 3. Модель деятельностно-опосредствованного присутствия человека в человеке

век, *продолжающий свое бытие в учениках и сотрудниках.* Это – построение самой модели «деятельностно-опосредствованного присутствия» человека в человеке.

Человек представлен и продолжен в других людях не только *эмоционально*, но также и *ценностно, деятельно*. Представлен той «силой жизни», которая после его физического ухода, как писал Л.Н. Толстой, «не только не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась, и сильнее, чем прежде, воздействует на меня».

Деятельностно-опосредованное присутствие

Необходимо «просто» признать и принять этот факт, не подменяя идею деятельностно-опосредствованного присутствия идеей «памяти». *Инобытие деятельного субъекта активно.* Уже после ухода А.В. Петровского из жизни, а точнее, после перехода его в другую жизнь – жизнь в других, особенно остро ощущается то, о чем мы с ним никогда не писали. Он присутствует во мне как человек действия, как действующий человек. Не просто его присутствие, но его деятельностно-опосредствованное присутствие в себе я сейчас ощущаю, ибо теперь, когда я пишу всё это, поди разбери, кто сейчас водит рукой, кто подсказывает, что сказать дальше…

«Многовершинность»

Зная жизненный путь личности А.В. Петровского, можно было бы сказать о нем, что это многоплановый человек. Это – бесспорно. Но слово «многоплановый», может быть, не самое точное. Артуру Владимировичу была совершенно чужда манера «строить планы», «гро-

мадьё» которых, как известно, способно затмить достижения. А.В. Петровский был «многовершинным» человеком, и каждая из его вершин рано или поздно превращалась в свершение.

Вневременное измерение жизни

Последняя книга была закончена им в дни ухода его из жизни. Ее название «Психология и время» символически связано с самим событием перехода из состояния «бытие во времени» во вневременное измерение жизни, – в то состояние инобытия, «идеальной представленности и продолженности», о котором Артур Владимирович Петровский много размышлял и писал в последние годы жизни.

---

1. *Петровский В.А.* Вместо послесловия. «Многовершинность» личности // Петровский А.В. Психология и время. – М., 2007. – С. 437–447.

2. *Кондратьев М.Ю.* Психология межличностных отношений подростка в закрытых учебно-воспитательных учреждениях: Автореф. реф. дис. ... д-ра. психол. наук. – М., 1994.

3. *Петровский А.В.* Психология и время. – М., 2007.

4. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 3-е изд., исправл. и доп. – М., 2013.

Теории и исследования

Артур Петровский

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ «БЕЗ ВСЯКОЙ ПОЛИТИКИ»*

Аннотация. *Статья подытоживает социально-психологические разработки А. В. Петровского и его сотрудников, лежащие в основе теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в коллективе. Прослеживается предыстория создания этой теории; характеризуется общая идея, лежащая в основе теории деятельностного опосредствования; предлагается онтологическая модель малой группы как коллектива; представлен корпус методических приемов исследования; описаны результаты оригинальных социально-психологических исследований, демонстрирующих специфику групп высокого уровня развития (феномены деятельностно-опосредствованных межличностных отношений); изложена авторская трехфакторная модель «значимого другого».*

Ключевые слова: *стратометрическая концепция; деятельностное опосредование; слои групповой активности; малая группа; коллектив; уровень развития группы; трехфакторная модель «значимого другого».*

Abstract. *Socio-psychological works of A. V. Petrovsky and his collaborators that form a basis for the theory of activity-mediated interpersonal relations in a collective are summarized in the article. The prehistory of this theory creation is retraced and the basic idea of the approach is examined. Ontological model of a small group as a collective is proposed; methodological techniques are described; the results of original socio-psychological researches in which specific character of groups with high level of development (phenomena of activity-mediated interpersonal relations) are described; the author's three-factor model of "significant other" is stated.*

Keywords: *stratametric conception; activity-mediated relations; levels of group's activity; small group; collective; level of group's development; three-factor model of "significant other".*

* Из книги А. В. Петровского «Психология и время» [1].

Социальная общность. Не общий взгляд

«Куда ставить карточки?»

Боюсь, что на взгляд читателя предложенное выше название главы может показаться абсурдным. Как если бы было сказано «Теоретическая физика без всякой математики». В самом деле, какая же еще отрасль психологии в большей степени должна быть политизирована, чем социальная психология? Кажущаяся нелепость названия, скорее более, чем менее, резала бы слух, к примеру, в начале 60-х годов прошлого века.

Помню, позвонила мне родственница, работавшая в Центральной библиотеке по народному образованию имени К.Д. Ушинского, и попросила помочь ей решить вопрос, поставленный перед ней библиотечным начальством: куда ставить каталожные карточки, в которых отражена проблематика социальной психологии? Туда, где размещаются основные отрасли психологии: общая, педагогическая, инженерная и др., или поместить их под рубрикой «буржуазная психология»? Я взял на себя смелость не относить социальную психологию к «буржуазной» и найти ей место среди других разделов психологической науки. Сейчас ситуация выглядит несколько комичной, но 45 лет назад это была серьезная проблема, имеющая определенный политический привкус.

Начало теории положено

...Задача заключалась в том, чтобы найти психологические механизмы, которые определяют существование коллектива, его структуру, складывающиеся в нем межличностные отношения, оказывающие влияние на эффективность совместной деятельности и опосредствуемые самой этой деятельностью. Именно тогда было положено начало создания теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах разного уровня развития.

Конечно, сейчас мы легко можем заменить термин «коллектив» какими-нибудь более созвучными времени словами (к примеру, «команда» и др.), но это ничего не меняет в его психологических характеристиках и относится исключительно к словоупотреблению. Состояние личности в коллективе, команде, словом, в деятельной социальной общности можно было исследовать, избегая каких-либо политических включений. В этом отношении оказывается справедливым название данного раздела книги.

Основы социальной психологии закладывались под влиянием ряда исходных теорий

...Основы социальной психологии закладывались первоначально под влиянием гештальтпсихологии, бихевиоризма и психоанализа. Это влияние ощущалось и в последующей методологической направленности работ психологов. К. Левин видел источники и движу-

щие силы развития взаимоотношений людей в их социальной жизни. Он рассматривал потребности как стержень направленности личности, называя их главным генератором, источником активности человека. Центр внимания переместился на изучение эффективности группового взаимодействия, лидерства, коммуникаций, распространения влияния и создания авторитета. К. Левин применял понятия «силовое поле», «напряженность», «вектор», заимствованные из физики, пытаясь применить ее законы к человеческому поведению. <...> На общее развитие групповой динамики как особой области социальной психологии оказали в наши дни несомненное влияние не только теория поля К. Левина, но и иные социально-психологические концепции, связанные с именами Дж. Морено, Л. Фестингера и др. <...> Одна из характеристик особенностей развития социальной психологии за рубежом, в первую очередь в США, – огромное количество накопленного эмпирического материала (библиография только по прикладным аспектам социальной психологии достигала к концу 70-х гг. в США свыше 10 000 наименований).

Малая группа – эмоциональная общность

В широком спектре американских социально-психологических исследований заметно выделяются многочисленные работы, направленные на изучение малых групп, контактных общностей, где осуществляются взаимоотношения и взаимодействия индивидов. Если оставить в стороне весьма длинную предысторию, то можно сказать, что начало такого рода исследованиям положил состоявшийся в 1946 г. в Гарварде семинар по малым группам, который выделил и соответствующую проблематику, и заинтересованных в ее разработке психологов (Р. Бейлс, А. Зандер, Д. Картрайт и др.).

Особый интерес к механизмам взаимодействия людей

Четко очерченная область экспериментального изучения, изобретательность в создании методических приемов и, наконец, многообещающая перспектива понять механизм взаимодействия людей в процессе совместной производственной деятельности, перспектива, которая привлекала к себе особый интерес и, соответственно, инвестиции предпринимателей, – все это способствовало превращению данной области социальной психологии в одну из наиболее популярных.

Однако что же представляла собой та традиционная психологическая теория, на которую опирались многочисленные исследования в сфере малых групп? ... Малая группа рассматривалась в свете отношений преимущественно эмоционального характера (симпатия,

антипатия, безразличие, изоляция, податливость, активность, подчинение, агрессия и т.д.). Едва ли не главным объективным ее критерием признавалась частота взаимодействий, с которой оказываются связанными и многие другие параметры группы.

Малая группа как некое феноменальное объединение

С точки зрения анализируемой теории малая группа есть группа лиц, связанных друг с другом в течение какого-то периода (Г. Хоманс); некоторое объединение взаимодействующих людей, находящихся в непосредственном контакте (лицом к лицу) или серии контактов, причем так, что у каждого члена группы существует перцепция (восприятие) всех остальных (А. Хейр). Приведенные и другие близкие к ним определения отличались тем, что в них, с одной стороны, черты малой группы оказывались нарочито психологизированными, выхваченными из более широкого социального контекста, который и придает статус реальности всякой действующей группе (если только речь идет не о ее лабораторных эрзацах), а с другой стороны, собственно психологическая часть определения сводилась к указанию на поверхностные связи и отношения в группе и была заведомо упрощенной. Такая трактовка малой группы, очевидно, не могла послужить основой для построения адекватной социально-психологической концепции группового взаимодействия.

Во имя чистоты эксперимента...

Стремление во имя чистоты эксперимента отказаться от обращения к содержательной стороне деятельности группы и работать преимущественно с незначимым материалом, со случайными общностями, имеющими характер диффузных групп и людских конгломератов, вообще формализовать исследование вело к тому, что полученные в нем выводы оказывалось невозможным экстраполировать на реальные группы, объединенные общими и значимыми целями и ценностями.

Поиск «молекулы» межличностных отношений

...Для того чтобы найти теоретически адекватное решение данного вопроса, требовалось обнаружить скрытый механизм групповой динамики, некоторую «клеточку», «молекулу» межличностных отношений. Это позволило бы понять, что является действительной основой связей людей в группе вообще и в коллективе как особом ее виде в частности. Тогда можно было бы определить стратегию развития социальной психологии групп, изучения межличностных отношений вообще. Образно говоря, следовало решить, должна ли она катить свой камень на вершину пирамиды, уже воздвигнутой усилиями традиционной психологии, или

нужно разобрать эту пирамиду и, найдя иной краеугольный камень, строить новую.

Конформность индивида в группе: факты, казалось бы, несомненны...

Имея в виду эту общую методологическую задачу, мы обратились в конце 60-х гг. к проблеме конформности индивида в группе, по поводу которой за последние 20–30 лет был накоплен большой экспериментальный материал и получены достаточно впечатляющие и сами по себе, казалось бы, не вызывающие сомнений выводы.

Дилемма: конформист или нонконформист?

...Бесспорен тот факт, что человек в группе оказывается объектом воздействия со стороны своего ближайшего окружения. С позиции традиционной социальной психологии в условиях группового давления может принимать суждения окружающих на веру и действовать в соответствии с тем, чего ждет от него группа или, точнее, с тем, как ему кажется должна ждать от него группа. Все это совершенно справедливо. И сама собой возникает дилемма, которую требуется решить в отношении каждого. Либо этот человек конформист, на каждом шагу оглядывающийся на окружающих, чтобы не сделать чего-нибудь, идущего вразрез с тем, что делают другие, соглашатель по самому своему существу, либо нонконформист, негативист, бунтующий против всех социальных запретов и ограничений, действующий вопреки принятым нормам поведения и настояниям общества. Вот и выбирай: конформист ты или нонконформист – третьего не дано; на этом выборе настаивали все социальные психологии, как в нашей стране, так и за ее пределами.

Начало исследования личности в группе

...На XIX Международный психологический конгресс (Лондон, 1969 г.) мною был представлен доклад, который назывался «Конформизм и коллективизм». С него, собственно, и началось наше исследование личности в группе.

Индивид зависит от давления группы

Начиная с экспериментов С. Аша и М. Шерифа (40-е гг. прошлого века, США), считалось установленным, что под влиянием давления группы по меньшей мере треть индивидов меняет свое мнение и принимает навязанное большинством, обнаруживая нежелание высказывать и отстаивать собственное мнение в условиях, когда оно не совпадало с оценками остальных участников эксперимента, то есть проявляя конформность. Индивид, находясь в условиях группового давления, может быть либо конформистом, либо нонконформистом. Все дальнейшие исследования носили характер уточнения этого вывода. Выяснялось, усиливается ли конформность при увеличении группы; как сами испытуемые интерпретируют свое конформное поведение;

выявлялись половые и возрастные особенности конформных реакций и т. д.

Сущностный смысл воспитания

Указанная альтернатива оборачивалась вполне определенной педагогической дилеммой: либо видеть смысл воспитания в возможности личности противостоять воздействию социального окружения, либо воспитывать индивидов, склонных всегда соглашаться с остальными, не умеющих и не желающих противостоять влиянию группы, то есть конформистов. Очевидная неудовлетворительность подобной постановки вопроса наводила на мысль о ложности исходной альтернативы. Очевидно, в самом понимании сущности взаимодействия личности и группы крылась некая серьезная методологическая ошибка, заводящая психолога в тупик.

Пересмотреть модель группового взаимодействия! Предыстория вопроса

Выход из этой ситуации, по-видимому, состоял в том, чтобы пересмотреть сущность концепций групповой динамики и выяснить, насколько правомерно использование предложенной в ней модели группового взаимодействия.

...Что представляет собой группа, которая воздействует на индивида в классических экспериментах С. Аша, Р. Крачфилда, М. Шерифа? Это случайное объединение людей, то, что может быть названо «диффузной группой»*. По условиям эксперимента предусматривалось изучение чисто механического воздействия группы на личность, группы как простой совокупности индивидов, ничем, кроме общего места и времени пребывания, друг с другом не связанных.

Исследования конформности с помощью подставной группы

Исследование конформности проводилось с помощью так называемой подставной группы. В этом случае либо используется группа людей, сговорившихся дезинформировать «наивного» постороннего индивида, либо экспериментатор намеренно искажает информацию, поступающую от группы, с помощью контроля над линиями связи между группой и «обрабатываемым» индивидом. Методика предполагала решение задач, не значимых для испытуемых. Например, им предлагалось определять длину отрезков прямой линии, продолжительность кратких интервалов времени и т. д. Во всех этих экспериментах испытуемые могли прочувствовать давление, оказываемое «подставной группой», от имени которой им предъявлялось якобы правильное решение предъявленной задачи.

---

* *Диффузная группа* (от лат. слова diffusio – «рассеивание», «разлитие», антоним «сплоченности») – общность, в которой нет сплоченности как ценностно-ориентационного единства и нет совместной деятельности, способной опосредствовать отношения её участников.

Проявление конформности – типичная поведенческая реакция

Эксперименты показали, что число лиц, в большей или меньшей степени проявивших конформность, весьма велико. <...> Если через некоторое время дать задание определить продолжительность минуты в отсутствиt группы, то выявляются индивиды, которые со снятием группового давления возвращаются к своей первоначальной (правильной) оценке. Остальные же продолжают сохранять прежнюю позицию. Очевидно, что первые, не желая выделяться из группы, чисто внешне приняли ее позицию и легко отказались от нее, как только давление устранялось (тенденция к конформности), а вторые бесконфликтно приняли «общую точку зрения» и сохраняли ее в дальнейшем (тенденция к внушаемости).

Подчинение или сопротивление групповому давлению

Эти исследования, проводившиеся 40 лет назад в нашей лаборатории, исходили из концепции подчинения или сопротивления групповому давлению и повторяли основные сюжеты экспериментации Р. Крачфилда. Критика традиционных концепций конформизма здесь, как и в работах других отечественных авторов, сводилась главным образом к утверждению о недопустимости экстраполяции экспериментально-психологических ситуаций, описанных С. Ашем, на жизнь общества в целом.

Традиционная критика модели Аша верна, но недостаточна

Само по себе это было верно, но недостаточно для оценки концепции «группового давления» и выработки методологически адекватного отношения к ней. Здесь невольно затушевывалась упрощенная по своей сути трактовка взаимоотношений индивидов в группе, где личность оказывалась подчинена действию сил притяжения и отталкивания, а ее ценностно-ориентационная направленность, если и признавалась, то реально не учитывалась.

...В свете данного вопроса становится понятным, что составляет суть концепции малой группы, принятой исследователями групповой динамики. Взаимоотношения людей мыслятся ими как непосредственные, взятые безотносительно к реальному содержанию совместной деятельности, оторванные от социальных процессов, частью которых они на самом деле являются. В этой связи нами была выдвинута гипотеза, что в общностях, объединяющих людей на основе совместной деятельности, значимой не только для них самих, но и для их социального окружения, взаимоотношения людей опосредствуются ее содержанием и ценностями.

Подлинная альтернатива конформности – не нонконформизм

Если это так, то подлинной альтернативой конформности должен выступить не нонконформизм (негативизм, независимость и т. д.), а некоторое особое

качество личности, которое предстояло изучить экспериментально.

Гипотеза определила тактику экспериментальных исследований. Была сделана попытка сопоставить внушающее воздействие на личность неорганизованной группы и сложившегося коллектива. И совершенно неожиданно выяснилось, что внушающее влияние мнения случайно собравшихся людей на индивида проявляется в большей степени, чем влияние мнения организованного коллектива, к которому данный индивид принадлежит.

Дилемме «автономия – подчиненность группе» противостоит самоопределение личности в коллективе

Но парадоксальность этого экспериментально обоснованного вывода лишь кажущаяся. <...> Было выявлено, что дилемме «автономия – подчиненность группе» противостоит самоопределение личности в коллективе, а противоположность неосознаваемым установкам внушаемости составляют осознаваемые волевые акты, в которых реализуется самоопределение. Все это позволило сформулировать задачу новой серии исследований, которые были ориентированы на углубленный анализ самоопределения личности.

Если, используя методику «подставной группы», побуждать личность якобы от имени коллектива, к которому она принадлежит, отказаться от принятых в нем ценностных ориентаций, то возникает конфликтная ситуация, разделяющая индивидов, проявляющих конформность, и индивидов, способных осуществить акты коллективистского самоопределения, то есть действовать в соответствии со своими внутренними ценностями.

Самоопределение личности коррелирует с устойчивыми ценностными ориентациями

Самоопределение личности возникает в том случае, когда поведение личности в условиях специально организованного группового давления обусловлено не непосредственным влиянием группы и не индивидуальной склонностью к внушаемости, а, главным образом, принятыми в группе целями и задачами деятельности, устойчивыми ценностными ориентациями. В коллективе, в отличие от диффузной группы, самоопределение личности является преобладающим способом реакции личности на групповое давление и потому выступает как формообразующий признак. Обратимся к конкретному эксперименту.

Самоопределение личности – модель эксперимента

Сначала выявлялись общие позиции согласия или несогласия членов группы с предложенными этическими суждениями. Как правило, выделялась основная масса испытуемых, которые выражали согласие с общепринятыми нормами, отраженными в предложенных экспериментатором суждениях, и небольшая группа

лиц, которые занимали негативистскую позицию. В дальнейшие эксперименты последняя группа не включалась, так как изучение негативизма как психологической проблемы не входило в задачи данного исследования. По отношению ко всем остальным возникал вопрос: что означает психологически их согласие с предложенными этическими суждениями? Является ли оно результатом подчинения групповому давлению, которое неявно выражено в самом факте общепринятости моральной нормы, содержащейся в суждениях экспериментатора? Другими словами, не свидетельствует ли их согласие о стремлении быть такими, как все, не выйти за рамки поведения, которое они не без оснований приписывают другим членам группы как нормативное, ожидаемое, социально одобряемое? Не результат ли это конформности индивида в группе, как следует из экспериментов и теоретических обобщений традиционно мыслящих социальных психологов? Но можно было выдвинуть – что мы и сделали – диаметрально противоположное предположение: быть может, согласие есть не подчинение групповому давлению, не конформность, а результат совпадения ценностей личности с общепринятыми этическими ценностями, выраженными в предложенных суждениях? И тогда то, что внешне выглядит как конформность, несет в себе иной психологический смысл и выступает как подлинная альтернатива конформизму.

Экспериментальная дифференциация группы

Последующий эксперимент был построен таким образом, чтобы давление группы (это была, разумеется, «подставная группа») направить вразрез с общепринятыми ценностями и создать конфликтную ситуацию, в которой должно было быть подтверждено или опровергнуто одно из выдвинутых выше предположений. Тем самым производилась экспериментальная дифференциация группы на конформистов (скажем сразу, что их оказалось меньшинство) и людей, которые обнаруживают самоопределение личности, беря на себя защиту общегрупповых ценностей даже в тех случаях, когда от них отказывается остальная часть группы.

Описанное исследование проводилось на материале этических ценностей. Однако самоопределение личности предполагает защиту не только нравственных ценностей, но также целей и задач, принятых группой в процессе совместной деятельности.

Итак, самоопределение личности по отношению к целям деятельности группы – такой же реальный феномен внутригрупповой активности, как и самоопределе-

ние личности в сфере нравственных ценностей, принятых коллективом.

Самоопределение, а не нонконформизм и не «устойчивость личности» в группе

Именно самоопределение личности, а не нонконформизм и не «устойчивость личности» в группе, за которыми могут скрываться негативизм и нигилизм по отношению к групповым требованиям, ожиданиям и воздействиям, составляет альтернативу конформизму.

Феномен самоопределения личности оказался той самой искомой «молекулой», в которой обнаруживаются важнейшие социально-психологические характеристики живого социального организма. Отношения между двумя или несколькими индивидами не могут быть во всех случаях сведены к непосредственной связи между ними. В группах, осуществляющих совместную деятельность, они неизбежно опосредствуются содержанием, ценностями и целями совместной деятельности.

Отношения в диффузной и высокоразвитой группах – непосредственные и опосредствованные

Относительно непосредственные взаимоотношения могут быть зафиксированы в диффузной группе; в группе высокого уровня развития они имеют преимущественно опосредствованный характер, обусловленный совместной деятельностью.

Таким образом, нам приоткрывается целое поле ранее не исследованных феноменов. Имена у всех этих феноменов разные, но всё-таки это члены «единой фамилии». Каждый такой феномен – еще один аргумент в пользу того, что межличностные отношения в развитой группе (коллективе, команде) опосредствуются содержательными – деятельностными – отношениями, существующими в этой группе. Все эти феномены были предметом специальных психологических разработок, многочисленных публикаций и диссертаций, в разное время защищенных моими сотрудниками и учениками, легли в основу предложенной нами теории деятельностного опосредствования межличностных отношений [2].

Рассмотрим еще *несколько феноменов-«молекул» межличностных отношений в группе.*

Опосредствованность межличностных выборов – «мотивационное ядро»

В дальнейшем, говоря об опосредствованности, я всякий раз буду иметь в виду деятельностные основания и детерминанты внутригрупповых явлений. Среди них и предпочтения, оказываемые одними членами группы другим. Стремление психологов, занимающихся социометрическими замерами, установить с помощью простой процедуры выбора симпатии и антипатии членов группы неизбежно сталкивает исследователя с проблемой скрытых оснований выбора. Оказывается, что искомые внутренние детерминанты выбора лишь отчасти могут быть описаны в терминах симпатии и анти-

патии. Такой взгляд, в отличие от традиционного, формируется при исследовании так называемого мотивационного ядра межличностных выборов: мотивов, в силу которых личность предпочитает одних членов группы другим [3]. По сравнению с формальной картиной деловых связей социометрическая развертка межличностных отношений в группе: 1) выступает в роли психологической структуры социальных связей; 2) сама становится формальной структурой по отношению к тем содержательным факторам, которые определяют психологическое единство группы.

Выявление мотивационного ядра межличностного выбора

В.А. Петровский следующим образом поясняет разработанную им методику выявления мотивационного ядра межличностного выбора (специальные статистические аспекты реализации процедуры мы опускаем). Допустим, школьнику, не подготовленному к сложному диктанту по пройденному материалу, предоставлено право свободно выбрать для себя соседа по парте; при этом школьникам предлагают оценить (проранжировать) всех своих одноклассников по разным критериям. Вот, например, один из таких критериев: «даст или не даст списать». Если испытуемый делает ставку на списывание, то при сопоставлении двух рядов (отвечающих социометрическому выбору: «с кем хочешь сидеть за партой?» и оценке: «даст ли списать?») такие ряды совпадут. И в этом случае затаенная надежда школьника получить помощь – единственное содержание мотивационного ядра выбора соседа по парте. Подобным же образом можно составить упорядоченные ряды применительно к разным достоинствам личности. Если затем выстроить эти ряды в иерархическом порядке и сравнить с рядом, который был получен на базе социометрической инструкции, то становится видно, входят ли соответствующие личностные достоинства членов группы в мотивационное ядро выбора или нет, а также какова их возможная роль в выборе предпочтений.

Содержание мотивационного ядра межличностных выборов указывает на уровень развития группы

Выявление мотивационного ядра выбора способствует пониманию взаимоотношений всякий раз, когда возникают вопросы: почему социометрическая картина в данной группе именно такая? почему такой-то член группы предпочитает такого-то? почему некоторая часть группы числится в категории «звезд», а другая – в числе «отверженных»? Экспериментально установлено (Н.М. Швалева), что содержание мотивационного ядра выбора партнера в структуре межличностных отношений может служить показателем того уровня, которого достигла данная группа. На начальной стадии форми-

рования группы выбор характеризуется непосредственной эмоциональной окраской, а ориентации в выборе партнера направлены в большей степени на его внешние достоинства (общительность, внешняя привлекательность, манера одеваться и т.п.). Выбор же в группе более высокой стадии развития осуществляется не только на основании чувств, возникающих при первом впечатлении, но, исходя из оценки более глубоких личностных качеств, которые проявляются в совместной деятельности и в значимых для личности поступках.

По мере развития группы повышается статус таких качеств личности, которые характеризуют наиболее ценные ее особенности, формирующиеся и проявляющиеся в совместной деятельности.

Референтность versus аттракция

Ценности, которые составляют глубинный фундамент социально значимой деятельности группы, образуют вместе с тем основание для внутригрупповой предпочтительности и выбора по признаку референтности. Создатель социометрии Дж. Морено, как известно, выделил в групповой организации две главные структуры: формальную (официальную, видимую, внешнюю) и неформальную (внутреннюю, неявную, динамическую), скрытую за или под формальной. Надо полагать, что такая дифференциация структур оказалась достаточно продуктивной. Однако Дж. Морено отождествил неформальную (динамическую) структуру с социометрической сеткой, а связи внутри этой структуры охарактеризовал исключительно как эмоциональные. Между тем за формальной структурой, помимо социометрической, оставалась скрытой еще одна неформальная групповая структура, значение которой не менее, а быть может, и более важно для понимания групповой жизни, в которой аккумулированы ценностные ориентации субъекта.

Идея референтометрии

Разработанная в рамках теории деятельностного опосредствования, идея референтометрии состояла в том, чтобы, с одной стороны, дать возможность испытуемому ознакомиться с мнением любого члена группы по поводу заранее отобранных и, несомненно, значимых объектов (в том числе с оценкой его, испытуемого, личных качеств), а с другой – строго ограничить число таких избираемых лиц. Это вынуждало испытуемых проявлять высокую степень избирательности в отношении круга лиц, чье мнение и оценка его привлекали прежде всех других.

Исследование было предпринято нашим аспирантом Е.В. Щедриной [4]. Беседуя наедине с каждым испытуемым, экспериментатор говорил ему о возможности узнать, если представится такой случай, некото-

рые из оценок (или межличностных выборов) окружающих его членов группы. После того как испытуемым был назван кто-то один из группы, экспериментатор объявлял, что можно сделать еще один, и вероятно последний, выбор. И, наконец, испытуемому разрешалось сделать действительно последний выбор, на этот раз окончательный. Инструкция была специально составлена таким образом, чтобы испытуемый не знал в точности, с каким количеством оценок ему в дальнейшем разрешат ознакомиться. Это делалось для выявления строго упорядоченного круга лиц, оценки которых могли бы заинтересовать испытуемого [2, с. 122].

Референтометрическая процедура

Исследование явлений референтности с помощью референтометрической процедуры привело к весьма интересным результатам. Начнем с того, что они полностью подтвердили гипотезу о наличии в каждой группе особой системы предпочтений и выборов, основанием которой является признак референтности. В формальном отношении эта система связей обладает теми же характеристиками, что и социометрическая. Референтометрическая процедура дает представление о статусной структуре (кто есть кто в группе), взаимности предпочтений или ее отсутствии, открывает возможность выявления мотивационного ядра выбора, а также проведения аутореферентометрического эксперимента (где испытуемый прогнозирует свое место в системе выборов), позволяет осуществлять математическую обработку данных, выражать их графически, составлять карты и матрицы выборов и т.д. Но, в отличие от социометрической сети, основанием выбора оказываются не симпатии или антипатии, а ценностный фактор.

Возможность несовпадения социометрического и референтометрического выборов

Может возникнуть вопрос: а как соотносятся между собой обе системы внутригрупповых выборов? На этот вопрос также был получен ответ в эксперименте. Как выяснилось, совпадение не исключается, но более чем возможно несовпадение и даже существенное расхождение референтометрических и социометрических выборов.

Больше чем в половине случаев имело место слабое взаимодействие между выборами (когда всего один человек, кем-то выбранный в социометрии, оказывался им же выбранным в условиях референтометрии) или же выборы вовсе не совпадали. Нередко те, кто принадлежал в социометрическом эксперименте к «отверженным», тем же самым лицом избирался в референтометрической серии. В некоторых группах этот феномен имел место в 25–28 % возможного количества таких случаев. Интересно сопоставить эти данные с результатами

сравнения выборов по двум полярным социометрическим критериям – критерию отдыха и деловым критериям. Здесь совпадение подобного «разнонаправленного» выбора отмечалось лишь в 1% случаев.

В социометрическом выборе детерминантой выступает эмоциональный фактор

Можно сделать вывод, что в социометрическом выборе непосредственной детерминантой явно выступает эмоциональный фактор, доминирующий независимо от того, для чего избирается человек (для дела или для развлечения). В случае социометрического выбора – по признаку делового сотрудничества, хотя и избирается партнер для совместной работы; лицо, осуществляющее выбор, сплошь и рядом исходит из эмоционального предпочтения, оставляя в стороне его ценностные характеристики. Иное дело – выбор, основанный на факторах референтности (ценностно-нормативном, сравнительном, оценочном и факторе стремления к повышению социального статуса). Социальная значимость этих факторов, их доминирующая роль в общей детерминации коллективной деятельности представляется бесспорной.

Различия между социометрической и референтометрической системами групповых предпочтений

Принципиальное различие между социометрической и референтометрической системами групповых предпочтений подтверждают и другие результаты, в частности низкие корреляции между социометрическими и референтометрическими статусами индивидов. Примечательно, что многие лица (но, разумеется, далеко не все), пребывавшие в категории социометрических «отверженных», оказались в ранге референтометрических «звезд». Таким образом, то, что индивид не избран другим индивидом «по зову сердца», еще не является решающей характеристикой его положения в системе внутригрупповой дифференциации. Необходимо еще выяснить, не окажется ли он своего рода «оракулом» группы, ее «доверенным лицом», «авторитетом», не его ли глазами предпочитает смотреть группа на людей, события и обстоятельства деятельности. Вообще надо узнать, насколько он значим, референтен для своих товарищей.

Проверка адекватности референтометрии как приема исследования референтности

Но, быть может, референтометрический выбор не свидетельствует о том, что избираемость осуществляется именно по признаку референтности*? Что, если индивид просто выделяет тех, чье мнение ему пока неизвестно, и обходит

---

* Это не единственное свидетельство адекватности предложенного приема. В исследовании Е.В. Щедриной [4] выбор членов группы, основанный на факторах референтности (ценностно-нормативном, сравнительном, оценочном и факторе стремления к повышению социального статуса), сопоставлялся с референтометрическими предпочтениями. Во всех случаях были получены статистически значимые положительные корреляции.

тех, чье мнение у него никаких сомнений не вызывает? И это предположение было проверено экспериментально. Предварительно была выяснена степень уверенности индивида в оценках, которые давали ему товарищи по группе. При этом более чем в половине случаев испытуемые выражали высокую степень уверенности в предполагаемых оценках (10 % – уверенность практически стопроцентную). И тем не менее оценку собственной персоны индивид запрашивал через экспериментатора именно у этих членов группы. «Данный показатель, – пишет Е.В. Щедрина, – может быть, по-видимому, назван парадоксом стремления испытуемых к получению избыточной информации о значимом объекте от референтных для них лиц» [4].

В самом деле, парадокс! Но разве не ту же психологическую подоплеку имеет извечный вопрос, который не устают задавать друг другу влюбленные: «Ты меня любишь?». Казалось бы, все ясно, выбор давно осуществлен, доказательства получены и достаточно неопровержимы, но, тем не менее, именно это, «самое референтное» в мире существо вновь и вновь запрашивается: «Ты меня любишь?».

Референтный выбор отражает специфику межличностных отношений

Очевидно, что референтный выбор отражает существенную сторону психологии межличностных отношений, позволяет осуществлять референтометрическое ви́дение групповых связей, базирующихся на ценностном основании, открывает новые пространства для социально-психологического исследования. Он не оставляет социометрический подход и социометрический тест в качестве единственного инструмента познания групповой дифференциации. Причем апеллирует не к поверхностному слою внутригрупповой активности (отношения аттракции, то есть эмоциональной привлекательности), а к ее глубинным слоям, обусловленным содержанием и ценностями деятельности. Это, безусловно, более содержательная характеристика групповой дифференциации по сравнению с социометрией. Если последняя позволяет дать пунктирный абрис межличностных отношений в группе как некой общности, где связи являются внешними и преимущественно эмоциональными: «хочу быть с ним – не хочу быть с ним», «он мне нравится – он мне не нравится», то психологическое изучение группы, где отношения между ее членами содержательно опосредствованы, с необходимостью требует учета показателей референтности.

Ценностно-ориентационное единство versus эмоциональная сплоченность

Приняв в качестве исходных эмоционально-психологические отношения между индивидами, находящие выражение в коммуникативной практике малой груп-

пы (прежде всего в частоте, длительности и порядке взаимодействия), психологи, по существу, не ставили перед собой задачи установить, от чего зависят сами эти отношения. Таким образом, содержательный аспект групповых взаимоотношений, в том числе феномена сплоченности, как правило, устранялся из социально-психологического исследования. Ведущим же способом выявления сплоченности стала регистрация взаимодействия, коммуникативных актов, взаимных выборов и предпочтений, базирующихся на симпатиях и антипатиях, а практические рекомендации психолога относительно повышения сплоченности группы по преимуществу были связаны с возможным изменением ее социометрической структуры.

Волшебное средство повысить сплоченность группы?

«При изъятии лиц с низким социометрическим статусом из группы и включении в нее лиц с высокой степенью социометрического статуса улучшалась сплоченность группы», – писал Дж. Морено [5, с. 158]. Таким образом, достаточно провести некоторые преобразования в сложившейся структуре группы (к примеру, вывести конфликтных лиц) и разобщенная группа станет собранной и сплоченной. Быть может, в отдельных случаях далеко зашедшего межличностного конфликта прибегнуть к «остракизму» и следует, но это отнюдь не генеральный путь повышения сплоченности.

Такая программа исследований сплоченности не предусматривает изучения норм и ценностных ориентаций, которые складываются в группе на наиболее важной для нее основе – основе активной совместной деятельности, имеющей предметный характер, определенную направленность, смысл и цель.

Не случайно исследования сплоченности были сугубо лабораторными

Не случайно исследования сплоченности были главным образом сугубо лабораторными, где объектами изучения становились искусственно сформированные группы, функционировавшие в условных ситуациях кооперации или конкуренции, авторитарного или демократического стиля лидерства и т.д. Сплоченность как устойчивость структуры группы, ее способность оказывать сопротивление силам, направленным на ослабление или разрыв межличностных связей, трактуется как такое состояние группы, к которому она приходит в результате возрастания частоты взаимодействий между членами группы; причем чем больше частота взаимодействия между членами группы, тем выше степень их симпатии друг к другу, выше уровень сплоченности, и наоборот. Сравнивая между собой эти коэффициенты, психологи стремятся извлечь определенную информа-

цию об особенностях протекания процессов внутригруппового развития. В большинстве своем методики опираются на гипотезу о том, что между количеством, частотой и интенсивностью коммуникаций в группе и ее сплоченностью существует прямая связь, а потому количество и сила взаимных положительных или отрицательных выборов – это свидетельство сплоченности.

Подход, при котором «качество» и «знак сплоченности» остаются за скобками

Источники групповой и индивидуальной активности, формирование установок, ценностных ориентаций и норм – все это, таким образом, рассматривается как производное от уровня межличностного отношения и эмоциональной окраски коммуникаций. Коэффициент групповой сплоченности в связи с этим чаще всего определяется как частное от деления числа взаимных связей на их количество, теоретически возможное для данной группы. Этот коэффициент должен был отразить интенсивность общения членов в группе. Однако оживление межиндивидуальных контактов может говорить не только об укреплении дружеских и деловых взаимоотношений, направленных на общественную пользу. Наблюдения свидетельствуют, что в условиях конфликта количество контактов заметно возрастает, а потому, используя в качестве исходных данных только число членов группы и частоту взаимодействий, невозможно судить о «качестве» или «знаке сплоченности».

Исследование понятия «согласие» для анализа групповой сплоченности

Т. Ньюком для анализа групповой сплоченности использовал понятие «согласие» (consensus), имея в виду однородность суждений индивидов в отношении объектов ориентации: «Под понятием “согласие” я подразумеваю ни больше ни меньше как существование между двумя или более личностями сходных ориентаций по отношению к чему-нибудь». Уровнем согласия Т. Ньюком характеризовал сплоченность любой группы. Однако согласие оказывается здесь связанным лишь с частотой взаимодействий; тем самым круг еще раз замыкается, а сплоченность вновь сводится к эмоционально-психологическим характеристикам. Любая форма коммуникации, считал Т. Ньюком, имеет своим следствием возрастание степени согласия.

Согласие рассматривалось как одна из групповых характеристик

Согласие рассматривалось также как одна из групповых характеристик, объясняющих механизм образования норм, или один из способов трансляции обычаев и нравов от одного поколения к другому. Но и в этих случаях согласие по-прежнему связывается с теорией коммуникации и взаимодействия. Поэтому, пытаясь измерить степень согласия, существующего между членами группы, исследователи постоянно испытывают

неудовлетворенность, ибо вынуждены вновь и вновь прибегать к анализу числа коммуникаций, их продолжительности и силы. Причина такой вполне понятной неудовлетворенности заключается в самом подходе к изучению сплоченности, который игнорирует социальную сущность внутригрупповых процессов, их деятельностную природу и сводит ее к эмоциональной привлекательности.

Сплоченность как взаимная привлекательность членов групп

Итак, групповая сплоченность традиционно рассматривалась социальными психологами как взаимная привлекательность и согласие в отношении важных объектов ориентации. Казалось бы, с этим нельзя не согласиться. Однако, указав на сходство позиций и установок среди членов группы как важный ее признак, Р. Бейлс, Т. Ньюком, Г. Хомманс и другие психологи, тем не менее, в методологии своих исследований, по существу, игнорировали его, считая, что сходство позиций членов группы в конечном счете определяется частотой их общения. Т. Ньюком писал, что качественные характеристики групп определены условиями и последствиями коммуникативных актов. При конкретном определении коэффициентов сплоченности исследователи в качестве исходных данных использовали обычно только два параметра: число членов группы и количество коммуникаций независимо от их эмоциональной окраски.

Сплоченность как ценностно-ориентационное единство коллектива

Представление о сплоченности как эмоционально-коммуникативном объединении индивидов, более или менее точно отражающее реальный феномен психологии диффузных групп, оказывалось непродуктивным, когда становилось теоретической основой экспериментального исследования групп, объединенных, в первую очередь, целями, задачами и принципами совместной деятельности. Очевидно, что для выявления сплоченности и получения индексов ее выраженности необходимо было обратиться к содержательной характеристике групповой совместной деятельности. Так возникло представление о сплоченности как ценностно-ориентационном единстве коллектива [6; 7].

Ценностно-ориентационное единство в качестве показателя групповой сплоченности выступает как интегральная характеристика системы внутригрупповых связей, показывающая степень совпадения мнений, оценок, установок и позиций членов группы по отношению к объектам, наиболее значимым для осуществления целей деятельности группы и реализации в этой деятельности ее ценностных ориентаций. На такой осно-

ве могла быть построена и собственно экспериментальная программа получения индекса сплоченности, в качестве которого была принята частота совпадений мнений или позиций членов группы по отношению к значимым для нее объектам.

Индекс сплоченности – показатель уровня развития группы

Расшифровывая индексы сплоченности как ценностно-ориентационного единства, можно сопоставлять различные группы по уровню развития, можно вообще получать данные для более глубоких представлений о характере взаимоотношений личностей в группе, чем при использовании социометрических индексов сплоченности, которые, как уже было отмечено, не обладают достаточной информативностью.

Высокая степень ценностно-ориентационного единства не создается в результате коммуникативной практики группы, а является следствием активной совместной групповой деятельности. Именно она составляет основу общения между членами группы и всех феноменов межличностных отношений. Поэтому и характер взаимодействий в группе оказывается следствием единства ценностных ориентаций ее членов.

Ценностно-ориентационное единство не предполагает нивелировку личности в группе

Ценностно-ориентационное единство группы как показатель ее сплоченности отнюдь не предполагает совпадения оценок во всех отношениях, нивелировку личности в группе. Ценностно-ориентационное единство – это прежде всего сближение оценок в нравственной и деловой сфере, в подходе к целям и задачам совместной деятельности.

В результате конкретных экспериментальных исследований и анализа полученных данных был сделан вывод о том, что в группах высокого уровня развития коэффициент ценностно-ориентационного единства по сравнению с диффузными группами весьма высокий. Если в первых коэффициент сплоченности был близок к единице (от 0,6 до 0,92), то во вторых он колебался от 0,2 до 0,5. Все это дает основание отнести сплоченность как ценностно-ориентационное единство ко второму слою в стратометрической структуре коллектива, оставив сплоченность как эмоционально-коммуникативную объединенность группы в качестве одной из характеристик поверхностного слоя внутригрупповой активности.

Иерархия уровней сплоченности

Подводя некоторые итоги, скажем, что сплоченность группы высокого уровня развития и совместимость ее членов образуют своего рода иерархию уровней. На самом нижнем уровне оказываются сплоченность, выражающаяся в интенсивности коммуникативной практи-

ки группы, совместимость как взаимность социометрических выборов, психофизиологическая совместимость характеров и темпераментов, согласованность сенсомоторных операций при выполнении действий и т.д. Сплоченность на этом уровне является необходимым условием для интеграции индивида в группе, где межличностные отношения в минимальной степени опосредствованы содержанием и ценностями социальной деятельности. Необходимые и достаточные для характеристики диффузной группы, эти условия недостаточны и не столь уже принципиальны для характеристики высокоразвитой группы.

Возложение ответственности: новый ракурс

Феномен возложения ответственности изучался в традиционной социальной психологии как индивидуально-психологическая характеристика человека, проявляющаяся или не проявляющаяся в зависимости от того, что представляет собой другой индивид, на которого может быть возложена ответственность за неудачу или которому могут быть возданы почести за успех, и что представляет собой ситуация деятельности: кооперативная она или конкурентная (Г. Келли, А. Тилл, С. Шерман и др.). Так, была показана зависимость возложения ответственности от внешней привлекательности другого лица. Выяснилось, что ответственность за хорошие поступки и успешные дела приписывается хорошеньким женщинам, а женщинам внешне непривлекательным приписывается ответственность за неудачи и плохие поступки. Обычно акты возложения ответственности изучали в игровых условиях, вне связи с конкретной социальной средой, значимой совместной деятельностью в группах. Поэтому интересный сам по себе феномен, по существу, не был объяснен и использован в целях интерпретации процессов и явлений внутригрупповой активности.

Зависимость возложения ответственности от уровня развития группы

Эксперименты, проведенные с позиций теории деятельностного опосредствования, свидетельствуют, что характер возложения ответственности обнаруживает зависимость от уровня развития группы. Подтвердилась гипотеза, что в группе высокого уровня развития акты возложения ответственности носят в основном объективный характер, а индивидуальный вклад каждого оценивается адекватно практически вне зависимости от конечного успеха или неудачи совместной деятельности. Противоположная картина наблюдалась в низкоразвитой группе, где в случае успеха совместной деятельности субъект оценки отмечает свои заслуги, а в случае неудачи готов переложить вину на других или,

по крайней мере, на «объективные обстоятельства». Можно предположить, что в такой группе акты возложения ответственности обусловлены, главным образом, индивидуально-психологическими особенностями субъекта оценки и это как раз та сфера, где обнаруживают действие все те закономерности и зависимости, которые были экспериментально получены в традиционной социальной психологии и неправомерно отнесены к характеристике малых групп вообще.

Соучаствование

Характеризуя сплоченность, мы только что говорили о ценностно-ориентационном единстве членов группы, а также об адекватности возложения ответственности. Однако не менее, а может быть, и более важный показатель сплоченности группы – это соучаствование.

Первоначально данный параметр групповой жизни получил название «действенная групповая эмоциональная идентификация» [8], что точно соответствовало сути происходящего. Термин был предложен В.А. Петровским, автором метода исследования этого феномена, о чем пойдет речь дальше.

«Заветное слово»

Со временем мы обратили внимание, что в русском языке есть слово, позволяющее выразить смысл этого явления без обращения к специальным научным терминам и построения искусственных языковых конструкций. Искомое, или, скажем так, «заветное», слово, как оказалось, уже имеется в культуре. Оно часто использовалось в философских трудах выдающегося русского мыслителя А.Н. Радищева. Слово это – «соучаствование», что означает активное «сорадование» и сострадание. А.Н. Радищев писал: «Обыкнув себя применять ко всему, человек в страждущем зрит себя и болезнует... Человек со-печалится человеку, равно он ему и совеселится» [9, с. 292].

При соучаствовании происшествия, случающиеся с одним членом группы, даны всем другим как мотивы их собственной деятельности

При соучаствовании отношение одного человека к другому в своих деятельностных проявлениях совпадает с его отношением к самому себе; по сути, речь идет о нравственном императиве: защищать интересы другого, как если бы это были свои. Соучаствование как деятельное отношение – это и сочувствие, и соучастие.

Соучаствование характеризует не только взаимоотношения в диаде, но также и особое качество взаимоотношений между членами группы, реализующей совместную деятельность. При соучаствовании происшествия, случающиеся с одним членом группы (вместе с сопутствующими им переживаниями), даны всем другим как мотивы их собственной деятельности. Речь идет о деятельности, имеющей двоякую направленность. Прежде

всего, это общая для всех членов группы цель (она не сводится к построению или поддержанию взаимоотношений в группе). Во-вторых, это блокирование негативных факторов (фрустраторов), затрагивающих одного или нескольких членов группы лично.

Соучаствование: личное и групповое вкупе

Соучаствование – глубоко личный и в то же время групповой феномен, детерминированный вовлеченностью личности в совместную деятельность. В процессе такой деятельности, объединяющей в себе усилия разных участников, устанавливается общая для всех точка отсчета: то, ради чего люди действуют, общаются, готовы к риску, самоотдаче, способны жертвовать временем, иногда подвергать себя всевозможным испытаниям и лишениям. Этим общим являются цель коллективных усилий, ценности, стоящие за ней, задача «для всех». Принципиально, что в одиночку со всем этим справиться действительно невозможно. Отношение к объекту деятельности, как мы говорим в этом случае, опосредствуется отношением к другим людям (субъект-субъект-объектное отношение), а отношение к другому человеку, в свою очередь, опосредствуется отношением к объекту групповой деятельности (субъект-объект-субъектное отношение). Можно сказать, что эти отношения «переплетаются», а еще точнее – вплетаются одно в другое. Вот тут-то и устанавливается особый тип равенства участников друг другу: объективно они как соучастники производимого в равной мере друг перед другом ответственны и одинаково полагаются друг на друга. Партнерство (от англ. *part* – часть), то есть способность быть частью единого целого, распространяется здесь за пределы простого соучастия в деятельности. Перед нами носители единой участи, они соучастны друг другу, проникнуты духом взаимопричастности.

Дорефлексивность переживания общности и иллюзии совестливого самосознания

Перед нами феномен дорефлексивности переживания общности людей друг с другом. Чувство общности, присущее группе, образует своего рода фон происходящего в то время, когда они ясно осознают цель совместной деятельности и пути ее достижения. Таково соучаствование. Оно – вовсе не альтруизм как жертвенность, но и не эгоизм как отстаивание своих и только своих интересов. Подобно тому как дилемма «либо конформизм, либо негативизм» преодолевается в понятии «самоопределение», так и дилемма «либо альтруизм, либо эгоизм» преодолевается, когда мы обращаемся к феномену соучаствования, где контроверза Я и Они в форме дорефлективного Мы.

Истоки спонтанного действия человека могут быть дорефлексивны по отношению к данному действию

По мысли В.А. Петровского, все концепции разумного эгоизма (Н.Г. Чернышевский и др.), или «альтруистического эгоизма» (Ганс Селье), не различают рефлексивную и дорефлексивную позицию субъекта деятельности и личностного отношения к другим людям. И тогда начинает мниться, что, к примеру, порыв бескорыстной помощи не только может, но и должен быть осмыслен как поиск выгоды для себя (будь то биологическая целесообразность, личное самоутверждение или что-то еще, подобное этому). Конечно, когда мать спасает тонущего малолетнего сына, ее действия можно трактовать как расчетливо-эгоистические. Не исключено, что и она сама, как существо совестливое, пытливое, склонное к самоанализу, со временем усмотрит в своем поведении признаки эгоистичности. Однако подобный подход вводит нас в заблуждение. Бросаясь в воду, мать тонущего ребенка не рефлектирует, а именно действует; истоки ее поведения дорефлексивны. Все варианты теории разумного эгоизма эту дорефлексивность поступков заведомо игнорируют. Правда же состоит в том, что «эгоистическая» трактовка истоков альтруистического поведения, как правило, не более чем иллюзия совестливого самосознания.

Дорефлексивный уровень самосознания – уровень действия

На дорефлексивном уровне человек именно действует, а не занимается анализом, расщепляющим предмет его действия: а) на помощь другому человеку и б) на прагматическое, или нравственное, основание его порыва. Нравственная норма, безусловно, содействует альтруистическому порыву оказать помощь другому человеку, но это не цель, а причина, часть общего поля детерминации этого акта. Рефлексия же пытается расставить всё по своим местам, изображая подлинные движущие силы поступка в превращенном, а то и в превратном виде.

Метод исследования соучаствования

Для того чтобы уловить присутствие в группе феномена соучаствования, была применена особая экспериментальная процедура. Использовалась специальная аппаратура, позволяющая фиксировать, как ведет себя каждый испытуемый в условиях, когда наказание грозит всем членам группы, в том числе и ему (интегральные санкции), и когда наказание угрожает кому-либо одному из числа его партнеров, участвующих в эксперименте (парциальные санкции). При этом предусматривался такой тип задачи, когда скорость решения, торопливость заведомо увеличивает число ошибок, за которые полагается наказание. В зачет соревнования с другой группой входил только показатель скорости выполнения задания; необходимость же корректной безошибочной работы лишь подразумевалась. Таким образом, повышение скорости выпол-

нения задачи – цель групповой деятельности, однако быстрота работы повышала вероятность ошибок, а следовательно, и возможность наказания. Это обстоятельство и составляло основную предпосылку для будущей квалификации уровня развития соучаствования в группе*.

В группах разного уровня развития групповое поведение будет качественно различным

Гипотеза исследования состояла в том, что в группах разного уровня развития групповое поведение, в котором обнаруживаются скрывающиеся за ним межличностные отношения, будет в случаях интегрального и парциального санкционирования качественно различным и эти качественные различия окажутся доступными для количественного выражения и измерения. Если в группе отсутствует сколько-нибудь выраженное соучаствование, то в ситуации парциального наказания (за всех расплачивается один) группа должна работать значительно быстрее, чем при интегральном санкционировании. То обстоятельство, что партнер по работе в группе подвергается фрустрации, не принималось в этом случае в расчет, так как все остальные и каждый в отдельности оказывались вне опасности. Усилия, которые затрачивались на блокирование фрустратора на первом этапе эксперимента (при интегральном санкционировании), становятся ненужными. За счет этого эффективность выполнения действия возрастает.

Если же время решения задачи в ситуациях как интегрального, так и парциального наказания приблизительно равно, то это свидетельствует о выраженности соучаствования как феномена действенной эмоциональной идентификации в группе. Хотя опасность грозит лишь одному из всех, все члены группы действуют так, как если бы и они подвергались непосредственному наказанию за ошибку. Есть основания полагать, что в этом случае выявляется тип взаимоотношений, для которого характерно переживание состояний другого как своих собственных.

Феномен соучаствования в группах разного уровня развития

Описанный параметр внутригрупповых взаимоотношений был исследован в ряде работ, отвечающих ранее выдвинутым гипотезам [8; 10], в соответствии с которыми проявления этого феномена в группах разного уровня развития принципиально различаются. Первый и основной вывод, полученный из проведенных экспериментов, – подтверждение реальности соучаствова-

* Для испытуемых всегда остается скрытой истинная задача эксперимента, который воспринимается ими только как тест на согласованность и эффективность деятельности в условиях соревнования с другими группами.

ния как специфического социально-психологического феномена, свидетельствующего о способности группы к сопереживанию с любым из ее участников. Второй вывод: наиболее благоприятные условия для возникновения этого явления существуют в высокоразвитых группах. В диффузных группах и группах правонарушителей соучаствование слабо выражено или вовсе отсутствует (исследования А.И. Папкина). Члены же подлинного коллектива соучаствуют друг другу. Кроме того, оказывается, что для таких групп не столь уж важно число вовлеченных в совместную деятельность участников (исследование М.А. Туревского), «полагается» ли наказание новичку или ветерану (исследование А.С. Горбатенко), каковы индивидуальные особенности испытуемых в соответствии с данными личностных опросников (исследование Е.В. Романиной). Последнее может быть особенно интересно для развития представлений о личности как индивидуально-психологического и при этом социально-психологического образования. Добавим к сказанному интересные результаты, полученные Л.П. Хохловой, показавшей, что члены высокоразвитой группы, будучи включенными в группу, состоящую из незнакомых для них людей, в условиях парциального наказания обнаруживают феномен соучаствования. Отталкиваясь от изучения этих закономерностей соучаствования, можно предположить, что индивидуально-психологическое в личности выступает как социально-психологический феномен, как свойство межличностных отношений, а отношения межличностные, запечатлеваясь в свойствах индивидуальности, обнаруживают устойчивость и относительную независимость от непосредственного окружения.

На подступах к «вершинной» проблеме психологии

Эти исследования вплотную подвели нас к фундаментальной, или, как говорил Л.С. Выготский, «вершинной», проблеме психологии – проблеме личности, ее специфических свойств, отличимых от индивидуальных особенностей, являющихся предметом традиционных исследований в области дифференциальной психологии.

...Взаимодействие людей может быть эффективным лишь в том случае, если его участники являются взаимно значимыми. Безразличие и слепота к индивидуальным особенностям и запросам партнера, игнорирование его внутреннего мира, оценок, позиции искажают результат взаимовлияния, тормозят, а порой и парализуют само взаимодействие. Именно поэтому в современной психологии с особой остротой встает проблема «значимого другого».

Трехфакторная модель «значимого другого»

В 1991 г. автором была предложена трехфакторная модель «значимого другого» [11].

Авторитет, который обнаруживается в признании

Первый фактор – авторитет, который обнаруживается в признании окружающими за «значимым другим» права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах. За этой важной характеристикой стоят фундаментальные качества индивидуальности человека, которые позволяют окружающим полагаться на его честность, принципиальность, справедливость, компетентность, практическую целесообразность предлагаемых им решений. Если вести отсчет от исходной точки O к P (рисунок), то можно было бы (в случае точного измерения) зафиксировать множество состояний нарастания этой представленной личности, иными словами, градации усиления «власти авторитета». Впрочем, авторитет – лишь высшее проявление этого типа позитивной значимости человека для других людей; поэтому обозначим этот вектор более осторожно – как референтность (P^+). Вместе с тем существует и прямо противоположное позитивной референтности качество, которое можно было бы условно назвать антиреферентностью. Если, к примеру, обладающий таким негативным качеством человек порекомендует своему знакомому посмотреть некий кинофильм или прочитать книгу, то именно из-за похвал и оценок этого человека и книга не будет прочитана, и кинокартина не вызовет интереса. Обозначим антиреферентность P^-. Его крайняя точка выражает максимальное и категорическое неприятие всего, что исходит от негативно значимого человека. В некоторых случаях при этом «с порога» могут отвергаться и вполне разумные, доброжелательные его советы и предложения.

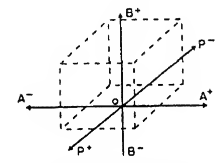

Рисунок. Трехфакторная модель «значимого другого», по А. В. Петровскому

Аттракция как эмоциональный статус значимого другого

Второй фактор – это эмоциональный статус «значимого другого» (аттракция), его способность привлекать или отталкивать окружающих, быть социометрически избираемым или отвергаемым, вызывать симпатию или антипатию. Эта форма репрезентации личности может не совпадать с феноменами референтности или авторитетности, которые в наибольшей степени обусловлены содержанием совместной деятельности.

Однако их значение в структуре личности «значимого другого» не следует недооценивать: враг в извест-

ном смысле не менее значим для нас, чем друг, эмоциональное отношение к человеку может не способствовать успеху совместной деятельности, деформировать ее. На рисунке аттракция A представлена множеством эмоциональных установок, располагающихся как по нарастанию от точки O к точке A^+, так и в противоположном направлении – к точке A^-.

Статус власти как фактор репрезентативности личности

Третий фактор репрезентативности личности – властные полномочия субъекта, или статус власти. Как это ни парадоксально, но генерал менее значим для солдата, чем сержант, с которым рядовой взаимодействует непосредственно. Разрушение той или иной организации автоматически включает механизм действия статусных отношений. Выход субъекта, наделенного властными полномочиями, из служебной иерархии нередко лишает его статуса «значимого другого» для его сослуживцев. Это происходит, разумеется, если его служебный статус не сочетался с более глубинными личностными характеристиками – референтностью и аттракцией. Примеры подобного «низвержения с Олимпа», а следовательно, утраты значимости конкретного лица может привести каждый. Но пока статус индивида достаточно высок, он не может не быть «значимым другим» для зависимых от него лиц. У него в руках не «власть авторитета», но «авторитет власти». На рисунке возрастание статусных рангов получает отражение на векторе, ориентированном условной точкой B^+.

В то время как в одном направлении от исходной точки властные полномочия усиливаются, в другом нарастает прямо противоположный процесс все большей дискриминации «значимого другого» (здесь понятие «значимость» приобретает весьма специфический смысл: так может быть «значим» раб для господина, поскольку под угрозой жестокого наказания будет выполнять прихоти последнего). Обозначим подобную статусность B^-. По сути дела, речь идет о том, что в случае «плюсовой» B-значимости с полным основанием можно говорить о субъектной значимости другого (субъект влияния), а в ситуации «минусовой» B-значимости – о его объектной значимости (объект влияния).

Модель значимого как способ интерпретации взаимодействия людей в группе

Построив модель «значимого другого» в трехмерном пространстве, мы получаем необходимые общие ориентиры для понимания механизмов взаимодействия людей в системе межличностных отношений.

Следует иметь в виду наличие для каждого индивида не одной, а многих сфер взаимодействия с другими людьми (деловые отношения, политическая позиция,

семейные ситуации, область досуга и т.д.). В каждой из этих областей возможны не совпадающие с другими сферами бытия человека конфигурации указанных трех факторов значимости. Вероятно, в исследовательских целях нужно выделить две-три области, являющиеся жизненно значимыми для субъекта. И трехфакторная модель «значимого другого» в этом случае должна быть использована применительно к каждой из них. Особой задачей в этом случае окажется построение математической модели, позволяющей дать конечную обобщающую характеристику «значимого другого». Таким образом, мы открываем для себя возможность более обоснованно подойти к выявлению меры личностной значимости и влияния человека в группе.

Варианты позиций в пространстве «значимых других»

В качестве примера рассмотрим несколько позиций в пространстве позитивных значений выделенных нами критериев значимости. Для обозначения их, с целью возможной наглядности, приходится прибегать к метафорам.

Позиция 1 – «кумир». Некто наиболее эмоционально привлекательный, обожаемый, непререкаемо авторитетный, но не имеющий формальной власти над субъектом ($В = О$; $Р^+$; $А^+$).

Позиция 2 – «божество». Те же характеристики, которыми наделен окружающими «кумир», но при этом высочайшие возможности влияния на судьбу человека, которые дают ему прерогативы власти ($В^+$; $Р^+$; $А^+$).

Позиция 3 – «компетентный судья». Высокостатусный по своей социальной роли, авторитетный, знающий руководитель, но не вызывающий симпатии, хотя и неантипатичный ($В^+$; $Р^+$; $А = О$).

Позиция 4 – «советчик-компьютер». Такой человек не располагает высокой властной позицией, он несимпатичен, хотя и неантипатичен для окружающих. Тем не менее последние подчиняются ему или, во всяком случае, считаются с его решениями, понимая, что в данной области он реальный авторитет и что, отказываясь от его советов и рекомендаций, можно проиграть ($В = О$; $Р^+$; $А = О$).

Позиция 5 – «деревенский дурачок». Не располагающий статусом по своей социальной роли, глупый, но при этом симпатичный человек ($В = О$; $Р = О$; $А^+$).

Позиция 6 – «заботливый начальничек». Обладающий властью руководитель, который вызывает у работающих с ним сотрудников благодарность за доброжелательное отношение, но профессионально не компетентный, а потому и не референтный. Авторитет его личности минимален, что легко обнаруживается в случае утраты им служебного положения ($В^+$; $Р = О$; $А^+$).

Позиция 7 – «кондовый начальник». Субъект, наделенный властными полномочиями, но не авторитетный для окружающих; беззлобный, в связи с чем не вызывает ни симпатий, ни антипатий (B^+; P = O, A = O).

В модели «значимого другого» возможны вариации позиций

Понятно, что описанные выше позиции не охватывают возможности, которые могли бы быть включены в полную модель «значимого другого». Рассмотренные несколько случаев – лишь частная иллюстрация эвристичности предлагаемого подхода. Так, например, в его рамках находят место и характеристики, связанные с антипатией, антиреферентностью и даже с «антистатусностью» личности, ее полным бесправием, фактически рабским положением, потерей не только власти, но и элементарной свободы действий. <...>* К примеру, положение «отверженного» («опущенного») в исправительно-трудовой колонии дает известные основания говорить именно о полной беззащитности и рабской покорности. Заметим, что прошлое открывает широкие возможности для отыскания параметров «значимого другого», являющегося заведомо безвластным, но обладающего высокими значениями по выраженности других, в частности позитивных, факторов. Так, ученые типа С.П. Королева, являясь заключенными в бериевской «шарашке», при заведомом бесправии могли иметь и имели высочайшую референтность для начальника, поскольку от их творческих решений зависела его карьера и судьба. Это противоречие между статусом власти и авторитетом хорошо показано А.И. Солженицыным в книге «В круге первом».

Доступность параметров модели для измерения

Важность выделенных параметров определяется двумя обстоятельствами: во-первых, представлением о необходимости и достаточности именно этих характеристик «значимого другого», без учета которых нельзя понять сущность межличностных отношений; во-вторых, тем, что эта гипотеза ориентирована на получение необходимых данных для каждого конкретного случая значимости (и реализуемые властные полномочия, и референтность, и аттракция доступны для измерительных процедур).

Последнее обстоятельство позволило экспериментально подтвердить эвристичность трехфакторной модели «значимого другого», которая первоначально носила гипотетический характер.

---

* Далее в тексте А.В. Петровского следует фраза: «К счастью, в настоящее время в окружающей нас действительности последний случай встречается не слишком часто». На сегодняшний день, спустя восемь лет после написания данной главы, эти слова звучат, пожалуй, слишком оптимистично. Не знаю, сохранил бы их сам автор в тексте своей статьи сегодня *(прим. В.А. Петровского).*

Эвристичность модели «значимого другого»

В экспериментальных работах М. Ю. Кондратьева [12; 13] трехфакторная модель, использованная в качестве теоретического ориентира исследования статусных различий и процессов группообразования в закрытых воспитательных учреждениях разного типа (детские дома, интернаты, колонии для несовершеннолетних правонарушителей и др.), позволила выявить ряд важных социально-психологических закономерностей. В результате была получена развернутая картина межличностных отношений воспитанников как в их среде, так и при взаимодействии с воспитателями.

Амбивалентные отношения подростка к сверстникам и взрослым

Подросток в этих условиях заведомо признаёт властные полномочия представителя вышестоящего статусного слоя и безоговорочно ему подчиняется. Но, как правило, этот человек подростку антипатичен ($В^+$; $Р^+$; $А^-$). Для высокостатусного же воспитанника «опущенный» не только не является «значимым другим», но нередко вообще не воспринимается как личность, наделенная индивидуальными особенностями и способная к самостоятельным поступкам. Его мнение не принимается во внимание, а образ негативно окрашен ($В^-$; $Р = О$; $А^-$).

Таким образом, определяющей для характеристики отверженного члена этой группы является роль невольной и постоянной жертвы, которая ему уготована в этой общности*...

1. *Петровский А. В.* Психология и время. – СПб., 2007.

2. *Петровский А. В.* Психологическая теория коллектива. – М., 1979.

3. *Петровский В. А.* Мотивационное ядро выбора в системе межличностных взаимоотношений // Проблемы индустриальной психологии. – Вып. 1. – Ярославль, 1972.

4. *Щедрина Е. В.* Исследование явления референтности в системе межличностных отношений: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1979.

5. *Морено Дж.* Социометрия. – М., 1958.

6. *Шпалинский В. В.* Экспериментально-психологическое исследование групповой сплочённости: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1973.

* Развиваемая А. В. Петровским теория личности, затронутая в книге «Психология и время», подробно освещена в других публикациях автора, некоторые из которых представлены в данном номере журнала.

7. *Петровский А.В., Шпалинский В.В.* Социальная психология коллектива: учеб. пособие для студ. пед. институтов. – М., 1978.

8. *Петровский В.А.* Эмоциональная идентификация в группе и способ ее выявления // К вопросу о диагностике личности в группе. – М., 1973. – С. 69–73.

9. *Радищев А.Н.* Избранные философские сочинения. – М., 1949.

10. *Петровский А.В.* Некоторые новые аспекты разработки стратометрической концепции групп и коллектива // Вопросы психологии. – 1976. – № 6. – С. 34–45.

11. *Петровский А.В.* Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии –1991. – № 1. – С. 7–18.

12. *Кондратьев М.Ю.* Подросток в замкнутом круге общения. – М.; Воронеж, 1998.

13. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология закрытых образовательных учреждений. – СПб., 2005.

Артур Петровский, Вадим Петровский

КАТЕГОРИЯ ЛИЧНОСТИ (К ПОСТРОЕНИЮ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ)*

Аннотация. *Предлагается онтологическая модель личности, объединяющая в себе ряд идей, развиваемых авторами в противовес «коллекционерскому» подходу, который сводит личность к конгломерату свойств, не имеющих системообразующего основания. Авторы считают системообразующим основанием активную включенность индивида в общественные отношения – его субъектность, развивающуюся в общении и совместной деятельности и ею опосредованную. Вводятся новые теоретические конструкты – «потребность персонализации» и «способность персонализации». Рассмотрены три пространства существования личности: интраиндивидное, интериндивидное и метаиндивидное. Представлен метод отраженной субъектности. Выделены методологические условия построения и постулаты развиваемой авторами теории личности.*

Ключевые слова: *личность; субъект; субъект-субъект-объектные и субъект-объект-субъектные отношения; метод отраженной субъектности; интраиндивидное, интериндивидное и метаиндивидное пространства существования личности; потребность персонализации; способность персонализации; постулаты теории личности.*

Abstract. *Ontological model of personality integrating a number of ideas that are developed by the authors contrary to "collectivist" approach in which personality is reduced to a conglomeration of different qualities without backbone basis is proposed. The authors consider that active person's involvement into social relations – his subjectity, which is developed in communication and joint activity and is mediated by the latest, forms a backbone basis. New theoretical constructs such as "need for personalization" and "faculty for personalization" are introduced. Three spaces of person's existence: "intra-individual", "inter-individual" and "meta-individual" are examined. The method of reflected subjectivity is described. Methodological conditions for construction and postulates of personality theory developed by the authors are marked out.*

Keywords: *personality; subject; subject-subject-object and subject-object-subject relations; intra-individual, inter-individual and meta-individual spaces of person's existence; need for personalization; faculty for personalization; postulates of theory of personality.*

* В основе данной статьи – текст гл. 9 из книги А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского «Основы теоретической психологии» [1], которая написана А. В. Петровским. Статья включает в себя параграфы, отмеченные А. В. Петровским как подготовленные им совместно с В. А. Петровским [1, с. 223 –270].

Становление понятия «личность» в психологии

Личность – важнейшая среди метапсихологических категорий. В ней оказываются интегрированы все базовые категории: индивид, образ, действие, мотив, отношение, переживание.

Очевидно, что человек – это не конгломерат разрозненных признаков, психических элементов. В практике общения люди усматривают друг в друге более или менее целостный образ, который позволяет отличать одного субъекта от другого не только по его внешнему, но и по внутреннему облику.

В 60–80-е годы XX века проблема личности и сущности ее психологических характеристик приобрела в России остроту и актуальность и породила оживленные дискуссии.

«Коллекционерский» подход

Уже к середине 1970-х годов был преодолен «коллекционерский» подход к личности, превращавший ее в некую емкость, принимающую в себя черты темперамента, характера, преобладающие потребности и интересы, способности, склонности, когда личность выступала как набор качеств, свойств, характеристик, особенностей. В условиях такого подхода задача психолога сводилась к каталогизации всех этих признаков и выявлению индивидуальной неповторимости их сочетаний для каждого отдельного человека.

Представление о личности как коллекции индивидуальных черт

Представление о личности как коллекции индивидуальных черт оказывалось удивительно неэвристичным уже хотя бы потому, что стирало грань между понятиями «личность» и «индивид», дробило личность на составляющие, рядоположенные друг другу, и лишало понятие «личность» его категориального содержания, той высшей степени обобщенности, без которой не может быть построена ни одна психологическая концепция [2].

При подобной «коллекционерской» ориентации быстро выявились затруднения, связанные с переходом от общепсихологического понимания личности к рассмотрению проблем ее развития (в возрастной и педагогической психологии), ее реабилитации (в медицинской психологии и патопсихологии) и, наконец, к изучению ее в системе межличностных отношений в социальной психологии. Все это поставило в повестку дня вопрос о необходимости структурирования многочисленных личностных качеств (число которых, как было уже тогда подсчитано, равнялось полутора тысячам, а то и больше). С середины 60-х годов предпринимаются попытки выяснить общую структуру личности. Бесспорно, это было шагом вперед по сравнению с преобладавшими в прошлом перечислительными трактовками.

Структура личности может интерпретироваться как некая контаминация биологических и социальных особенностей

Очень скоро обнаружилось, что общая структура личности интерпретируется, главным образом, как некая контаминация биологически и социально обусловленных ее особенностей. Проблема соотношения биологического и социального с этого момента приобретает едва ли не центральное положение в психологии личности. Полемика по проблемам личности (1969 г.) во многом проходила под знаком понимания ее как биосоциального существа и структурного подхода к ней. И хотя понимание структуры личности вызывало споры, все больше утверждалось мнение, что в личности должны быть выделены «исключительно социально обусловленная подструктура» и «биологически обусловленная подструктура». Правда, иногда указывалось на наличие еще двух подструктур – опыта и индивидуальных особенностей форм отражения. Однако отнесение их к сфере социального или биологического не уточнялось, а лишь глухо отмечался их промежуточный характер.

Личность – субъект и продукт общественного развития

Такое структурирование было бы понятно, если бы речь шла о человеке как индивидуальности. Биосоциальная природа человека и его индивидуальности спора вызывать не может. Но личность – субъект и продукт общественного развития, превратившего биологическую особь в творца исторического процесса, – явно не могла сохранять биологическую подструктуру, рядоположенную подструктуре социальной. Нельзя было ставить знак равенства между понятиями «личность» и «человек», «личность» и «индивид».

Сома индивида влияет на течение его психических процессов

Разумеется, сома индивида, его эндокринная система, преимущества и дефекты его физической организации влияют на течение его психических процессов и формирование психических особенностей. Но из этого не следует, что «четверть» или «треть» его личности (как особая подструктура) должна быть отдана в ведение биологии. Биологическое, входя в личность человека, становится социальным, переходит в социальное. Например, мозговая патология порождает в человеке, в структуре его индивидуальности, биологически обусловленные психологические черты, но личностными чертами, конкретными особенностями личности они становятся или не становятся в силу социальной детерминации. Оставался ли этот индивид как личность просто умственно неполноценным или он становился почитаемым «юродивым», «блаженным», то есть своего рода исторической личностью, к пророчествам которой в давние времена прислушивались

люди, зависело от исторической среды, в которой его индивидуально-психологические черты сформировались и проявились. Природные, органические стороны и черты выступают в структуре личности как социально обусловленные ее элементы.

Системный подход в понимании личности

К концу 1970-х годов ориентация на структурный подход к проблеме личности сменилась тенденцией применения системного подхода. Можно ли здесь говорить о каком-либо новом этапе развития психологической теории? Этот вопрос уместен, если учесть, что не так просто уловить разницу в использовании понятий «структурный подход» и «системный подход». Не случайно часто пишут через дефис: «системно-структурный подход». И все-таки есть определенные основания для выделения нового этапа теоретического развития. Дело в конечном счете не в фактическом сближении (а может быть, и неразличимости) понятий «структура» и «система», а в том, что на самом деле мыслят в каждом из этих понятий в конкретно-психологических исследованиях.

Отношение целостной структуры личности к её подструктурам

Методологическая и экспериментальная работа, протекавшая в рамках структурного подхода, сосредоточила внимание психологов на классическом вопросе, как относится часть к целому и целое к части – целостная структура личности к различным ее подструктурам, и наоборот. И все в основном вращалось вокруг этого. Главное, очевидно, в том, что «структуралистские» декларации не были в свое время обоснованы и поддержаны предварительной методологической проработкой; философский анализ понятия «структура личности» не предшествовал анализу психологическому. И это не могло не сказаться на результатах.

Применение системного подхода к разработке психологической теории личности

Иная ситуация характеризует применение системного подхода к разработке психологической теории личности. За его «подключением» к психологии стоит длительная и эффективная работа специалистов-«системников». Это именно та обязательная методологическая проработка, без которой нельзя всерьез приниматься за решение конкретных психологических проблем. Необходимо было усвоить общие принципы системного анализа. Лишь после этого можно было переносить его в психологию личности. Однако нельзя сказать, что так уж легко и просто осуществить такой процесс. Например, принципы системного анализа, обязательные для построения теории личности, требуют выделения системообразующего признака личности. Но этот системообразующий признак должен быть обнаружен не в общих

системных представлениях, а в самой ткани психологической реальности.

Единство, но не тождество понятий «личность» и «индивид»

Признание несомненного единства, но не тождества понятий «личность» и «индивид» (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев и др.) порождало ряд вопросов. Среди них и вопрос о том, что представляет собой это особое системное качество индивида, которое обозначается термином «личность» и оказывается несводимым к биологическим предпосылкам, включенным в природу его носителя – индивида.

А. Н. Леонтьев писал: «Личность ≠ *индивид:* это особое качество, которое приобретается индивидом в обществе, в целокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид вовлекается... Иначе говоря, личность есть системное и поэтому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами» [3]. И там же: «С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: иное, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов, отдельных свойств и состояний человека; это – исследование его места, позиции в системе, которая есть система общественных связей, общений, которые открываются ему; это исследование того, что, ради чего и как использует человек врожденное ему и приобретенное им...» [Там же].

Новое психологическое измерение соотношения индивида и личности

Предложенному А.Н. Леонтьевым пониманию соотношения индивида и личности, заключающемуся в «новом психологическом измерении», ином, чем измерение, в котором ведутся исследования психических процессов, свойств и состояний человека (другими словами, за пределами традиционного «индивидуально- или дифференциально-психологического» раздела общей психологии), во многом отвечает концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений. С этой точки зрения личность может быть понята только в системе устойчивых межиндивидных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти связи вполне реальны, но по природе своей «сверхчувственны»; они заключены в конкретных свойствах индивида, но к ним несводимы; они даны исследователю в проявлениях личности каждого члена группы, но вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления, определяющие особую позицию каждого в

системе межиндивидных связей, шире – в системе отношений в социуме.

Формула «Личность ≠ индивид» побуждала исследователей к постановке парадоксального вопроса: «Существует ли личность?»

«Существование личности» как психологическая проблема

В этом виде он представлен в разрабатываемой В.А. Петровским *концепции личности как causa sui (причины себя)* [4; 5] .

Определяющей характеристикой личности в данной концепции является субъектность, то есть полагающая себя причинность индивида в его взаимоотношениях с миром. «Быть личностью» – значит быть субъектом себя самого, своего существования в мире, носителем идеи «Я» как причины себя (идеи causa sui).

…Сомнение в возможности «быть причиной себя»

Исходным пунктом теории является сомнение в самой возможности для индивида быть субъектом себя, то есть целостным, целеустремленным, развивающимся существом, что, в свою очередь, равносильно сомнению в подлинности самого феномена «личностности». Источник этого сомнения – в трудности примирить идею субъектности человека с традицией телеологического истолкования активности («постулат сообразности»), а также альтернативной схемой внецелевой интерпретации источников и механизмов активности («принцип неадаптивности»).

«Постулат сообразности» и его критика

Суть «постулата сообразности» заключается в том, что индивиду приписывают будто бы изначально свойственное ему стремление к «внутренней цели», полагая при этом, что она «как закон» определяет все проявления его активности [6]. Активность, согласно постулату сообразности, должна быть понята как в глубине своей соответствующая («сообразная») изначальным устремлениям, в которых якобы заранее предвосхищено некоторое будущее состояние индивида. Предполагается, что такая «внутренняя цель» устремлений может не осознаваться, но она обязательно есть. Отклонение от этого, всеми подразумеваемого соответствия расценивается как признак несовершенства (болезнь, незрелость, некомпетентность и т. п.). Если под адаптивностью (в широком смысле) понимать своего рода нацеленность индивида на реализацию этой «внутренней Цели» (Цели с большой буквы), то речь здесь, таким образом, идет о тотальной адаптивной направленности психических процессов и поведенческих актов, стремлении элиминировать все, что не относится к Цели (поэтому термины «сообразность» и «адаптивность» в указанном смысле являются синонимами). «Постулат сообразности» как

общий принцип интерпретации активности присущ коллективному бессознательному исследователю, принимающему на веру существование гипотетической Цели. Но эта, прямо не формулируемая телеологическая предпосылка манифестирует себя в гомеостатических, гедонистических, прагматических и других концепциях и версиях происходящего в зависимости от того, как истолкована постулируемая «изначальная Цель» («равновесие», «наслаждение», «извлечение преимуществ» и др.).

Постулат сообразности несовместим с представлениями о личности как целостном субъекте активности

Анализ показывает, что «постулат сообразности» несовместим с представлениями о личности как целостном субъекте активности: его свобода выступает здесь как иллюзия самосознания, целеполагание сводится к заданности, целостность – к единообразию, развитие – к самодетерминации в рамках предсуществующего («преформизм»). Кроме того, обнаруживается самопротиворечивость гомеостатической, гедонистической и прагматической разновидностей постулата сообразности. Они как бы свидетельствуют «против себя», снимают себя изнутри: «гомеостатический» человек, стремясь к душевному равновесию, расплачивается за него уязвимостью; «гедонистический» человек объективно ставит себя перед дилеммой: либо пресыщение, либо необходимость постоянно обновлять свои ощущения, что приводит его в ситуацию риска с сомнительными по своим гедонистическим результатам последствиями; «прагматический» человек, о котором иногда говорят, что его сознание озабочено будущим и находится не там, где находится его тело (Э. Берн), упускает достигнутое во имя того, что будет упущено им позже.

Либо телеологическая парадигма, либо идея субъективности

Итак, вырисовывается дилемма: либо телеологическая парадигма, представленная различными вариантами «нацеленности» индивида на конечную Цель (и тогда человек бессубъектен, то есть не выступает как причина себя), либо идея субъектности (и тогда постулату сообразности должен быть противопоставлен альтернативный принцип истолкования активности). Таков принцип неадаптивности – расхождения между целью стремлений и достигаемыми результатами. Индивид здесь выступает как «трансцендирующее существо». Однако при этом неадаптивность как выход за границы предустановленного может иметь непроизвольный и непредотвратимый характер.

Следовательно, если отказаться от принципа неадаптивности, то сейчас же выясняется, что идея субъектности девальвируется: *свобода* человека подме-

няется его зависимостью от внешних обстоятельств и поворотов судьбы; *целеустремленность* обессмысливается и выглядит самообманом; *целостность* утрачивается; *развитие* лишается вектора.

Принцип активной неадаптивности. Влечение к непредрешенному

Возможный путь восстановления в правах представлений о субъектности индивида заключается в принятии идеи *самотрансценденции*. Суть самотрансценденции состоит в предпочтении индивидом действий, результат которых непредрешен. Открывающаяся индивиду перспектива неизведанного переживается им как вызов, отвечая на который он производит (полагает) себя как субъект. Стремясь предрешить непредрешенное, он превращает свою зависимость от обстоятельств в зависимость обстоятельств от себя как деятеля. Поступая на свой страх и риск, он выявляет особое, скрытое под спудом других его черт качество – «быть субъектом» себя самого, или, иначе, – причиной себя.

Класс явлений активной неадаптивности витальных проявлений индивида

На основе разработанного В. А. Петровским метода «виртуальной субъектности» [5; 6] очерчен класс явлений активной неадаптивности в витальных проявлениях индивида («бескорыстный риск»), в его духовно-практической деятельности («презумпция существования решения»), в деятельности общения («испытание близости доверием»), деятельности самосознания («парадокс Эдипа», то есть нежелание, чтобы тебя «вычислили»; устремленность к измененным состояниям сознания) и др. Описан гипотетический механизм продуцирования активно-неадаптивных действий: имитация условий, породивших неординарный опыт (в том числе и негативный, что противоречит «закону эффекта» Торндайка). Выделены такие разновидности воспроизводства условий неординарного опыта, как «эвристическое моделирование» (что в моих действиях привело к успеху?), «фрустрационное моделирование» (что в моих действиях вызвало неуспех?) и «моделирование границ» (в каких пределах успех для меня вероятнее неуспеха?). Парадокс состоит в том, что в ряде случаев для того, чтобы избежать неуспеха в будущем, необходимо подвергнуть себя риску неуспеха в настоящем – «пройтись по кромке». А это чревато травмой. Требуется дополнительное побуждение к действию, в функции которого и выступает мотив самоиспытания индивида как субъекта активности.

Становление и существование – не одно и то же

В теории самопричинности личности принципиально различаются моменты становления (активная неадаптивность) и существования индивида как субъ-

екта. «Существовать» – значит воспроизводиться, то есть обретать качество своей отраженности в мире (качество «инобытия»).

Метафорически проблема формулируется так: если принять, что, отстаивая свою субъектность, человек преодолевает границы себя как деятеля в своих жизненных, предметных или социальных отношениях с миром, а также в отношениях, сложившихся с «самим собой», то спрашивается: «выходя», в какие миры он «входит», то есть где обретает свою отраженность?

«Где существует личность?» (Э. В. Ильенков)

Формулировка того же вопроса, только в другом контексте анализа, была предложена отечественным философом Э. В. Ильенковым. Вопрос этот звучал эпатирующе просто: «Где (в каком пространстве) существует личность?».

В теории самопричинности личности В. А. Петровского совмещаются четыре ответа на этот вопрос: Жизнь, Культура, Другой человек, Я сам – вот те «пространства», где существует личность. Речь, повторяем, идет о существовании *личности как единомножия субъектов жизнедеятельности, предметной* (культуропорождающей) *деятельности, деятельности общения* и, наконец, *деятельности самосознания*. Иначе говоря, предполагается, что человек каждой из своих субъектных ипостасей, трансцендируя, вступает в каждую из четырех этих сфер, обретая таким образом в них свое присутствие (человек есть «присутствие», писал М. Хайдеггер).

Феноменология «отраженной субъектности»

Наиболее полно такая трактовка личности реализована в исследованиях «отраженной субъектности» (персонализированности) индивида в жизненном мире других людей. Именно в этой сфере с особой рельефностью выступает феномен нетождественности «индивидного» и «личностного» в человеке.

Личностное в индивиде как субъектобразующая форма его бытия

Обобщением сказанного о личности в теории самопричинности может служить следующее наиболее общее понимание личностного в индивиде. Личностное есть особая – идеальная – форма бытия человека, придающая ему свойство субъектности, то есть способности быть причиной себя, воспроизводить свое бытие в мире.

Синхронический и диахронический аспекты субъектности

Принципиально возможны два ракурса анализа источника и форм обнаружения субъектности человека: синхронический (феноменология «здесь-и-теперь-бытия» личности) и диахронический (анализ того, как складывается и постепенно выявляется в эволюционно-историческом ряду субъектное качество человека).

Сравнение двух концепций личности – В.А. Петровского и А.Г. Асмолова

В этой связи есть смысл сравнить единые по своим базисным ориентирам теорию личности как самопричинного существа [4–6] и теорию личности, складывающуюся в рамках историко-эволюционного подхода А. Г. Асмолова [7].

Логико-теоретическая аргументация и опорные феномены первой отражают скорее синхронический аспект существования личности. Полагая себя как субъект и запечатлеваясь в своей субъектности, человеческий индивид присутствует в том «психологическом пространстве», которое он может освоить физически или мысленно. Он действует в той «части» истории, которая столь же является историей человечества, сколь и его собственной личной историей. Путь, который он прошел сам и который будет пройден им вместе с другими (а в конечном счете – за гранью физического его бытия) посредством других, субъективируется им как имманентная часть его самого, что и «схвачено» в формуле causa sui.

Историко-эволюционный подход к пониманию личности

Иной аспект особо выделен и разработан в рамках историко-эволюционного подхода к пониманию личности [7]. Метафорически центральная проблема формулируется здесь в виде вопроса: если личность есть, то «зачем» она есть? Метафоричность вопроса состоит, очевидно, в том, что автор анализируемого подхода, конечно, далек от какой-либо телеологизации истории, в том числе и взаимоотношений, складывающихся между Личностью и Историей. Наоборот, ему претит какая-либо *рационализация* происходящего. Речь идет лишь о том, чтобы понять, почему феномен личности сохранился, а точнее, постоянно воспроизводится в истории, какую роль «нерациональное» (скажем еще более определенно – «иррациональное») играет в процессе становления человека человеком.

Личность как системное качество индивида

В личности как системном качестве индивида А.Г. Асмоловым выделяется социотипическое (его характеризует преемственность) и индивидуально-своеобразное, выражаемое термином «индивидуальность». В центре внимания при этом оказываются: филогенетические предпосылки и следствия вариативности индивидов, становление образцов «необщего действия» (точнее, становление «необщности» как образца, ценности), механизмы становления, функционирования (установки) и блокирования стереотипов, застопоривающих прогресс, своего рода типизация нетипичных индивидумов (они-то и способны внести вклад в движение истории), построение и практиче-

ская реализация новых моделей образования, центрированных на индивидуальности человека. Таким образом, в рамках этого особого диахронического подхода к психологическому постижению личностного, в человеке личность рассматривается как субъект превращения эволюции в историю.

Личность: определение собственных границ и выход за их пределы

Итак, личность как форма существования и порождения субъектности индивида представлена феноменами не только его «здесь-и-теперь-бытия», но и его движения в истории. В новом ракурсе они подтверждают взгляд на личность как самопричинное существо, сущность которого состоит в определении собственных границ и выходе за их пределы, а существование – в многомерной отраженности индивида в мире.

Как же вычленить собственно личностные характеристики индивида в сфере его взаимоотношений с другими людьми, если считать, что они не совпадают с индивидуально-типологическими особенностями человека и не растворяются без остатка в межиндивидных связях?

Три пространства существования личности

В силу единства, но не тождества личности и индивида личность как особое «системное качество» индивида раскрывается не в одном «пространстве», или «психологическом измерении», но в трех пространствах. В.А. Петровский выделяет *три аспекта рассмотрения личности*, три ее репрезентации [8].

Погруженность в пространство индивидуальной жизни

Первое измерение, первый аспект – личность трактуется как свойство, погруженное в пространство индивидуальной жизни субъекта. Личность, прежде всего, выступает в аспекте ее индивидуальности, в ее отличиях от других. В этом же измерении обнаруживаются социально-культурные варианты понимания личности, где подчеркивается социальная детерминация особенностей ее поведения и сознания. Здесь же и понимание личности как субъекта активности. В этих интерпретациях содержатся различные способы понимания единичного и всеобщего в индивиде. Индивид, взятый в своих индивидуальных различиях, выступает в своей нетождественности всеобщему. Через свое неслияние с ним он выявляет себя как личность. Вместе с тем в идее присвоения индивидом элементов культуры (предметного бытия общественного целого) личность утверждает свою общность с социальным целым. В идее активности индивид как личность оказывается как бы поверх барьеров своей природной или ситуативной ограниченности.

Погруженность в пространство межиндивидных связей

Второе измерение – способ понимания личности, где сферой ее определения и существования становится «пространство межиндивидных связей». Не сам по себе индивид, способный к деятельности и общению, а процессы, в которые включены по меньшей мере два индивида (а фактически общность, группа), рассматриваются в качестве носителей личности каждого из них. Из этого следует, что личность как бы обретает свое особое бытие, отличающееся от телесного бытия индивида: «Философ-материалист, понимающий «телесность» личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в «ансамбле») предметных, вещественно-осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), опосредствованных через созданные и создаваемые их трудом вещи, точнее, через действия с этими вещами (к числу которых относятся и слова естественного языка), будет искать разгадку «структуры личности» в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности».

Рассмотрение личности в интериндивидном пространстве

Примечательно, что, переводя рассмотрение личности в это интериндивидное пространство, мы обретаем возможность ответить на вопрос о том, что представляют собой многие хорошо исследованные социальной психологией феномены (самоопределение личности и т. д.). Что это: собственно групповые или личностные явления? По-видимому, в интериндивидном измерении ложная альтернатива (личностное или групповое?) оказывается преодоленной. Личностное выступает через групповое, групповое – через личностное. Вопрос, таким образом, снимается.

Погруженность в пространство бытия другого индивида

Наконец, *третье измерение*. Необходимость обратиться к нему продиктована некоторыми реальными ограничениями, которые приходится иметь в виду. Спрашивается: а что происходит с личностью индивида за пределами интериндивидного пространства? Продолжает ли личность как системное качество индивидов, пребывающих в ситуации взаимодействия, «существовать» и за границами общей для них ситуации, «по ту сторону» актуального общения? Второй вопрос. До сих пор бытие личности предполагалось существующим, то есть развертывающимся и фиксирующимся главным образом в предметно-вещной или функционально-инструментальной, объектной стороне связей между индивидами. Но, может быть, существуют собственно субъектные формы фиксации бытия данного индивида

в других людях? И последний вопрос. Интерсубъектные представления о личности исходят из имплицитного допущения тождества социальной активности и ее конечных эффектов. Но это не всегда так. Индивид способен вызвать значимые для другого индивида изменения, однако от собственных побуждений первого лица прямо не зависящие, возникающие как бы помимо, а иногда даже вопреки его воле. *«Так кто ж ты, наконец? – Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»* (И. Гёте. Фауст). Нет необходимости говорить об очевидных противоположных случаях бесплодной активности. Поэтому не следует ли эффекты воздействия выделить в особую категорию психологических явлений, хотя и связанных, но не отождествляемых с проявлениями социальной активности индивидов?

Третье измерение личности индивида и будет ответом на все эти вопросы.

Пространство, в котором развертывается личность как системное качество индивида

По-видимому, существует еще одно пространство, в котором развертывается личность как системное качество индивида. Личность при этом не только выносится за рамки самого индивидуального субъекта, но и перемещается за пределы его актуальных связей с другими индивидами, за пределы наличной совместной деятельности с ними. Здесь как бы вновь происходит погружение личностного в пространство бытия индивида, но на этот раз – в пространство «другого» («других»). В этом случае в центре внимания психолога оказываются вклады в других людей, которые субъект вольно или невольно осуществляет посредством деятельности. Индивид выступает как субъект этих активно осуществляемых преобразований так или иначе связанных с ним людей. Таким образом, мы уже видим личность под новым углом зрения: важнейшие характеристики личности, которые традиционно пытались усмотреть в наборе имманентных качеств индивида, предлагается искать не только в нем самом, но и в других людях.

Личность как идеальная представленность индивида в других людях

Следовательно, прокладывается новый путь интерпретации личности: она выступает как идеальная представленность индивида в других людях, как его «инобытие» в них (и, между прочим, в себе как «другом»), как его персонализация. Сущность этой идеальной представленности, этих «вкладов» – в тех реальных смысловых преобразованиях в действенных изменениях интеллектуальной и аффективно-потребностной сферы личности другого человека, которые производят деятель-

ность индивида и его участие в совместной деятельности. «Инобытие» индивида в других людях – это не статический отпечаток. Речь идет об активном процессе, о своего рода продолжении себя в другом. Здесь схватывается важнейшая особенность личности (если она действительно личность) – обрести вторую, имеющую свою динамику, жизнь в других людях, производить в них долговечные изменения.

Проблема личного бессмертия

Феномен персонализации открывает возможность пояснить всегда волновавшую человечество проблему личного бессмертия. Если личность человека не сводится к представленности ее в телесном субъекте, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность «полностью» не умирает. Вспомним слова А. С. Пушкина: *«Нет, весь я не умру... доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит»*. Индивид как носитель личности уходит из жизни, но персонализированный в других людях, он продолжается. Продолжается, порождая у них переживания, объясняемые трагичностью разрыва между идеальной представленностью индивида и его материальным исчезновением. В словах «он живет в нас и после смерти» нет ни мистики, ни чистой метафоричности; это констатация факта разрушения целостной психологической структуры при сохранении одного из ее звеньев.

Разумеется, личность может быть характеризуема только в единстве всех трех предложенных аспектов рассмотрения: как обнаруживающаяся и опосредствуемая социальной деятельностью идеальная представленность индивида в других людях, в его связях с ними, наконец, в нем самом как представителе социального целого. Одна и та же черта личности выступает по-разному в каждом из «пространств», но это та же самая черта.

Активность личности: выход за рамки заданного, поступки, деяния

Определяющей характеристикой личности служит ее активность, которая в интраиндивидном плане выступает в явлениях выхода за рамки ситуативных требований и ролевых предписаний (реактивности), то есть в феноменах «надситуативной», «надролевой» активности; в интериндивидном плане – в поступках, социальных актах; в метаиндивидном плане – в деяниях, то есть в реальных вкладах в других людей. Понятие «деяние» используется здесь в смысле, близком к гегелевской трактовке: «Деяние – это, собственно говоря, произведенное изменение и произведенное определение наличного бытия. К поступку же отно-

сится только то, что из деяния входит в намерение, иначе говоря, было в сознании, то, следовательно, что воля признает своим».

Следуя логике принятого подхода, можно предположить, что если бы мы сумели зафиксировать существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной предметной деятельностью и общением в других индивидах (и в частности в самом себе как «другом») что формирует в других идеальную его представленность – его «личностность», то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности.

Индивид может достигнуть ранга исторической личности

Индивид может достигнуть ранга исторической личности в определенной социально-исторической ситуации только в том случае, если эти изменения затрагивают достаточно широкий круг людей, получая оценку не только современников, но и истории, имеющей возможность взвесить эти личностные вклады достаточно точно. Напомним, что, изменяя других, личность тем самым изменяет себя и что ее вклады в других есть изменение и преобразование ее собственных личностных характеристик («Через других мы становимся сами ми собой», – писал Л. С. Выготский).

«Безличность» – метафора нейтрино (В. А. Петровский)

Индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрино – гипотетической частице, которая пронизывает любую, сколь угодно плотную среду, не производя в ней никаких – ни полезных, ни вредных – изменений. «Безличность» – это характеристика индивида, безразличного для других людей, человека, от которого «не жарко и не холодно», чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни и тем самым лишает его самого личности.

«Личность» – метафора радиации: полезной и вредной (А. В. Петровский)

Личность метафорически можно трактовать как источник некоей мощной радиации, преобразующей связанных с этой личностью в условиях деятельностного опосредствования людей (радиация, как известно, может быть полезной и вредоносной, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становиться причиной различных мутаций и т.д.).

Может возникнуть вопрос: если личность и индивид нетождественны, то, считая теоретически возможным наличие индивида, не реализовавшего себя как личность, допустимо ли предположить существование личности без индивида? Допустимо, но это будет квазиличность [9, с. 234]. Если даже предположить, как считают атеисты, что не было Иисуса Христа как конкретного индивида, его личность, сконструированная

евангельскими текстами, оказывала огромное влияние на социальную жизнь и христианскую культуру в течение двух тысячелетий, структурируя личности и судьбы людей, их взгляды, чувства и убеждения. Преобразующее влияние здесь оказывается не менее действенным, чем влияние иной какой-либо исторической личности.

Индивид без личности – явление исключительное

Разумеется, индивид без личности, как и квазиличность без индивида, – это явление исключительное, но обращение к такой гипотетической ситуации как мысленному эксперименту достаточно показательно для понимания проблемы единства и нетождественности личности и индивида. Вместе с тем рассмотренная здесь идея трех измерений в описании личности не может быть, как мы считаем, сведена к проблеме соотношения индивида и личности. Она открывает возможность ответить на многие другие, давно (еще в 1920–1930-е годы) поставленные вопросы психологии личности.

Л. С. Выготский о личности

Рассматривая состояние психологической науки, Л. С. Выготский отмечал, что для нее до сих пор остается закрытой центральная и высшая проблема всей психологии – проблема личности и ее развития. И далее: «Только решительный выход за методологические пределы традиционной детской психологии может привести нас к исследованию развития того самого высшего психического синтеза, который с полным основанием должен быть назван личностью ребенка».

Обратившись к трудам Л. С. Выготского, можно выделить по меньшей мере четыре идеи, исключительно конструктивные и образующие в целом определенные предпосылки для становления психологической концепции личности, оформление которой заботит нас сегодня [10; 11].

Идея активности индивида

Первая из них – это идея активности индивида, с особенной силой выступившая не только в теоретических конструкциях Л. С. Выготского, но и в разработанном им инструментальном методе исследования развития высших психических функций. В позднейших интерпретациях, но конкретных приложениях инструментального метода подчеркивалось прежде всего значение орудия для формирования высших психических функций, но фактически не уделялось должного внимания принципу свободного обращения индивида к орудию (использование знака или отказ от него, форма обращения со знаком и т.д.). Между тем в экспериментальных исследованиях Л. С. Выготского (в отличие от

таких современных методов формирования психических функций, как алгоритмизация обучения или поэтапное формирование умственных действий) обращение к орудию и способы действия с ним не предписывались и тем более не являлись сколько-нибудь принудительными. Орудие рассматривалось Л.С. Выготским как возможная точка приложения сил индивида, а сам индивид выступал как носитель активности. В инициативе индивида, обращающегося или не обращающегося к орудию, в самом способе использования орудия сказывалась и отчетливо выступала перед исследователем непосредственно не нормированная социумом активность.

Суть инструментального метода

Суть разработанного Л.С. Выготским инструментального метода – по крайней мере в плане возрастного подхода – как раз и состояла в том, чтобы установить активную роль субъекта, ребенка, обращающегося к орудию. В частности, предполагалось выяснить возрастные границы обращения ребенка к внешнему средству, как, впрочем, и возрастные рубежи отмирания потребности во внешних средствах, организующих деятельность. Переход извне вовнутрь изначально трактовался Выготским как обусловленный активностью субъекта. Одной из важнейших теоретических предпосылок инструментального метода явился именно принцип активности индивида – «активное вмешательство человека в ситуацию», его «активная роль, его поведение, состоящее во введении новых стимулов».

«Человека забыли», – писал Л.С. Выготский, критикуя механическую схему «стимул–реакция». Таким образом, он наметил своего рода возврат человека в психологию, вплотную подведя ее к проблеме личности как активного индивида.

Идея опосредованности психических свойств

Вторая идея, возникающая на путях преодоления натуралистического подхода к психологическим феноменам, – мысль Л.С. Выготского об основной особенности психических свойств человека: их опосредованном характере. Функцию опосредствования, как известно, обеспечивают знаки, с помощью которых происходит овладение поведением, его социальная детерминация. Применение знаков, то есть переход к опосредствующей деятельности, в корне перестраивает психику, усиливая и расширяя систему психической активности. Именно эта идея оказалась особенно плодотворной для разработки наиболее развитых отраслей психологической науки, прежде всего детской и педагогической психологии. Принцип опосредствования

оказался здесь ведущим, активно противостоящим бихевиористским схемам.

Как было показано выше, теоретический принцип, столь продуктивный для областей психологии, составлявших предмет особого интереса Л.С. Выготского, был распространен на область социальной психологии, в частности на изучение групп и отношений между людьми, на психологию личности в группах. Эта позиция определила в 1970-е годы поиск, направленный на адекватное теоретическое решение проблемы межличностных отношений.

Идея интериоризации социальных отношений

Третья идея – положение об интериоризации социальных отношений. При рассмотрении генезиса высших психических функций ребенка эта идея выступила в трудах Л.С. Выготского, прежде всего, с «безличной», орудийной стороны. Он отмечает, что знак, находящийся вне организма, как и орудие, отделен от личности и служит, по существу, общественным органом или социальным средством. Однако в рамках тех же представлений существовала возможность разрабатывать наряду и в связи с вопросом об интериоризации орудийных моментов проблему интериоризации собственно субъектных (активных, интенциональных) моментов, представленных в социальных отношениях.

Акты интериоризации совершаются в процессах общения

Акты интериоризации, как отмечал Л.С. Выготский, совершаются главным образом в процессах общения. Общение рассматривается им как процесс, основанный на разумном понимании и намеренной передаче мыслей и переживаний с помощью известной системы средств. Последнее означает, что социальные отношения, оставаясь орудийно опосредствованными, суть отношения конкретных индивидов. Следовательно, они несут отпечаток их индивидуальности. Выготский пишет о «передаче переживаний». Допустимо предположение, что в этих процессах происходит как бы перенос индивидуальных характеристик общающихся и формирование идеальной представленности их в чужом «Я». Не в том ли состоит специфика обучения в отличие от воспитания, что первое связано преимущественно с орудийно-безличным характером передачи и усвоения социального опыта, а второе – с трансляцией прежде всего субъектных качеств индивидов. И тогда (в иных терминах) первое – трансляция «значений», второе – «личностных смыслов» и переживаний. И то и другое, впрочем, выступают в единстве, распадающемся лишь в условиях теоретического анализа или дидактического изложения.

Личность выступает в качестве своеобразного синтеза качеств индивида

Представляется, если следовать самой логике развертки идей активности, опосредствованности и интериоризации социальных отношений, то личность (в данном случае, разумеется, для нас, а не для Л. С. Выготского) выступает в качестве своеобразного синтеза собственных качеств данного индивида и интериоризированных субъектно-интенциональных качеств других индивидов. К этому выводу мы неизбежно приходим, если брать понятие интериоризации в полном объеме, а не только в утилитарно-практическом. Личность тогда оказывается невозможной без интериоризированных в данного индивида других индивидов, формирующих свое «представительство» в первом, ибо, как было отмечено Л. С. Выготским, «через других мы становимся самими собой». Личность индивида должна быть раскрыта также и со стороны бытия данного индивида в других индивидах и для других индивидов.

Кто из других людей представлен во мне и как я сам в ком состою в качестве «другого»

Оказывается, что конкретно охарактеризовать личность – значит ответить не только на вопрос о том, кто из других людей и каким образом представлен (интериоризирован) во мне, но и как я сам и в ком именно состою в качестве «другого», как бы изнутри определяя чьелибо сознание и поведение.

Здесь, следовательно, открывается и новая проблема: каким образом индивид обусловливает свое «присутствие» в других индивидах. Выясняя, что представляет собой данный индивид «для других» и «в других», как и то, что они представляют «для него» и «в нем», мы, в первую очередь, сталкиваемся с эффектом «зеркала», когда некто как бы отражается в восприятии, суждении и оценках окружающих его индивидов. Эта линия исследования представлена во множестве психологических работ по социальной перцепции (Г. М. Андреевой и др.).

Феномены и механизмы реальной представленности индивида как субъекта

Другой путь, практически лишь намеченный, ориентирует исследователя на анализ феноменов и механизмов реальной представленности данного индивида как субъекта активности в жизнедеятельности других людей. На этом пути «для других» бытие индивида выступает как относительно автономное («отщепленное», «независимое») от него самого. По существу, перед нами проблема «идеального бытия» индивида.

Идея переходов «в-себе», «для-других», «для-себя бытия»

И наконец, четвертая идея, только пунктирно намеченная Л. С. Выготским: становление личности заключается в переходах между состояниями «в-себе», «для-других», «для-себя-бытия». Эта идея была им проиллю-

стрирована на примере всего развития высших психических функций: «Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предъявляет для других. Это и есть процесс становления личности».

С этим положением Л. С. Выготского нельзя не согласиться, но нужно задать вопрос: а что именно личность «предъявляет для других?» Действие? Поступок? Или, может быть, что-то еще?

Моральное последствие искусства

В своей ранней работе «Педагогическая психология» Л. С. Выготский весьма близко подошел к рассмотрению этой проблемы. Надо сказать, что наиболее интересные страницы этой книги касаются эстетического восприятия и переживания, художественного воспитания ребенка. Л. С. Выготский уделял особое внимание изучению волновавшей его проблемы «морального последействия искусства», в котором действие перетекает в его результат, не предусмотренный намеренно. «Моральное последействие искусства, несомненно, существует и обнаруживается не в чем другом, как в некоторой внутренней проясненности душевного мира, в некотором изживании интимных конфликтов и, следовательно, в освобождении некоторых скованных и оттесненных сил, в частности сил морального поведения».

Что же превращает «моральное последействие искусства» в своеобразное деяние? Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Выготский приводит ряд примеров из художественной литературы. Так, он вспоминает рассказ А. П. Чехова «Дома», где повествуется о неудачной попытке отца путем сухих нравоучений объяснить семилетнему мальчику предосудительность курения. Но лишь рассказав наивную сказочку о старом короле и его маленьком сыне, который от курения заболел и умер, отец достигает эффекта, для него самого неожиданного: сын упавшим голосом говорит, что курить больше не будет. Сказка обеспечила «моральное последействие искусства». «Самое действие сказки возбудило и прояснило в психике ребенка такие новые силы, дало ему возможность почувствовать и боязнь, и заинтересованность отца в его здоровье с такой новой силой, что моральное последействие ее, подталкиваемое предварительной настойчивостью отца, неожиданно сказалось в том эффекте, которого тщетно добивался отец раньше».

Эффекты несовпадения намерений субъекта и произведенного результата

К такого рода примерам Л. С. Выготский обращался не раз. Складывается впечатление, что его вообще интересовали эффекты несовпадения намерений субъ-

екта и произведенного результата. Иными словами, его занимала проблема личностных, смысловых преобразований другого человека как аспект соотнесения «в-себе», «для-других» и «для-себя-бытия» индивида. Он пытается интерпретировать психические акты в свете представлений об «активности эстетического переживания», выдвигая гипотезу о существовании особой деятельности, составляющей природу эстетического переживания.

Л.С. Выготский писал, о том что мы еще не можем сказать точно, в чем она заключается, так как психологический анализ не сказал еще последнего слова о ее составе, но уже и сейчас мы знаем, что здесь идет сложнейшая конструктивная деятельность, осуществляемая слушателем или зрителем и заключающаяся в том, что из предъявляемых внешних впечатлений воспринимающий сам строит и создает эстетический объект, к которому уже и относятся все его последующие реакции.

«Вторичный творческий синтез»

Эту деятельность Л.С. Выготский обозначает как «вторичный творческий синтез».

В этой связи личность как система обнаруживает себя дважды: в первый раз – в актах социально ориентированной активности, в действиях и поступках, второй раз – в завершающих поступок актах «вторичного творческого синтеза», основанного на встречной активности другого лица.

Взгляды Л.С. Выготского вплотную подводят к пониманию личности как особой формы организации взаимной активности данного индивида и других индивидов, где реальное бытие индивида органически связано с идеальным бытием других индивидов в нем (аспект индивидуальности) и где в то же время индивид идеально представлен в реальном бытии других людей (аспект персонализации).

Идеи Л.С. Выготского, которые складывались главным образом в психологии познавательных процессов и в возрастной и педагогической психологии, успешно экстраполированы в область психологии личности и оказываются там существенно важными для разработки ряда теоретических принципов. Так, можно предположить, что на определенном этапе общественного развития личностное как системное качество индивида начинает выступать в виде особой социальной ценности, своеобразного образца для освоения и реализации в индивидуальной деятельности людей.

Потребность быть личностью – потребность в персонализации (А. В. Петровский, В. А. Петровский)

Запечатлевая, продолжая себя в других членах общества, человек упрочивает свое существование. Обеспечивая посредством активного участия в деятельности свое «инобытие» в других людях, индивид объективно формирует содержание своей потребности в персонализации [14]. Субъективно последняя может выступать в мотивации достижения, притязаний на внимание, славу, дружбу, уважение, положение лидера и может быть или не быть рефлектирована, осознана. Потребность индивида быть личностью становится условием формирования у других людей способности видеть в нем личность, жизненно необходимую для поддержания единства, общности, преемственности, передачи способов и результатов деятельности и, что особенно важно, установления доверия друг к другу, без чего трудно надеяться на успех общего дела.

Выделяя себя как индивидуальность, человек полагает себя в общности

Выделяя себя как индивидуальность, добиваясь дифференциальной оценки себя как личности, человек полагает себя в общности как необходимое условие ее существования, поскольку он производит всеобщий результат, что позволяет сохранять эту общность как целое. Общественная необходимость персонализации очевидна. В противном случае исчезает и становится немыслимой доверительная, интимная связь между людьми, связь между поколениями, где воспитуемый впитывает в себя не только знания, которые ему передаются, но и личность передающего. На определенном этапе жизни общества эта необходимость выступает в виде ценностно-закрепленных форм социальной потребности.

В обществе складывается своеобразная система «социального страхования»

Процесс, благодетельный для общества в целом, не менее благодетелен для каждого индивида. Прибегая к метафоре, можно сказать, что в обществе изначально складывается своеобразная система «социального страхования» индивида. Осуществляя посредством деятельности позитивные вклады в других людей, щедро делясь с ними своим бытием, индивид обеспечивает себе внимание, заботу, любовь и уважение. Не следует понимать это узкопрагматически. Продолжая свое бытие в других людях, человек необязательно предвкушает будущие дивиденды. Он действует, имея в виду конкретные цели деятельности, ее предметное содержание, а вовсе не то, чем для других индивидов оборачиваются его деяния (хотя не исключена и осознанная потребность в персонализации).

Гипотетическая «социогенная потребность» быть личностью

Гипотетическая «социогенная потребность» быть личностью, очевидно, реализуется в стремлении субъекта быть идеально представленным в других людях,

жить в них, что предполагает поиск деятельностных средств продолжения себя в другом человеке. Подобно тому как индивид стремится продолжить себя в другом человеке физически (продолжить род, произвести потомство), личность индивида стремится продолжить себя, обеспечив свою идеальную представленность, свое «инобытие» в других людях. Это позволит понять сущность общения, которое невозможно свести только к обмену информацией, к актам коммуникации. Общение представляет собой процесс, где человек делится своим бытием с другими людьми, запечатлевает, продолжает себя в них и благодаря этому выступает для них как личность.

Потребность в персонализации обеспечивает включение индивида в систему социальных связей

Потребность быть личностью, потребность в персонализации обеспечивает активность включения индивида в систему социальных связей, в практику и вместе с тем оказывается детерминированной этими социальными связями. Стремясь включить свое «Я» в сознание, чувства и волю других посредством активного участия в совместной деятельности, приобщая их к своим интересам и желаниям, человек, получив в порядке обратной связи информацию об успехе, удовлетворяет тем самым потребность персонализации. Однако удовлетворение потребности, как известно, порождает новую потребность более высокого порядка. Этот процесс не является конечным. Он продолжается либо в расширении объектов персонализации, в появлении новых и новых индивидов, в которых запечатлевается данный субъект, либо в углублении самого процесса, то есть в усилении его присутствия в жизни и деятельности других людей.

...Отнюдь не в безвоздушном пространстве «общения душ»

Реализуя потребность быть личностью и перенося себя в другого, индивид осуществляет эту «транспортировку» отнюдь не в безвоздушной среде «общения душ», а в конкретной деятельности, производимой в конкретных социальных общностях. Экспериментальные исследования подтвердили гипотезу, что оптимальные условия для персонализации индивида существуют в группе высшего уровня развития, где персонализация каждого выступает в качестве условия персонализации всех. В группах корпоративного типа, напротив, каждый стремится быть персонализирован за счет деперсонализации других. Этот психологический факт фиксирует концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений.

Потребность в персонализации и мотивы поведения индивида

В том случае, когда потребность индивида осуществить себя в качестве личности дана имплицитно как

скрытая мотивация его поступков и деяний (а чаще всего так и происходит), она выступает в качестве существенной характеристики, представленной в многочисленных и хорошо изученных в психологии явлениях: мотивации достижения, притязаниях, аффилиации, склонности к риску, эмпатии и т.д. Для многих исследователей личности типичны попытки или выводить эти феномены друг из друга, или сводить один к другому, или находить их основания то в прагматической нацеленности человеческой мотивации, то в имманентном стремлении к «самореализации» и «самоактуализации».

Идея потребности индивида в персонализации, как можно надеяться, позволит понять и реинтерпретировать эти феномены, увидеть за конкретными психологическими явлениями их внутреннюю сущность.

Возможность реинтерпретации «каталога мотивов» (А.В. Петровский)

Можно рассмотреть возможность подобной реинтерпретации применительно к каталогу мотивов, предложенному оксфордским профессором психологии М. Аргайлом. Причем вовсе не потому, что этот перечень как-то особенно интересен или оригинален, а как раз наоборот: вследствие его типичности для большинства традиционных концепций личности.

М. Аргайл выделил *семь мотиваций поведения личности:* 1) несоциальные потребности, которые могут продуцировать социальное взаимодействие (биологическая нужда в пище и воде, порождающая потребность в деньгах); 2) стремление к зависимости (потребность в протекции, помощи и руководстве, особенно со стороны лиц, находящихся в позиции власти и авторитета); 3) тенденция аффилиации (стремление войти в соприкосновение с другими, добиться определенной степени интимности); 4) тенденция доминирования, лидирования, стремление брать на себя решение, влиять на группу; 5) сексуальные потребности; 6) тенденция к агрессии; 7) потребность в самооценке, связанная со стремлением получить одобрение со стороны окружающих.

Что образует основу мотиваций поведения личности?

Классификация М. Аргайла не отличается логической строгостью (не ясно, что берется за ее основу, исчерпываются ли мотивы этим перечнем и т.д.). Представляет интерес другая сторона его построений. Что образует основу всех этих мотиваций? О «несоциальных потребностях» нечего и говорить: их происхождение для автора очевидно. Но остальные? «Секс, агрессия и аффилиация также имеют инстинктивную основу», – писал Аргайл, ссылаясь на данные Х. Харлоу (1962), показавшего, что обезьяны, которые воспитывались без контак-

та с матерями, впоследствии обнаруживали слабый интерес к противоположному полу. Мотивация зависимости также иллюстрируется известными опытами Х. Харлоу с детенышами обезьян. Следовательно, она также интерпретируется как инстинктивная. Не изменяется позиция у автора и при трактовке доминирования: он утверждал «инстинктивное происхождение доминирующего поведения». И только последняя из мотиваций (самооценки, поддержания образа собственного «Я») как будто бы признается свободной от биологических корней и параллелей.

Могут ли шесть перечисленных выше социальных мотиваций (если вынести за скобки первую из семи как собственно несоциальную) получить иную интерпретацию? Причем такую интерпретацию, которая не сводила бы их на биологические основы, к инстинктивному поведению, но и не ограничивалась бы простым указанием на социальное происхождение, а давала бы содержательную трактовку?

Потребность индивида быть личностью – фундаментальная социогенная потребность

Если принять, что потребность индивида быть личностью является фундаментальной социогенной (то есть заведомо не инстинктивной!) потребностью, то каждая из перечисленных выше социальных мотиваций может быть понята как ее дериват. Тогда аффилиация может быть понята как мотив, направленный на снятие барьеров на пути персонализации индивида. Агрессия (как и доминирование) могут быть рассмотрены в качестве стремления быть персонализированным в «других» вне зависимости от моральной оценки способа, которым это достигается, буквально «навязать» себя другим. Сексуальная потребность – как амбивалентное стремление продолжить себя в другом дважды: 1 – как индивида (потребность в продолжении рода, в чувственном наслаждении) и 2 – как личность (обрести «инобытие» в любимом существе, причем таким образом, чтобы вызвать у него ответную потребность в персонализации). Что касается самооценки, то она может быть понята как потребность выяснить успешность или неуспешность персонализации.

Индивидом оценивается наличие средств персонализации

Однако индивидом оценивается не факт идеальной представленности в других людях (это входит в задачи и возможности психологического исследования), а наличие, характер и эффективность тех средств персонализации, которые он обретает в деятельности и общении и через которые он утверждает себя как субъекта деятельности и общения.

Особое место, видимо, должна занять мотивация зависимости. Однако существует или не существует эта

потребность как фундаментальная «социальная мотивация», утверждать нельзя. Не исключено, что эта мотивация – всего лишь необоснованная экстраполяция одной из инстинктивных форм поведения животных на поведение человека.

Потребность в персонализации не может быть рядоположена отдельным мотивам

Отношение между потребностью и мотивами не может быть понято как отношение между членами одного ряда. Это отношения между сущностью и явлениями. Представленная в потребности зависимость личности от общества проявляется в мотивах ее действий, но сами они при этом выступают как форма кажущейся спонтанности индивида. Если в потребности деятельность человека зависима от ее предметно-общественного содержания, то в мотивах эта зависимость проявляется в виде собственной активности субъекта. Поэтому многоликая система мотивов, открывающаяся в поведении личности, богаче признаками, эластичнее и подвижнее, чем потребность в персонализации, составляющая сущность личности.

В фундаменте человеческих мотивов – два краеугольных камня: витальные потребности и потребность быть личностью

Если принять обосновываемую здесь гипотезу о мотивации как деривате потребности в персонализации, то в *фундамент мотивов человеческих поступков и действий может быть заложен даже не один*, а по меньшей мере *два краеугольных камня*.

Первый из них – витальные потребности человека, обеспечивающие сохранение его как индивида и продолжение рода. Впрочем этот «камень» никогда оттуда не изымался. В жизни витальные потребности (голод, жажда, половая потребность, потребность в одежде, жилище, отдыхе) связаны с множеством разнообразных мотивов поведения, в которых средства удовлетворения могут выступать в превращенной форме (например, мотивация обогащения).

Второе основание человеческой мотивации – потребность быть личностью. Мы видим две основные формы человеческой активности, мотивированные подобным образом. Об одной было сказано уже много: это собственно потребность продолжить себя в другом.

Персонализация осуществляется в деятельности

Есть и вторая форма активности.

Персонализация осуществляется в деятельности. Для того чтобы в позитивном плане быть идеально представленным в другом человеке, первому по меньшей мере нужно уметь нечто сделать или сказать что-то значимое для второго. Чтобы осуществить акт трансляции, надо иметь что транслировать. Средством персонализации, по-видимому, служат мысли, знания, художественные образы, произведенный человеком предмет, решенные задачи и т. д. Но раньше чем стать средствами пер-

сонализации, они должны были уже быть у человека. Он должен был их приобрести, выдумать, произвести, сконструировать, открыть, решить. Все это он осуществил. Во имя чего? Какая здесь действовала мотивация? Не следует ли предположить, что и здесь действует та же потребность в персонализации, только она фиксируется на предметном содержании, то есть на приобретении средств для предстоящей трансляции себя «другому». Сам же этот «другой» остается пока в тени; он не высвечивается обыденным сознанием как подлинный объект персонализации.

Мотивация творчества и потребность в персонализации

Возьмем простой случай. Художник трудится над полотном. Для чего? Что служит мотивом? Возможность выгодно продать картину? Вероятно, она присутствует. Но неужели все сводится к витальному? А что же еще? Мотивация творчества как предметного действия выступает в качестве производной от потребности человека быть личностью, то есть потребности осуществить полноценный действенный вклад в других людей, впечатлить их, произвести в них существенные смысловые и мотивационные преобразования. Тогда перед нами еще один дериват потребности в персонализации.

Антитеза не слишком ли прямолинейна?

Не слишком ли прямолинейна антитеза: либо материальный расчет, либо стремление поделиться бытием с другими? Нет ли чего-нибудь третьего? Стремление к самовыражению, самоактуализации? Наслаждение от процесса творчества? Что касается последнего довода, то его надо, что называется, «отмести с порога». Любой случай удовлетворения любой достаточно напряженной потребности сопровождается эмоциональной разрядкой, аффективным тоном, более или менее выраженным чувством наслаждения. Так что указание на аспекты эмоциональности в проявлении социальной мотивации ничего не добавляет к существующим объяснениям.

Стремление к самовыражению

Другое дело – стремление к самовыражению, самоактуализации. Это мотив, лежащий на поверхности, но за ним скрывается глубинный социальный мотив, в соответствии с которым человек не столько выражает себя в предмете творчества, сколько стремится через предмет искусства перенести себя, свое мироощущение, свое видение мира в других людей. Именно они (шире – социум) – конечная цель его творчества. Материальная связь между людьми, которая воплощена в общественные отношения, безличные по самому своему существу, порождает личностные идеальные отношения, где другие люди выступают как цель

деятельности для творца, а собственная идеальная представленность в них, воплощенная в передаваемом «значимым другим» богатстве эстетического восприятия мира, выступает как единственное оправдание мук творчества, поиска совершенства, усилий, затраченных на накопление этих бесценных ценностей.

Деятельность – основной путь и способ быть личностью

Деятельность – основной путь, единственный эффективный способ быть личностью. Человек своей деятельностью продолжает себя в других людях. Произведенный предмет (построенное здание, поэтическая строка, посаженное дерево, мастерски выточенная деталь и т.д.) – это, с одной стороны, предмет деятельности, а с другой – средство, с помощью которого человек утверждает себя в общественной жизни, потому что этот предмет произведен для других людей. Этим предметом опосредствуются отношения между людьми, создается общение как производство общего.

Личность в общении и деятельности

В психологии в последние годы дискутировалась проблема соотношения процессов общения и деятельности. Одни утверждают, что общение – это деятельность (или, по меньшей мере, частный случай деятельности). Другие исходят из того, что общение и деятельность – это два самостоятельных и равноправных процесса. Нет оснований соглашаться ни с одной, ни с другой точкой зрения. Причем не потому, что кто-либо здесь не прав, а потому, что на самом деле противоречие отсутствует.

Действительно, вопрос о том, является ли общение частью (стороной) процесса деятельности или, наоборот, деятельность – стороной общения, явно не имеет однозначного решения. Совершенно очевидно, что если мы понимаем взаимоотношения людей как опосредствованный субъект-объект-субъектный процесс, то отношения двух или более людей опосредствуются предметом деятельности; здесь деятельность выступает как сторона коммуникационного акта. Если понимать их как субъект-субъект-объектный процесс (а именно так понимаются деятельностные отношения), то отношение субъекта к объекту, содержанию, цели деятельности опосредствуется взаимоотношением с участником деятельности; тогда общение – это сторона, часть деятельности.

Обратимость субъект-объект-субъектных и субъект-субъект-объектных отношений

Принципиальная обратимость субъект-объект-субъектных и субъект-субъект-объектных отношений полностью снимает поставленную проблему. Попытки же выяснить приоритет в истории человечества либо общения, либо деятельности подобны классической проблеме яйца и курицы.

Но вопрос о соотношении общения и деятельности может быть углублен в контексте предлагаемой нами концепции.

Общение-коммуникация и общение-персонализация

Для того чтобы производить, человек должен объединиться с другими людьми (установить с ними контакт, добиться взаимопонимания, получить должную информацию, сообщить им ответную). Здесь общение выступает как часть, сторона деятельности, как важнейший ее информативный аспект, как коммуникация. Но, создав предмет в процессе деятельности, включившей в себя общение как коммуникацию, человек этим не ограничивается. Он транслирует через созданный им предмет себя, свои особенности, свою индивидуальность другим людям, для которых он создал этот предмет. Среди них могут быть и те, кто участвовал в создании этого предмета. Среди них может быть и сам этот человек. Через созданный предмет человек трансцендирует в социальное целое, обретая в нем свою идеальную представленность, продолжая себя в других людях и в себе как в «другом».

Общение как персонализация

Это уже общение второго рода (в отличие от коммуникации, имеющей вспомогательный, «обслуживающий» характер), то есть общение как персонализация. Здесь деятельность выступает как сторона, часть, необходимая предпосылка общения. Общение в деятельности производит общее между людьми, которое выступает дважды: в условиях коммуникации – своей информационной стороной, а в условиях персонализации – личностной. В этом отношении русский язык находится в более выгодном положении, чем другие, ведь в нем могут быть использованы два понятия – коммуникация и общение.

Итак, еще раз подтверждается давняя истина: многие споры происходят из-за того, что или один и тот же предмет называют разными словами, или (как это получилось с понятием «общение»), одно и то же слово используют для обозначения разных предметов.

Социально генерированная возможность «способности быть личностью»

Таким образом, потребность быть личностью возникает на основе социально генерированной возможности осуществления соответствующих действий, которую мы называем «способность быть личностью». Эта способность, можно полагать, есть не что иное, как индивидуально-психологические особенности человека, которые позволяют ему осуществлять социально значимые деяния, которые обеспечивают его адекватную персонализацию в других людях. Следовательно, в единстве с потребностью в персонализации, являющейся источником активности субъекта, в качестве ее предпосылки и

результата выступает социально генерированная, собственно человеческая способность быть личностью, которая обнаруживается с помощью метода отраженной субъектности [14].

Постулаты теории личности.

Восемь постулатов теории личности

Первый. «Природные, органические стороны и черты выступают в структуре личности как социально обусловленные ее элементы... Биологическое существует в личности в превращенной форме как социальное» (А. В. Петровский).

Второй. «Движение деятельности, процесс ее развертывания необходимо ведет к снятию ограничений, первоначально присущих ситуации... В качестве объекта преодоления могут выступать также и потенциальные ограничения деятельности, в данном случае понимаемые как сужение возможностей субъекта в сфере целеполагания. Ограничения эти побуждают специальную деятельность, направленную на их преодоление. Этим и определяется собственно активность личности» (В. А. Петровский).

Третий. «Личность ≠ индивид: это особое качество, которое приобретается индивидом в обществе... личность есть системное и поэтому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными качествами» (А. Н. Леонтьев).

Четвертый. «Философ-материалист, понимающий «телесность» личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в ансамбле) предметных, вещественно-осязаемых, отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), *опосредствованных* (курсив наш. – *А. П.)* через созданные и создаваемые их трудом вещи, точнее, *через действия с этими вещами* (курсив наш. – *А. П.)*... будет искать разгадку «структуры личности» в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности» (Э. В. Ильенков),

Пятый. «...Личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти межличностные связи практически нерасторжимы, они вполне реальны, но по природе своей «сверхчувственны». Они заключены в конкретных индивидных свойствах, но к ним несводимы, они даны исследовате-

лю в проявлениях личности каждого из членов группы, но они вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления, то есть смысловые образования личности, связанную систему личностных смыслов, определяющих особую позицию каждого в системе межиндивидных связей, шире – в системе общественных отношений» (А.В. Петровский).

Шестой. «Личность индивида выступает в трех аспектах ее психологического понимания: интраиндивидной, интериндивидной и метаиндивидной атрибуции... Лишь в единстве отмеченных аспектов личность раскрывается со стороны своего строения, своей структуры. Она выступает как обнаруживающаяся и опосредствуемая социальной деятельностью идеальная представленность индивида в других людях, в его связях с ними, наконец, в нем самом как представителе социального целого» (В.А. Петровский).

Седьмой. «...Постулат максимизации, то есть стремления индивида к максимальной персонализации с вытекающими из него теоретическими гипотезами: 1) любое переживание, воспринимаемое индивидом как имеющее ценность в плане обозначения его индивидуальности, актуализирует потребность в персонализации и определяет поиск значимого другого, в котором индивид мог бы обрести идеальную представленность; 2) в любой ситуации общения индивид стремится определить и реализовать те стороны своей индивидуальности, которые в данном конкретном случае доступны персонализации. Невозможность ее осуществления ведет к поиску новых возможностей в себе самом или предметной деятельности; 3) из двух или более партнеров по общению субъект при прочих равных условиях предпочитает того, кто обеспечивает максимально адекватную персонализацию. Аналогично – предпочтение будет отдано тому, кто может обеспечить максимально долговечную персонализацию... Третьей переменной является интенсивность потребности в персонализации» (А.В. Петровский, В.А. Петровский).

Восьмой. «Источником развития и утверждения личности выступает возникающее в системе межиндивидных отношений (в группах того или иного уровня развития)... противоречие между потребностью личности в персонализации и объективной заинтересованностью данной общности, референтной для индивида, принимать лишь те проявления его индивидуальности, которые соответствуют задачам, нормам и условиям

функционирования и развития этой общности... личность формируется в группах, иерархически расположенных на ступенях онтогенеза (и «социогенеза». – *А. П.),* характер развития личности задается уровнем развития группы, в которую она включена и в которой она интегрирована» (А.В. Петровский).

Методологические основания теории личности

Таким образом, определены исходные принципиальные позиции для построения общепсихологической теории личности. Уточним, что имеется в виду, когда она обозначается как «общепсихологическая». Речь в данном случае идет не столько о ее общей методологической и онтологической схеме (при всей ее важности), сколько о том, что данный теоретический конструкт представлен в присущих ему характеристиках и связях, которые выявляются во всех отраслях психологии: не только в так называемой общей психологии, но и в социальной, возрастной, педагогической, юридической, психологии управления, патопсихологии и других, выступая в присущей научной теории программирующей роли по отношению к соответствующей практической сфере (образованию, производству, медицине, правопорядку).

Пролегомены будущей общепсихологической теории личности

Как и всякая научная теория, теория личности должна отвечать общему методологическому требованию: она должна дать целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности (личности человека), предложить целостную (при ее внутренней дифференцированности) систему знаний, которая содержала бы в себе методы не только объяснения, но и предсказания, возникновения определенных феноменов в определенных условиях; она должна характеризоваться логической зависимостью одних ее сторон от других и принципиальной возможностью выведения ее содержания из некоторой совокупности исходных утверждений.

Выше, в восьми тезисах, выполняющих функцию своего рода пролегоменов* к предстоящему теоретическому построению, показана совокупность утверждений (постулатов, допущений, законов и т. д.), образующих исходный базис общепсихологической теории личности. Тем самым оказывается возможным построить теоретическую модель существенных связей, выступающих в определенной психологической реальности личности

* *Пролегомены* – предварительные суждения, вводящие в изучение предмета.

человека. Возникновение теории личности не может быть оторвано от ее эмпирической основы, охватывающей множество накопленных в общей, социальной, детской психологии, патопсихологии и психотерапии фактов, добытых экспериментально, но пока еще разрозненных и не обобщенных.

Теоретическая абстракция, обеспечивающая восхождение к конкретному

Здесь в самом общем виде описана теоретическая абстракция, обеспечивающая последующее восхождение к конкретному. Только так (на пути от абстрактного к конкретному) можно развивать ее в систему взаимосвязанных концепций, содержание которых включает утверждения с их эмпирическими доказательствами, и построить конкретные теоретические конструкции, отправляющиеся от совокупности вводимых общетеоретических принципов. Если же эти концепции (а это, разумеется, отнюдь не все существующие теоретические построения, имеющие хождение в среде психологов как за рубежом, так и в России, а только те, которые отвечают указанным общим принципам) уже включены в научный оборот, то остается найти им место в общей теоретической схеме и тем самым обеспечить логическую зависимость одних элементов теории от других.

Общая теоретическая модель личности

Что же представляет собой теория личности, если говорить о ее наиболее общей модели? Она, по существу, должна совпадать с определением личности, описывающим ее в системе наиболее существенных связей и зависимостей и отвечающим основным общенаучным методологическим принципам детерминизма, системности, развития. Тогда теоретическая модель личности должна быть представлена как определяемое активной включенностью в общественные отношения системное качество их субъекта (индивида), имеющее трехзвенную структуру (интра-, интер- и метаиндивидную его репрезентации), развивающуюся в общении и совместной деятельности и ею опосредованную.

---

1. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. – М., 1998.

2. *Петровский А.В.* Личность в психологии с позиций системного подхода // Вопросы психологии. – 1981. – № 1. – С. 57–66.

3. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.

4. *Петровский В.А.* Феномен субъектности в психологии личности: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1992.

5. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов-на-Дону, 1996.

6. *Петровский В.А.* К психологии активности личности // Вопросы психологии. – 1975. – № 3. – С. 26–38.

7. *Асмолов А.Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М., 2002.

8. *Петровский В.А.* К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. – 1981. – № 2. – С. 40–46.

9. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. – М., 1982.

10. *Петровский В.А.* Проблемы психологии личности в трудах Л.С. Выготского // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология: тезисы докладов Всесоюзной конференции. – М., 1981. – С. 122–125.

11. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Предпосылки теории личности в трудах Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1982. – № 4. – С. 14–20.

12. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопросы философии. – 1982. – № 3. – С. 44–53.

13. *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 17–30.

Артур Петровский, Вадим Петровский

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ПСИХОЛОГИИ СЕГОДНЯ*

Аннотация. *Охарактеризована идея создания теоретической психологии, определены исторически сложившиеся базовые категории психологии. Построена матрица категориального строя психологии, включающая в себя 35 категорий, объединенных в плеяды и кластеры. Плеяды категорий – это биоцентрические, протопсихологические, базовые психологические, метапсихологические и экстеропсихологические (социоцентрические) категории. Категории объединены в кластеры causa sui (самопричинность), направленность, активность, когнитивность, пристрастность, событийность, действительность.*

Ключевые слова: *психика; теоретическая психология; категориальный строй; плеяды категорий; кластеры категорий; онтологический статус плеяд категорий.*

Abstract. *The idea of creation of theoretical psychology is described, historically established basic categories of psychology are defined. Matrix of caregorial system including 35 categories united in pleiades and clusters is constructed. Pleiades of categories are: bio-centric, proto-psychological, basic psychological, meta-psychological and extero-psychological (socio-centric) ones. Categories are united into clusters: causa sui (self-causality), orientation, activity, cognitivity, partiality, eventity, reality.*

Keywords: *psyche; theoretical psychology; caregorial system; pleiades of categories; ontological status of pleiades of categories.*

Кто и как разъяснял нам предмет нашей науки?

Десятки лет психологам разъясняли предмет их науки философы, физиологи, логики, политики – разъяснял кто угодно, но только не они сами себе. Таковы знаменитые павловские «Ответ физиолога психологам», «Кому и как разрабатывать психологию?»; таковы попытки современных методологов «объяснить» психологам, что Л.С. Выготский (автор «Психологии искусства» и «Культурно-исторической психологии») «психологом не был»; таково сегодняшнее стремление обратить российских психологов в новую веру – постмодернизм.

* В статье использованы материалы более ранней работы А.В. Петровского и В.А. Петровского [3], опубликованной при жизни А.В. Петровского; они уточнены и существенно расширены В.А. Петровским за счет включения детализированных представлений о кластере «causa sui» («организм», «индивид», «Я», «личность», «человек»). Хотя текст статьи подготовлен к печати одним из ее авторов, деятельное присутствие другого автора читатели, надеюсь, почувствуют и оценят. С идеей деятельного присутствия человека в человеке читатель мог встретиться во вступительной статье В.А. Петровского, открывающей данный выпуск журнала.

Идея теоретической психологии: инструмент саморефлексии психологии как науки

Идея *теоретической психологии* как инструмента *само*рефлексии психологии была предложена А.В. Петровским в контексте разработки *категориальной системы психологии,* реализованой им совместно с М.Г. Ярошевским и В.А. Петровским в работах [1–3].

Психология «по взрослому»

Предлагаемая здесь система категорий – один из возможных ответов на вопрос о том, с какими категориями имеет дело психолог, когда психология начинает рефлексировать себя, то есть, в метафорическом плане, взрослеет. Говоря «взрослеет», я обращаюсь к берновскому языку транзактного анализа. Этот язык позволяет более точно обрисовать сегодняшнее положение дел в психологии, активно формирующей свой образ «Я». Как психология *теоретическая*, она дает себе *разрешение* не связывать себя старыми обязательствами перед берновскими Родительскими фигурами философии (матери всех наук), а также физиологии (мачехи многострадальной отечественной психологии образца 20–50-х годов); столь же она отказывается потакать и новым фигурам: Бунтующему Ребенку моды (в лице модераторов-постмодернистов) и хитроватому Маленькому Профессору бизнеса в психологии…

Набросок будущего категориального строя

Категориальный строй психологии как классической науки* рисуется нам сегодня следующим образом (рис.1). Подчеркну: именно рисуется! Я использую слово «рисуется», понимая, что изображение всё еще имеет характер наброска. Не исключено, как мы писали об этом с А.В. Петровским на момент создания первого абриса категориального строя, что оно может быть развито и уточнено в дальнейшем, то есть «перерисовано» заново**.

* В том, что касается соотношения классического и неклассического аспектов этой науки, сошлюсь на свои выступления, в самих названиях которых выражена суть: «Классическая психология как неклассическая наука».

** В незапамятные времена А.В. Петровский рассказывал своему будущему соавтору по данной статье об исследованиях, посвященных работе художников-графиков, рисующих портрет человека. Копирка, незаметно подкладываемая под основной лист, воспроизводила движение руки художника, а лист бумаги под копиркой время от времени обновлялся (о чем художник не знал). Выяснилось, что рисовальщик неизменно возвращается к исходному контуру, прорисовывая его все более отчетливо и точно. Категориальный строй психологии открыт для «прорисовывания контура» и все более плотного приближения к изображаемой реальности. Начало было положено в 1998 г.; в ряде публикаций содержание клеточек категориальной таблицы корректировалось; продолжение, как мы и предполагали с А.В. Петровским, следует…

Causa sui	*Направленность*	*Активность*	*Когнитивность*	*Пристрастность*	*Событийность*	*Действительность*
↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓
Человек	Идеал	Самополагание	Разум	Смысл	Соучаствование	Эйкумена
Личность	Ценность	Деятельность	Сознание	Чувство	Общение	Персоносфера
Я	Мотив	Действие	Образ	Переживание	Интеракция	Ситуация
Индивид	Потребность	Живое движение	Сигнал	Аффективность Значимость	Сосуществование	Предметность
Организм	Нужда	Метаболизм	Раздражимость	Избирательность	Синергия	Среда

Рис. 1. Категориальный строй психологии

Пять уровней категориальной системы

Элементы категориальной системы психологии расположены на пяти уровнях, образующих *строки* матрицы (см. рис. 1). Нижний уровень принадлежит биосфере, определяющая роль которой убывает по мере восхождения к социоцентрическому уровню. В свою очередь, верхний – социоцентрический – уровень детерминирован ноосферой; значимость этой детерминации убывает в направлении к биоцентрическому ряду.

Между биоцентрическим («Организм», «Нужда», «Метаболизм», «Раздражимость», «Избирательность», «Синергия», «Среда») и социоцентрическим уровнем расположены собственно психологические уровни (плеяды) других категорий: протопсихологических, базисных и метапсихологических. Хотя каждый из этих уровней содержит семь категорий, это число не может рассматриваться как конечное, что сохраняет необходимую открытость системы для включения новых категорий, если в этом возникает необходимость.

Протопсихологический уровень

Протопсихологический уровень (ряд) включает категории «Индивид», «Потребность», «Живое движение», «Чувствительность (Восприимчивость, Селективность)», «Аффективность», «Сосуществование» и «Предметность». Каждая из указанных категорий выступает как явление по отношению к биоцентрическому уровню (к примеру, «Потребность» – «Нужда», «Сигнал» – «Раздражимость» и др.). В свою очередь, каждая из категорий, входящих в эту плеяду, оказывается сущностью по отношению к ряду категорий базисного уровня.

Базисный уровень

Базисный (собственно психологический) уровень включает в себя категории «Я», «Мотив», «Действие»,

«Образ», «Переживание», «Интеракция», «Ситуация». Таким образом, если «Аффективность» выступает как явление по отношению к «Избирательности» как сущности, то «Переживание» рассматривается в качестве явления по отношению к «Аффективности» как сущности.

Метапсихологический уровень

Следующий уровень – метапсихологический. Он объединяет категории «Личность», «Ценность», «Деятельность», «Сознание», «Чувство», «Общение», «Персоносфера». Здесь «Сознание» – это то, в чем проявляется и обнаруживает себя как сущность «Образ», который, в свою очередь, был явлением по отношению к «Сигналу».

Социоцентрический уровень

Социоцентрический (экстеропсихологический) уровень не является, подобно биоцентрическому, собственно психологическим. Если психология и представлена в этой плеяде, то лишь наряду с категориями философии, этики, эстетики, социологии и культуры в целом. Такова плеяда, состоящая из категорий «Человек», «Идеал», «Самополагание», «Разум», «Смысл», «Соучаствование», «Эйкумена».

Любой из описанных *столбцов* матрицы заключает в себе специфическое обобщение и противостоит другому. Так, кластер «Нужда – Потребность – Мотив – Ценность – Идеал» может быть обозначен как кластер направленности, а вертикаль «Метаболизм – Живое движение – Действие – Деятельность – Самополагание» можно поименовать кластером активности. По такому же принципу названы и другие кластеры (субстанциональности, когнитивности, субъективности, событийности, действительности).

Могут быть специфицированы как «параллели» (плеяды), так и «меридианы» (кластеры) категорий. Характеризуя плеяды категорий, мы выскажем здесь два суждения, обоснование которых требует специальной работы.

Соотнесенность каждой категории плеяды с каждой другой

1. Каждая из категорий любой из строк при всей своей специфичности неотделима от каждой другой категории той же строки. Например, категория «Я» из плеяды метапсихологических категорий немыслима вне соотношения с категориями «Ценность», «Деятельность», «Чувство», «Сознание», «Общение», «Предметность», а категория «Образ» (плеяда базисных психологических категорий) неотделима от категорий «Я», «Действие», «Переживание», «Интеракция», «Ситуация».

Особый познавательный статус каждой плеяды

2. Содержание категорий внутри каждой из пяти плеяд в строках таблицы характеризуется особым познавательным статусом.

Первая строка – категории «естественной причинности»

Нижняя, первая, строка таблицы, то есть плеяда биологических категорий, указывает на явления, которые могут быть изучены объективными методами, «извне» (подобно тому как физики изучают объекты «подведомственной» им области знания). Интерпретация накапливаемых фактов при этом осуществляется на основе схем *естественной причинности*.

Вторая строка – категории-ноумены

Вторая строка таблицы, плеяда протопсихологических категорий, заключает в себе то, что на языке философии обозначается как *ноумены* – умопостигаемые сущности. Действительно, каждый из соответствующих объектов не дан наблюдателю ни непосредственно, ни в показаниях датчиков, ни тем более путем прямого наблюдения извне. Например, даже такая, казалось бы, вполне наблюдаемая форма проявления активности, как живое движение, не может быть осмыслена без введения особых конструктов, природа которых исключает возможность их «созерцания» (например, понятия о «промежуточных переменных» у Э. Толмена, «настроения» у М.Я. Басова и т.п.). Кроме того, и в интроспекции категории этой плеяды непосредственно не выступают (например, «Потребность» приоткрывается нам исключительно в виде мотивов как переживаемых побуждений к действию).

Третья строка – категории-феномены

В отличие от плеяды протопсихологических категорий следующая плеяда – базисные психологические категории; она заключает в себе явления, в той или иной мере доступные интроспекции. Это плеяда *феноменов*. Данное положение справедливо даже по отношению к такой трудноуловимой категории, как «Я». К примеру, мы ощущаем свое «Я», когда совершаем выбор между двумя возможными действиями или неожиданно обманываемся в своих ожиданиях, или действуем намеренно неадаптивно (в направлении непредрешенных исходов возможного опыта) и т. д.

Четвертая строка – категории-проекты

Метапсихологические категории – это плеяда *проектов*. Каждый проект – это не просто мысль о чем-либо; это мысль, заряженная импульсом самоосуществления. Например, категория «Личность». Мысля личность свободной, мы раскрываем перед ней простор самоопределения (если следовать философии Гегеля, само сознавание свободы делает нас свободными). При ином понимании личности, привязывая ее к решению задач адаптации (под благовидным предлогом реализации принципов гомеостазиса, гедонизма, «предустановленной гармонии»), мы сковываем личность, лишаем ее спонтанности. Вот почему невозможно изучать личность по

аналогии с тем, как, например, мы изучаем физические тела. «Личность подобна любви, – говорил Р. Кеттел, – все знают, что она есть, но никто не знает, *что́* она есть». И это понятно! Мы строим свою личность так же, как строим свою любовь. «Личность», «Ценность», «Деятельность», «Чувство», «Сознание», «Общение», «Предметность» – все это мысли, творящие свой объект.

Пятая строка – категории-контроверзы

И, наконец, плеяда экстрапсихологических категорий. Познавательный статус этих категорий парадоксален. Они будто играют в прятки с исследователем. Любой шаг познания здесь как бы отталкивает от себя познаваемое содержание; объект исследования вступает в конкурентные отношения с самим исследователем, доказывая свою несводимость к чему-либо, что могло бы быть известно заранее. Достаточно вспомнить «неподатливость» категории «человек»; споры об идеалах; принципиальную невозможность построить алгоритм самополагания; сопротивляемость личностных смыслов переводу их на чужой язык; сокровенность миропостижения; интимность соучаствования. Все это – приметы категорий особого рода, которые могут быть названы «*категории-контроверзы*».

Обсудим теперь подробнее кластеры категорий, образующие столбцы приведенной матрицы.

Каждому кластеру соответствует фундаментальное измерение человеческого бытия

Каждый из столбцов матрицы содержит в себе вполне определенный кластер категорий. Мы говорим о кластерах категорий, потому что каждая из вертикалей символизирует (и притом вполне отчетливо!) то или иное фундаментальное психологическое измерение бытия человека.

Кластер *causa sui*

Кластер причины себя (causa sui). Данный кластер объединяет в себе следующие категории: «Организм», «Индивид», «Я», «Личность», «Человек». Когда *то*, что *есть*, то есть *сущее*, воспроизводит себя, опираясь на

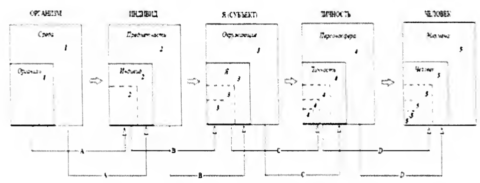

Рис. 2. Ступени *causa sui*

образ своего бытия в мире, мы говорим о его самопричинности. Рассмотрим последовательные формы *causa sui* (рис. 2).

Организм – допсихическая целостность

Первое звено в нашем ряду – *Организм*, допсихическая целостность. Вполне очевидно, что всё живущее можно назвать организмом. Любое растение, любое животное, включая homo sapiens, тому пример. Но что означает этот термин? Предлагаем следующее короткое определение. Организм – это дублирующая себя телесность; она заключает в себе свой собственный прототип. Дублирование – это регенерация и размножение. Естественно, воспроизводство осуществляется на основе матриц, присущих телу, – морфологических структур. Они могут быть «наблюдаемы» извне, при осуществлении физических измерений. Их можно, так сказать, сфотографировать. Изображая организм на схеме, мы не разделяем матрицу, детерминирующую его функционирование, и результат ее воспроизводства в виде новой порождающей матрицы: они идентичны. Ведь перед нами – воспроизводящий себя *геном*, опосредствующий процессы дублирования: генетическая запись состава и способов функционирования организма. Геном управляет синтезом и обновлением элементов тела во взаимодействии с элементами окружения («обмен веществ»).

На данной ступени нет и отдаленно того, что называют *субъективностью*. Подсолнух, конечно, «поворачивает голову» вслед за солнцем, но у него отсутствуют какие-либо субъективные образы: для «него» нет ни себя, ни солнца. Однако на допсихическом уровне функционирования подсолнух «чувствует» себя превосходно.

Индивид – организм как психофизическое целое

Второе звено – *Индивид*. Форма существования организма, порождающего волновые структуры, в которых моделируется взаимосвязь его (организма) со средой. Эти структуры морфологически не фиксированы, «не прорисованы» в телесности организма. Будучи структурами волн, результатом их наложения друг на друга, суперпозициями, они как таковые не являются волнами (не могут сами распространяться в пространстве, поэтому не могут быть и «прочитаны» каким-нибудь физическим воспринимающим устройством). В терминах А.И. Миракяна* такие волновые структуры могут

* *А.И. Миракян* (1929–1995) – российско-армянский психолог, автор концепции константно-аконстантного восприятия и трансцендентальной психологии восприятия, которые стали основой для решения задач, связанных с моделированием восприятия в искусственных системах отражения.

быть описаны как *афизические* формообразования. Они образуют то, что мы описываем как *психическое per se* – совокупность взаимопереходов субъективных и объективных проявлений бытия индивидуума. Перед нами такие психические формообразования, как «бессознательное психическое» З. Фрейда, «абсолютно бессознательные» установки Д.Н. Узнадзе и, если разобраться, «предметная деятельность» А.Н. Леонтьева как активность «построения и реализации психического образа мира». Ни в коей мере не являясь «корпускулами» и «волнами», продуцируемыми организмом, они неотделимы от организма – и в этом смысле «индивид» есть психофизическое целое. В то же время, являясь афизической (психической) композицией волн, они заключают в себе информационные модели *связи* организма и среды и в этом качестве способны направлять активность; за счет этого организм воспроизводит свое существование в среде. Но при этом воспроизводится не только то, что является организмом как таковым. Воспроизводится также и то, что составляет непосредственное условие его собственного существования: связь с теми элементами среды, которые необходимы и достаточны для его выживания. Но это значит, что совершаются акты, обеспечивающие такую связь – поведение.

Надтелесная «информационная аура»

Возможность существования «в природе вещей» морфологически нефиксируемых конфигураций волн – информационных моделей мира – позволяет живым существам адаптироваться к новым условиям жизни, строя их летучие образы как бы поверх шаблонов, впечатанных в тело. Это позволяет в нужный момент гибко выстраивать и перестраивать свое поведение. К счастью, трудно вообразить себе, что подобная надтелесная «информационная аура» может фиксироваться генетически, переходя к потомкам, идущим на смену: им ведь придется жить позже, то есть в другое время, в другой среде.

Необходимо отметить, однако, что связь «психическая модель – поведение» неоднозначна. С одной стороны, на основе таких моделей реализуются «автоматизмы», «бессознательные умозаключения», «первичные» и «фиксированные установки», «инстинктивные стремления» (Trieb), «вытесненные идеи», то есть заранее структурированные паттерны активности. С другой стороны, они допускают возможность гибкой подстройки под ситуацию. Активность в этом случае приобретает характер «живого движения» (Н.А. Бернштейн, В.П. Зинченко), которое допускало формирование альтернативного пути развертки процесса. Этим моделям пока еще не

присуща та форма избыточности, которая характеризует чувственные образы мира (В.П. Зинченко), предоставляя возможность *выбора* между равно возможными и равно оформленными альтернативами. Но именно в такой избыточности и заключается, на наш взгляд, главный критерий разграничения протопсихических (дочувственных) и собственно психических (чувственных) образований.

Я – индивид в саморефлексии

Третье звено – Я: индивид в саморефлексии; переживающий себя индивид. Он «знает себя изнутри», учитывая то, что происходит снаружи. В терминах К. Поппера, он обладает *осведомленностью*. Избыточность субъективных образов обеспечивает возможность предпочтения и выбора предстоящих способов поведения – возможность осуществления произвольных актов. Строя свой собственный образ, индивид отделяет себя от всего приходящего, в том числе и от других индивидуумов*. Результатом этого обособления является не только его собственное Я, но и то, каким воспринимают его в качестве автономного существа другие индивидуумы, что формирует с их стороны активное отношение (например, принятие или отвержение). Это отношение в последующем становится предметом рефлексии со стороны Я.

Личность – многообразие Я в своих отражениях

Четвертое звено – Личность. Это Я, соотносимое с другими Я; многообразие Я в своих отражениях. Это моя собственная отраженность в себе; отраженность другого во мне; отраженность себя в другом (рис. 3).

По сю сторону Я…

Рассмотрим, что находится *по сю* сторону Я. В пространстве Я предметом воспроизводства становится само Я со стороны его уникальности, отдельности, а также особенные отношения к индивидууму со стороны окружающих. Воспринимая отношения к себе других лиц, данный индивидуум строит внутри *образ себя*, а также образ

* Говоря «индивидуум», мы имеем в виду то, что люди обычно понимают под «человеком», единичным представителем человеческой общности. Индивидуум – это Петр, Павел, Наталья, Татьяна, то есть тот или та, о ком говорящий думает как о подобном себе существе, объединяя в своем представлении разные ипостаси его бытия: витальные («организм»), психофизические («индивид»), социальные («личность»), духовные («человек»). Конечно, в этом пункте логично было бы начать с вопроса: а что в таком случае есть «человеческая общность» и нет ли здесь риска допустить логическую ошибку *circulus indefiniendo* («круг в определении»)? Нет, мы не допустим подобной ошибки, если прибегнем к единственно возможному в этом контексте *остенсивному определению* через прямое указание: «вот, вот и вот кто образует "человеческую общность" в отличие от всех других» (и далее прямо указываются те, кто не входит в определяемый класс).

ЛИЧНОСТЬ

Я у себя и *Ты у меня*
Я в саморефлексии & Твое иммерсивное Я
Мое Я во мне ⮌ *Твое Я во мне*

Ты у себя и *Я у тебя*
Ты в саморефлексии & Мое иммерсивное Я
Твое Я в тебе ⮌ *Мое Я в тебе*

Рис. 3. Личность: штрихи к портрету

чужого (чужих) Я. Так появляется «единомножие» Я-образов. Образы, которые при этом рождаются (лица, голоса, осязаемое присутствие «человека в человеке») – это осознанные представления Я о себе на фоне представления о других Я и в соотношении с ними.

Пространство личности, таким образом, содержит в себе *«Я сам(а) для себя»* (смысловые нюансы выражаются словами *«Я у себя»*, *«Я в саморефлексии»*, *«Мое Я во мне»*), а также *«Другие во мне»* (*«Ты у меня»*, *«Твое иммерсивное Я»*, *«Твое Я во мне»*) во всем многообразии отраженных в сознании данного индивидуума контактов его с окружающими. Об инстанции *«Я сам(а) для себя»* мы говорим «рефлексивное Я индивидуума», «Я в саморефлексии». Специальный термин, как можно заметить, вводится для обозначения инстанции *«другой для меня»*: это «иммерсивное Я другого»*.

По ту сторону Я…

Другое пространство существования личности находится *по ту* сторону Я. Это пространство *Ты*. Здесь перед нами также феномен отраженности. Однако на этот раз речь идет об отраженности Я индивида в пространстве Я другого (других), то есть о присутствии своего отраженного Я во внутреннем мире другого (*«Я у тебя»*, *«Мое иммерсивное Я»*, *«Мое Я в тебе»*). По предложению А.В. Петровского автор стал использовать для обозначения процессов и результатов погружения индивида в эти пространства и тем самым обретения своей «личностности» (собственно «личностного» модуса существования) термин «персонализация» («оличноствление»). Отсюда и название

* *Иммерсивный* (от лат. Immersion – погружение) – обеспечивающий полный эффект присутствия, погружающий в виртуальную среду.

предложенной автором и развитой им совместно с А. В. Петровским системы взглядов – «концепция персонализации» [6–14]*.

Итак, моя личность содержит в себе не только «*Я для себя*» и «*Ты для меня*», но и «*мое Я для тебя*» в соотношении с «*его Я для него самого*». Здесь также множество «отражений». Их столько, сколько людей вокруг признают во мне личность.

Пространство «между» – пространство существования личности

Наконец, существует пространство *Между*, обозначаемое английским символом «*&*». Это в некотором смысле загадочное пространство существования личности, ускользающее от сознания каждого из общающихся, но связывающее обоих в некое целое. Здесь совершается таинство *интериндивидуальных* связей, таинство перехода, превращения *моих* мыслей, чувств, побуждений *в твои*, а также ответные переходы и трансформации. Чаще всего мы пребываем в иллюзии адекватности взаимослышания и взаимоинтерпретации («я говорю» – «меня понимают»). Между тем каждому взрослому человеку неоднократно открывалось в опыте, что даже самые, казалось бы, бесспорные вещи могут быть осмыслены нашими собеседниками самым причудливым образом и далее самым неожиданным образом возвращены говорящему. Возникает резонный вопрос: когда я говорю: «бузина», а мой собеседник слышит при этом «дядька», то что, в сущности, было сказано?! Мы оба можем настаивать на своей правоте: я – на правоте сказанного, мой собеседник – на правоте услышанного. Кто прав?

Конфликты интерпретаций могут быть продуктивны

Конфликты интерпретаций могут быть продуктивны. Ребенок, еще не умеющий говорить, тянется к предмету, чтобы его схватить. Взрослый считает, что ребенок

---

* Мон первые выступления о личностнн как «вкладе» в другнх людей, об «ннобытнн» («идеальной представленностн н продолженности») человека в человеке н в этой связн различеннн развитня пснхнкн н развитня личностн былн встречены научной общественностью, мягко говоря, без восторга. Конечно, различение «нндnвида» и «личности» к тому моменту уже не было новостью. Но вообразнть существованне личностного за пределами бытня нндnвида, да еще «по ту сторону» его общення с другимн людьми, – это было уже слншком! Тем не менее совместно с А.В. Петровским я продолжал осванвать территорню «метанндnвидного» бытня личностн, говоря о существованин «потребностн н способностн “быть личностью”», предлагать собственные моделн развитня лнчности, нарабатывать опыт нспользовання метода «отраженной субъектностн». За прошедшне десятнлетня идея «личностности» как отраженности нндnвидов друг в друге широко представлена не только в наших публнкациях (авторских и написанных в соавторстве), но н в работах (статьях, кннгах, сборннках трудов, учебннках) нашнх коллег.

показывает предмет. Так рождается *указательный жест*. Л.С. Выготский прозорливо подметил аналогию между генезисом жеста и схемой перехода «в-себе-бытие → для-других-бытие → в-себе и для-себя-бытие», описывающей в гегелевской диалектике самодвижение духа. Именно в этом пространстве, согласно Л.С. Выготскому, рождается личность (позже мы встречаем близкую мысль у Э.В. Ильенкова*). Но не только развитие становится следствием схизмы «двудушия» (термин Г. Шпета**). В зазоре «в-себе и для-себя» и «в-других и для-других-бытия» сознания рождаются нелепые домыслы, скороспелые выводы, смертельные обиды, разрывы на всю жизнь, убийства на почве ревности. Зазор порождает позор. Отношения засоряются непониманием. «Счастье, когда тебя понимают». Несчастье, когда тебя понимают все, но понимают не так.

Утопичен поиск субъекта, который «в ответе за всё»

Пафос, с которым автор напоминает читателю о пространстве *Между*, призван подчеркнуть, что порою никто из индивидуумов, вступающих во взаимодействие друг с другом, не может (хотя часто и стремится) взять на себя всю ответственность за исход данного взаимодействия. Минуя обсуждение известных результатов исследования атрибуции ответственности в случае успеха и неудачи, подчеркнем простую (но не всегда приходящую в голову) мысль: в ряде случаев совершенно утопичен поиск *субъекта*, который был бы «в ответе за всё».

---

* Личность здесь как бы приобретает свое особое «телесное» бытие, отличающееся от «телесного» бытия индивида. Э.В. Ильенков писал: «Философ-материалист, понимающий "телесность" личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в "ансамбле") предметных, вещественно-осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), опосредствованных через созданные их трудом вещи, точнее, через действия с этими вещами (к числу которых относятся и слова естественного языка), будет искать разгадку "структуры личности" в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности» [16, с. 216–217]. В социально-психологическом аспекте рассмотрения интериндивидуальный подход к личности представлен теорией деятельностного опосредования межличностных отношений А.В. Петровского, а также в моих исследованиях [17].

** Этот термин был подсказан В.П. Зинченко. В.А. Петровскому [18] особенно дорога идея «между», которая стала в моих разработках ключевой. Представлена в разработке таких категорий и понятий, как «психика» (состояние взаимоперехода субъективного и объективного), активная неадаптивность («мотив границы»), «Я» (предел-переход-связь между чувственным индивидом и его отраженностью в себе), «личность» (бытие в интериндивидном пространстве), «человек» (бытие в *меж*личностных отношениях, то есть в пространстве всеобщего: существующего *у* всех, *между* всеми).

Ни один из индивидуумов, вовлеченных в сложное коллективное действо (особенно если оно производится впервые), не является его автором и не может рассматриваться таким образом. Знание этого очевидного факта, разумеется, не избавляет людей от чувства вины в случае неудачи. Это иногда несправедливо в отношении отдельного участника (например, лидера, руководителя, старшего по возрасту), но, как считается, благодетельно, с точки зрения общества.

Интраиндивидные отношения производны от интериндивидных

Отрицая субъектность интериндивидуальных взаимодействий, мы вынуждены сделать следующий шаг вглубь *интраиндивидных* отношений между различными Я индивидуума: его собственным *«рефлексивным Я» («Я у себя»)* и *«Я у других людей»*, на территории его собственного Я (*«Твое Я во мне»*, *«Иммерсивное Я»*). Следуя Л.С. Выготскому, мы вынуждены признать, что внутренние, *интраиндивидные* отношения между разными Я суть производные формы от внешне развернутых, *интериндивидных* форм отношений между партнерами[*]. Следовательно, они несут на себе печать *бессубъектности* (то есть неподконтрольности достигаемых эффектов активности гипотетическому центру активности). Очевидно, что та же неподконтрольность характеризует взаимоотношения между разными Я на территории Ты другого.

Человек – личность, равным образом воплощающая себя во всех и всех в себе, «личность в любви»

Пятое звено – Человек (= всеобщее Я). Это форма существования личности индивидуума, включающая в себя воспроизводство отношений с другими индивидуумами как носителями *его* отраженной субъектности и источником их *собственной* отраженной субъектности в нем, что выражается в поддержке и развитии друг друга как личностей.

Это развернутое, но кажущееся громоздким (оно и есть громоздкое!), определение *Человека* (обладателя качества *человечности*) кратко могло бы прозвучать так: *Человек – это личность в любви*[**].

---

* Очевидно, верно и обратное (интериоризация сочетается с экстериоризацией отношений).

** Категория «человек» допускает много различных трактовок. Как категория-контроверза, она провоцирует методологов и теоретиков выдвигать альтернативные версии. Вполне допускаю, что кому-то из читателей покажется более подходящим определение человека как «личности в культуре» или «личности в духовном измерении бытия» и т.д. Наше понимание отличается тем, что нацеливает на анализ процессов и результатов общения между индивидуумами, если под общением подразумевать не просто коммуникативные акты, а «производство общего» [9; 13] – взаимопроникновение в миры друг друга, единение миров, высшая форма чего есть любовь.

Существование другой личности неотделимо для первой от её собственного существования

Действительно, что значит воспроизводство только что обозначенных отношений? Это значит, что *существование другой личности как человека* неотделимо для первой от *её собственного существования* как человека. «Для всего моего существования как человека фундаментальным, – писал С.Л. Рубинштейн, – является существование другого человека, то, что я существую для него, каким я ему представляюсь. Я живу на виду у людей: каждый мой поступок и каждый мой жест приобретают то или иное значение, в зависимости от того, чем он является для другого человека. И для «него» все взаимно обстоит так же. Я для другого человека и другой для меня – является условием нашего человеческого существования» [19, с. 372].

«Человеческое во мне» будет, чтобы я был «собой»

Продолжим мысль С.Л. Рубинштейна. Мне, может быть, мало быть на виду. Мне мало быть таким, каким я представляюсь другому человеку. «Человеческое» во мне требует, чтобы я, действуя в направлении другого, был «собой» в этом другом человеке. Я стремлюсь быть представленным в нем «не как-нибудь», а сообразно своей собственной мере (в противном случае, кто этот «я», живущий в нем, – я сам или кто-то чужой?). Это, далее, значит, что я стремлюсь быть продолженным в другом индивидууме *лучшими* своими качествами (ведь если это не так, то есть опасность разрушить в другом индивидууме то, в чем я нуждаюсь, – прочность своей новой обители, надежность и долговременность своего присутствия в нем). Наконец, это значит, что и он увидит во мне что-то, в чем нуждается сам. Тогда именно во мне он обретет возможность «расширить» себя, отразившись.

Когда нет нн малейшего прагматнзма, нет нн толики «нкструментального» отношения к другому

Здесь нет ни малейшего прагматизма, нет ни толики «инструментального» отношения к другому индивидууму. Ведь здесь то, «*посредством* чего», и *то*, «*ради чего*» вполне совпадают: как то, так и другое суть *персонализация*, воспроизводство способности «быть личностью» (качества своей отраженности в окружающих). Перед нами двусторонний процесс, взаимная устремленность к одному и тому же – к общности.

Приведу в этой связи, не пропуская ни строчки, ибо в каждой из них поэтически схвачена суть сказанного, стихотворение Михаила Квливидзе*. Думаю, эти стихи вполне выражают и суть любви, и абсолютное бескорыстие, присущее ей.

---

* В переводе Беллы Ахмадулиной.

Я и ты

О, уезжай! Играй, играй
в отъезд. Он нас не разлучает.
Ты – это я. И где же грань,
что нас с тобою различает?

Я сам разлуку затевал,
но в ней я ничего не понял.
Я никогда не забывал
тебя. И о тебе не помнил.

Мне кажется игрой смешной
мое с тобою расставанье.
Ты – это я. Меж мной и мной
не существует расстоянья.

О глупенькая! Рви цветы,
спи сладко иль вставай с постели.
Ты думаешь, что это ты
идешь проспектом Руставели?

А это – я. Мои глаза
ты опускаешь, поднимаешь,
моих знакомых голоса
ты слушаешь и понимаешь...

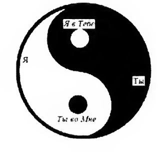
И лишь одно страшит меня
и угрожает непрестанно:
ты – это я. Ты – это я!
А если бы меня не стало?

«Личность в любви» обеспечивает присутствие, дает возможность быть в этом мире, состояться в нем

«Личность в любви» – это значит, что мы не просто присутствуем друг в друге, но и обеспечиваем это присутствие, давая возможность *быть* в этом мире, *состояться* в нем. Это значит, что мы соучаствуем в жизни друг друга: у нас есть общая часть «обжитой Вселенной» («соучаствование» и «обжитая Вселенная-эйкумена» еще встретятся нам далее). «Личность в любви» – это значит, что «я для себя» здесь *то же*, что и «ты для меня»; и тут же: «ты для себя» – *то же*, что и «я для тебя». «Быть человеком», «чувствовать себя человеком» – это значит: быть личностью любящей и любимой. Отражаться в других и быть носителем их отражений. Позволять другим личностям творить наше Я. И столь же – творить Я других.

«Личность в любви» – это значит: «Мое Я» и «Я Другого» суть *Одно* (разные репрезентации идеи единения двух личностей представлены на рис. 4:

МЫ - ОДНО

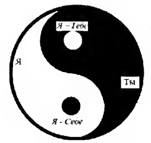

ЧЕЛОВЕК

А. Вариант психологического автопортрета-1.
Идея равенства взаимоприсутствия:
«Я в Тебе = Ты во Мне»

ЧЕЛОВЕК =
ЛИЧНОСТЬ В ЛЮБВИ

МЫ - ОДНО

МЫ* - ОДНО

Я - Тебе
Ты
Я
Ты - Себе

Я - Себе = Я - Тебе; Я - Тебе = Ты - Себе

ЧЕЛОВЕК

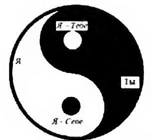
ЧЕЛОВЕК*

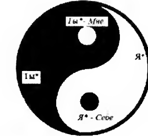
Б. Вариант психологического автопортрета-2.
Идея (субъективной) общности интересов: «Я – Себе» всё равно что «Я – Тебе» и при этом «Я – Тебе» всё равно что «Ты – Себе»

ЧЕЛОВЕК =
ЛИЧНОСТЬ В ЛЮБВИ

МЫ - ОДНО

МЫ - ОДНО

Я - Себе = Я - Тебе; Я* - Себе = Ты* - Мне

ЧЕЛОВЕК

ЧЕЛОВЕК*

В. Варианты психологического автопортрета и портрета, выполненного другим.
Идея объективной общности интересов: «Я – Себе = Я – Тебе» (так человек думает о себе и другом человеке) и при этом «Я* – Себе = Ты* – Мне» (так думает о себе и о нём другой человек*)*

Рис. 4. Личность в любви (=Человек)

Человек есть личность, воплощающая себя во всех и всех – в себе

В заключение наших размышлений о Человеке предложим определение, чуть менее лаконичное, чем «личность в любви», но зато кажущееся более строгим: Человек есть личность, равным образом воплощающая себя во всех и всех – в себе.

Является ли данное определение действительно более строгим, сказать не берусь. Но, возможно, оно в большей мере придется по сердцу сторонникам академизма в персонологии.

Логика восхождения вверх по категории кластера causa sui

Итак, кластер causa sui (причины себя) представлен категориями, каждая из которых как бы надстраивается над другой, раскрывая присущий ей потенциал развития. Восхождение вверх по категориям кластера, как можно убедиться, подчинено определенной логике, которую мы называем *рефлексивной дедукцией*. Содержание каждой последующей категории содержит в себе рефлексивный образ предшествующей категории. Первая категория в ряду не содержит в себе определений психического («Организм»); следующая категория является протопсихологической («Индивид»); далее перед нами базовая психологическая категория («Я»; «Субъект»); затем метапсихологическая категория («Личность») и, наконец, экстрапсихологическая категория («Человек»). Еще раз напомним:

- *организм* – форма существования *тела,* механически дублирующего себя на основе фиксированных в его структуре шаблонов взаимодействия с окружением;
- *индивид* – форма существования *организма*, включающая в себя первично-психическую модель его взаимодействия со средой и фактическую реализацию этой модели в поведении;
- *Я* – форма существования *индивида*, включающая в себя субъективно-психическую («чувственную») модель его взаимодействия с окружением (вещи, другие индивиды) и фактическое отделение себя от своего окружения;
- *личность* – форма существования *Я,* включающая в себя осознанный образ его взаимоотношений с другими Я и свою отраженность в них;
- *человек* – форма существования *личности*, включающая в себя воспроизводство отношений с другими людьми, обеспечивающих взаимную субъектную представленность (отраженность) их друг в друге.

Мы имеем дело с процессами самотрансценденции

Поднимаясь от ступени к ступени, мы имеем дело не только с самопричинностью индивидуума, но и с процессами его самотрансценденции, так как он не

только использует уже имеющиеся условия своего бытия, но и обнаруживает свою способность воспроизводить их (а значит, осуществлять расширенное воспроизводство своего бытия в мире). Итак, перед нами – на всех ступенях подъема вверх в категориальном ряду – *феномены единства самопричинности и самотрансценденции индивидуума.*

Прежде чем обратиться к другим «клеточкам» категориального строя (мы не собираемся рассматривать их столь детально, как центральную для «Логики Я» категорию самопричинности), хотелось бы обратить внимание читателя на важную особенность в характеристике взаимоотношений между категориями, представленными в таблице категориального строя.

«Улитка на склоне»

Никогда прежде (начиная с первых эскизов таблицы)* нами не отмечалось то обстоятельство, что контенты категориального восхождения не переходят полностью с более низкой на более высокую ступени в ряду. Хочу сказать, что есть некий остаток – непереводимая «часть» контента каждой из категорий («Улитка на склоне»** братьев Стругацких).

Итак, рассмотрим, что остается от содержания категорий «за вычетом» возвышающего их движения рефлексии в различных ее формах. Речь будет идти о *сущем per se (= как таковом, самом по себе).*

Тело – организм per se

Организм per se (внепсихическое) = Тело. В то время как *индивид* есть *организм*, как бы «одушевленный» развитием (переходом на более высокую ступень самопричинности) и являющий собой, таким образом, психофизическую целостность, организм *сам по себе* есть *тело*, биофизический агрегат***, не имеющий ровным счетом ничего общего с культурно-исторической детерминацией» жизнедеятельности****.

---

* Я имею в виду главу в книге [2], написанную А. В. Петровским и В. А. Петровским.

** Один из героев романа братьев Стругацких «Улитка на склоне» хочет стать камешком, тормозящим «жернова прогресса», и остается победителем – улиткой на склоне.

*** Не путать с «телесностью» (внешним обнаружением и источником душевного строя личности)!

**** Приведем пример, иллюстрирующий эту мысль. Депрессия – это не только «сон разума», но и «разум бодрствующий» рождает чудовищ. Источник депрессии, заметим, может иметь внепсихическое происхождение. Но живущий в каждом из нас смыслоискатель, «доцент-телеолог», без пяти минут «профессор теологии», требует, чтобы мы ответили на вопрос «зачем?», «каков смысл?»; мы не можем позволить себе успокоиться, пока не осмыслим, в чем дело, что происходит с нами, почему руки опускаются, почему нам

Плоть – индивид per se

Индивид per se (бессознательное индивидуальное) = Плоть. Таков *индивид* как носитель неосознаваемых психических процессов, представлений, влечений. Говорят: «плотские импульсы», «голос плоти» etc. Все это – актуально нерефлектируемое чувственное.

Самость – Я per se

Я per se (неведомое «Мое») = Самость. Самость, согласно К. Юнгу, включает и сознание, и бессознательное: она есть центр суммативной целостности. Являясь центром притяжения процессов индивидуации, она сохраняет свою «незнаемость» (я бы сказал – «неохватность» сознанием). То же и «личностность», которую мы рассматриваем как погруженность Я индивидуума в круг бытия другого индивидуума: она всегда как бы выступает за края постигающего ее сознания.

Три ипостаси личности per se: Индивидуальность, Личностность, Потенция всеединства

Личность per se (потаенное «всеобщее в личном») = Индивидуальность, Личностность, Потенция всеединства. Рассматривая категорию «индивидуальность» и все, сказанное ранее о пространстве *Между Я и Ты*, мы пришли к мысли о том, что «индивидуальность» – это «*неотразимость* личности как субъекта» (непредставимость ее в виде целенаправленно действующего существа, контролирующего результаты своей активности, обладающего образом себя и стремящегося воспроизвести себя на основе этого образа). Мы говорили о том, что индивидуальность, представляя собой многообразие Я, не может быть приравнена также к познающему ее субъекту, поэтому – поскольку «подобное познается подобным» (Эмпедокл) – она непрозрачна для познающего, или, как говорят философы, «неинтеллегибельна».

Индивидуальность как часть личности, не узнавшая в себе Человека

Индивидуальность – это часть личности, не узнавшая в себе Человека, еще не раскрывшая его в себе. Так

не хочется жить... Вот и рождаются *версии*, легко принимаемые за истину (особенно искушенными в психологии людьми): «депрессия – это судьба (сценарная расплата)», «депрессия – это защита», «депрессия – это вытесненное чувство вины» и т.д. и т.п. Разумеется: и судьба, и защита, и чувство вины могут иметь отношение к депрессии, но видеть именно в них и всегда источник, смысловую основу, исходный пункт развития депрессии, поддаваться соблазну *психологизировать* причины возникновения депрессивных состояний – это значит запутывать себя изначально, что в конечном счете усиливает состояние внутреннего неблагополучия. По-видимому, все-таки эндогенная депрессия асемантична. Ее источник – тело, то есть часть объективной реальности, *не данная нам в ощущениях*, но, к несчастью, *производящая их.* Имеющий культурно-историческое происхождение «бред целевой интерпретации», навязчивое телеологическое прочтение наших бед (в том числе и телесно-внепсихологических источников неблагополучия) – на первой ступеньке рождения депрессии, далее усиливается от ступени к ступени динамики депрессивного состояния.

же и «личностность» – подчеркиваем мы – лишь возможность быть Человеком (я имею в виду достижение тождества «*Я в себе и для себя*» и «*Я в другом и для другого*»). Здесь также встречаемся мы с «неотразимостью» личности, с ее потаенностью (но, может быть, именно в этой неотразимости – ее интрига, шарм, тайна, побуждающие нас к осмыслению-уразумению?)

Нет никого на земле, кто знал бы доподлинно: что́ он есть для других

То же и «личностность». Нет никого на земле, кто знал бы доподлинно, *что́* он есть для других. Наше собственное бытие в другом и для другого лишь частично открывается нам в сознании. Личностность – она по ту сторону актуального опыта*. Она, как и индивидуальность, не есть еще Человек; для перехода требуется еще что-то!

И, наконец, пространство *Между*, которое на рисунке обозначено символом &. Русская философская мысль (В.С. Соловьев, С. Трубецкой, Е. Трубецкой, С. Булгаков, П. Флоренский, Л. Карсавин, С. Франк и др.) предлагает слово, позволяющее подступиться к этому *Между*. Слово это – *Всеединство*. Речь идет об идее, характеризующей «внутреннее органическое единство бытия как универсума в форме взаимопроникновения и раздельности составляющих его элементов, их тождественности друг другу и целому при сохранении их качественности и специфичности» [20]. Пространство *Между* – потенция всеединства, потенциальное всеединство, связывающее миры «Я» и многие «Ты». Там происходят тайные синтезы мыслей, волений, чувств разных людей, там затеваются «игры», рождаются близость, любовь, ненависть, взаимопонимание и взаимонепонимание людей. Потенциальное всеединство – это рационально нерефлектируемая сущность. «Что-то» всегда остается по ту сторону осознания (так и переживается – как оставшееся). И такова *третья* образующая *личности per se* – таинство «двудушия», шифр со-бытийности, сопричастности людей друг другу.

Индивидуальность, личностность, потенциальное всеединство – таковы ипостаси личности *как таковой*, в ее дорефлективном качестве невоплощенности во «всеобщее Я».

Присутствие «всеобщего Я» – интуиция общности с другими

Тем не менее мы обладаем *интуицией* общности с другими. Только она, интуиция, поднявшись над мыслью, способна объять собой многообразие Я, образующих

---

* Другое дело – «возвращенная субъектность», или то, что У. Джеймс называл «социальным Я». «Возвращенная субъектность» есть осознанный образ своего присутствия в другом (форма самосознания, свое *видимое* изображение в «зеркале» Другого).

личность, придать этой множественности форму переживания и уловить в нем присутствие «всеобщего Я». Философы всеединства говорят также о «мистическом озарении», которое обеспечивает восхождение к органическому единству бытия. В силу интуиции-озарения мы ощущаем, что мы с другими – Одно.

Именно в такие моменты каждый из нас – Человек (ибо разве не совершенное единство с другими – критерий «человеческого в человеке»?).

Параллельный ряд категорий

Итак, перед нами еще один ряд категорий, как бы параллельный только что рассмотренным (изобразим оба):

Организм → Индивид → Я→ Личность → Человек

....

Тело → Плоть → Самость → Индивидуальность и Личностность → Всего Только Человек

Заметим, что Человек в этом ряду тоже присутствует. Образуя вершинную категорию в верхнем ряду, он может быть охарактеризован также *per se* (как таковой). То есть в нижнем ряду как «Всего Только Человек», то есть как Человек, еще не растворенный в Духе (если использовать здесь гегелевскую и вместе с тем религиозную форму осмысления сущего)*.

Перейдем теперь к более краткому рассмотрению других категорий психосферы.

Направленность – предопределенность эскизами будущего

Кластер направленности. Синонимы: целеустремленность, подчиненность Цели. Включает в себя категории «Нужда» (нулевой уровень), «Потребность», «Мотив», «Ценность», «Идеал» (высший уровень). Главное, что характеризует этот ряд категорий, – идея *предопределенности* результатов активности образом (эскизом) возможного будущего: будущее как бы «записано» в настоящем. Категория «Нужда», характеризуя то, что насущно необходимо, не означает, что необходимое для существования организма изначально уже «записано» в нем; речь может идти лишь о том, в чем совершенно объ-

---

* При всей многозначности слова *Дух,* в *психологических* его трактовках есть, как нам кажется, общее смысловое ядро. Подразумевается особая форма существования (отраженности, воспроизводства) человека в универсуме, воплощающая в себе идею всеобщности, всеединства, тождества человека со всем человечеством (что не исключает различных способов конкретизации этой идеи в работах В. Франкла, А. Ленгле, Б.С. Братуся, В.М. Воейкова и С.Л. Воробьева, В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева, Д.С. Лихачева, В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова, В.Д. Шадрикова и др.

ективно нуждается организм. Иными словами, последний может «и не догадываться» о своих подлинных интересах (но они существуют – «записаны»), более того, он может никоим образом не обнаруживать их вовне. Что же касается «Потребности», то она как бы сама заявляет о себе активностью (потребность есть «зависимость как источник активности»). Далее – категория «Мотив». В отличие от потребности вообще, мотив есть не что иное, как субъективированная устремленность – феноменальная данность потребности. Продолжая подъем вверх по вертикали, мы застаем такую форму интенциональности, как «Ценность»; здесь перед нами признанный самим индивидом, ставший целью его собственных действий мотив. И, наконец, «Идеал» – осознанная личностью ценность, направляющая его деятельность, более того, предъявляемая в общении как образец для всех.

Активность – причинность причины

Кластер активности. Обобщает в себе такие категории, как «Витальность» (нулевой уровень), «Живое движение», «Действие», «Деятельность», «Свобода» (высший уровень). Общее определение активности мы формулируем в терминах И. Канта: активность есть *причинность причины.* Здесь сохраняется та же логика все более глубокого и существенного раскрытия родового определения бытия человека, что и в других случаях. Каждый шаг продвижения вверх внутри кластера раскрывает категорию активности все более полно.

Метаболизм

Первый уровень кластера активности – *Метаболизм.* Эта категория не кажется нам систематически разработанной. Очевидно, требуют своего логического соотнесения такие конструкты, принадлежащие данной категории, как «витальность», «уровень бодрствования», «поток активности», «рефлекторные акты» и т. д. То общее, что объединяет их все, – это включенность в воспроизводство телесности организма, возможности его физического бытия в мире.

Живое движение

Второй уровень кластера – *Живое движение.* Это форма существования (и трансценденции) витальности, обеспечивающая воспроизводство индивида как целого. «Живые движения, – отмечал В. П. Зинченко, – это нечто вроде субстанции души, как минимум посредник между душой и телом» [21].

Действие

Третий уровень – *Действие.* Это форма существования и развития живого движения, опосредствуемая *целью,* чувственным образом возможного как прообразом действительного. Действие может быть осмыслено как произвольная активность, основанная на использовании и преодолении избыточных степеней свободы,

присущих субъективным образам, а также – как порождение новых степеней свободы (в последнем случае мы говорим об «активной неадаптивности»). При этом индивид строит не только образ наличной и потребной среды, но также еще и образ себя в настоящем и будущем. Это инструментирует достижение цели и позволяет ставить перед собой «надситуативные» цели [22].

Деятельность

Четвертый уровень – *Деятельность*, то есть форма существования и развития действия; целеустремленная активность, единство целеполагания и целереализации (если считать целью предсуществующий результат активности, регулирующий ее течение независимо от того, сознается он или нет, будь то мотив, намерение, искомое и т.п., – любые варианты «модели потребного будущего»).

Осуществление деятельности обеспечивает возможности

Осуществление деятельности обеспечивает возможность и желательность воспроизводства образующих ее действий (и, напротив, «застопоревание» деятельности – источник отказа от действий, оказавшихся несостоятельными). Мы подчеркиваем этот, вполне очевидный, аспект взаимосвязи «деятельности» и «действий», чтобы еще раз обратить внимание читателей на логическую преемственность названных психологических категорий, механизм взаимоперехода категорий более высокого и менее высокого уровня в категориальном строе психологии. Нелишне подчеркнуть, что именно в ней, *деятельности*, основоположник психологической теории деятельности А.Н. Леонтьев, видел конституирующее условие порождения, функционирования и структурирования психического отражения реальности. С этой точки зрения деятельность есть динамика связи объективного и субъективного модусов бытия индивидуума, «место» взаимопереходов созерцания и созерцаемого, чувства и чувствуемого, мысли и мыслимого, желания и обладания, воления и воли (в значении «покой и воля»)*.

---

* «С точки зрения С.Л. Рубинштейна, психология должна изучать не деятельность субъекта как таковую, а "психику и только психику", правда, через раскрытие ее существенных объективных связей и опосредование, в том числе через исследование деятельности. А.Н. Леонтьев, напротив, считал, что деятельность неизбежно должна входить в предмет психологии, поскольку психика неотторжима от порождающих и опосредующих ее моментов деятельности, более того: она сама является формой предметной деятельности» [23]. На наш взгляд, противопоставление позиций отчасти снимается, если принять во внимание, что психика как таковая есть «третье» состояние реальности, заключающее в себе переходы субъективного в объективное и объективного в субъективное [24]: психология изучает психику и только психику как

Самополагание

Пятый, высший уровень кластера – *Самополагание.* Это форма существования и развития деятельности, позволяющая индивидууму испытывать и воплощать свою самость как часть всеобщего Я, таким образом продолжая себя за пределами своего индивидуального бытия (единство индивидуации и персонализации).

«Форма вещи, но вне вещи»

Кластер когнитивности. Синонимы: идеальность, запечатленность, презентация и репрезентация и т.д. Данный кластер заключает в себе категории «Раздражимость» (нулевой уровень), «Сигнал», «Образ», «Сознание», «Разум» (высший уровень). Общим для всех этих категорий является то, что они обозначают факт представленности чего-либо в чем-либо («как форма вещи, но вне вещи»)*. Прослеживая путь восхождения от «Раздражимости» к «Разуму», мы видим, как все более приоткрывается мир человеку, как освобождается картина мира от гнета сиюминутных нужд, диктата потребностей, пристрастности мотивов, «наводки» ценностей человека. Относительно более простая способность организма отзываться на биологически значимое воздействие (уровень раздражимости) перерастает в значительно более сложную и загадочную «раздражимость» особи к абиотическим воздействиям (сигнальная функция); далее она превращается в способность субъекта к построению целостных образов; затем приходит к способности личности осознавать мир. И наконец, восходит на ступень миропостижения, на которой человеку открываются принципиально разные, принципиально незавершимые в своей распахнутости или потаенности миры. Перед нами ступени продвижения к истине («ясному и отчетливому», «подлинному», «аутентичному», «всеобщему» или, наоборот, «уникальному» знанию).

Пристрастность: отношение к объекту как условию реализации активности

Кластер пристрастности. Все категории выражают идею необходимости объекта как условия реализации активности определенной направленности. Термин «пристрастность» может рассматриваться как возмож-

---

совершающиеся в деятельности и посредством деятельности описанные переходы; но это противопоставление снимается лишь отчасти, так как невидимое «третье» не обязательно ограничено представленностью в деятельности, оно может иметь и другой источник и «среду обитания».

* «Идеальное есть... не что иное как форма вещи, но не вне вещи, а именно в человеке, в форме его активной деятельности существующая... В природе самой по себе, в том числе и в природе человека как биологического существа, идеального нет... Так, форма кувшина, возникающего под руками гончара, не заключалась заранее ни в куске глины, ни в прирожденной анатомо-физиологической организации тела индивидуума, действующего в качестве гончара» [25, с. 267].

ное обозначение для родовой категории, объединяющей в себе «Избирательность» (нулевой уровень), «Аффективность», «Переживание», «Чувство» и «Смысл» (высший уровень). Если «Избирательность» может быть описана извне как специфическая откликаемость организма на определенные элементы окружения, то «Смысл» субъективен: он заключает в себе вполне осознанное личностью самоценное чувство, которое не только выражает, но и превосходит частные интересы деятельности и общения. Таковы лишь полярные категории, репрезентирующие атрибут пристрастности. Специальный анализ может показать, как при подъеме вверх по «меридиану» все плотнее и нерасторжимее связываются в пристрастности многообразные проявления бытия человека. По сути, речь идет об углублении процессов субъективации при восхождении к бытийным смыслам.

Со-бытийность – сопричастность сущих

Кластер со-бытийности. Синонимы: социальность, общность, сопричастность. Объединяет в себе категории, выражающие идею сосуществования, нераздельности, сопричастности сущих. Включает в себя категории «Синергия» (нулевой уровень), «Сосуществование», «Интеракция», «Общение», «Соучаствование» (высший уровень). Восхождение по ступеням данного ряда – это переходы от идеи функциональной связанности, нерасторжимости двух частей организма или двух существ к идее автономии и в то же время отраженности бытия их друг в друге.

Событийность на ступени «Сосуществование» характеризуется тем, что особи принимают друг друга в расчет только в той мере, в какой их присутствие может нарушить естественные проявления их собственной жизнедеятельности (это существование «рядом», но не «вместе»). Событийность на ступени «Интеракция» означает взаимную поддержку, то есть реализацию хотя бы одним из субъектов инструментальной функции по отношению к другому (предоставление информации, присоединение собственных усилий, в том числе и физических). Общность на ступени «Общение» – это, собственно, «производство общего» (В.А. Петровский). Подобное «производство» может и не иметь своей подлинной целью достижение отраженности, «присутствия» человека в человеке. Но если признать правоту М. Хайдеггера в том, что «человек есть присутствие», то надо будет признать также и то, что «человеческое в человеке» достижимо лишь на высшей ступени событийности, знаменуемой соучаствованием людей (этот термин широко использовал А.Н. Радищев).

Действительность – «мир человека»

Кластер действительности. Этот кластер объединя-

ет в себе категории, характеризующие область бытия индивидуума, «мир человека». Включает в себя категории «Среда», «Предметность», «Ситуация», «Персоносфера», «Эйкумена». По мере продвижения вверх по вертикали категории, как и в других кластерах, переходя от сущности к явлениям (и к явлениям как сущности), все шире раскрывают область бытия сущего на каждом из его уровней.

Среда

«Среда» – это область физико-химических предпосылок и результатов функционирования организма.

Предметность

«Предметность» – центральная для развертки общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, характеризует среду существования организма как источник удовлетворения его нужд («опредмечивания» потребностей, становления избирательных сигнальных отношений с биологически значимыми агентами окружения, в том числе и себе подобными).

Ситуация

«Ситуация» – включает такие понятия, как «проблемная ситуация», «проблема» (согласно Л.С. Выготскому, познавательная, экзистенциальная и тому подобная социальная ситуация развития). Говоря о ситуации, мы подчеркиваем, что субъект действует, разрешая ее, «поднимаясь над ней».

Персоносфера

«Персоносфера» – следующая категория (А.В. Петровский). В настоящее время персоносфера выступает в качестве гипотетической конструкции, предполагающей глобальную систему взаимопересечений персонализаций населяющих земной шар людей [26]. Категория персоносферы не ограничивает универсум человеческого бытия областью межсубъектных контактов. Персоносфера не означает только лишь общения vis-a-vis, хотя и вбирает его в себя. Персоносфера – это невидимая сеть актуальных и потенциальных предметных соединений и контактов, объединяющих всех людей в единое человечество, преодолевающая государственные, религиозные, этнические и иные границы. Множество реальных и возможных пересечений персонализаций и взаимовлияния людей друг на друга (в том числе людей, живущих вдали друг от друга и в разные эпохи истории) образует единое пространство персоносферы.

Высшая категория кластера – «Эйкумена»

Завершающая и высшая категория кластера – «Эйкумена». Слово «эйкумена» («ойкумена») происходит от греческого oikumene, что означало, с точки зрения древних греков, все то, что заселено человеком*. Категория «Эйку-

* Данная категория постепенно обживается психологами. Ближе всего к ней подступает категория «Жизненный мир» в интерпретации Ф.В. Василюка.

мена» шире категории «жизненный мир» (Ф.Е. Василюк), так как охватывает и связывает воедино пространство жизни многих субъектов, множество жизненных миров. Эйкумена шире также и области взаимодействия людей в условиях совместной деятельности. Эйкумена – то же, что и «Мир» в понимании С.Л. Рубинштейна.

Множество миров

Перед нами «множество миров» (А.Г. Асмолов), единство качественно своеобразных, но сквозь пространства и времена соприкасающихся друг с другом жизненных пространств индивидуумов. Эйкумена, таким образом, есть не только многомерная, но и многомирная целостность. Персоносфера, являясь её сущностью, обнаруживает себя в пространстве Эйкумены (в античные времена сжатой до размеров Средиземноморья и ближайших к нему территорий, а в настоящее время охватывающей весь земной шар). Ныне проявление персоносферы в пределах мирового обжитого пространства предельно усиливается за счет средств массовой информации, прежде всего технической «Всемирной паутины» Интернета, сквозь которую прорастает психологическая всемирная сеть – персоносфера (А.В. Петровский).

Итак, выше сделана попытка дать обобщенную характеристику кластеров и плеяд, с помощью которых оказывается возможным описание структуры и содержания психосферы.

Каждая категория теоретической психологии является родовой по отношению к определенному кругу психологических понятий. Так, например, категория «Образ» может быть конкретизирована в таких понятиях, как «Восприятие», «Представление», «Воображение», «Память».

Поднимаемся «вверх» по кластеру категорий: восхождение от абстрактного к конкретному

Переход между категориями по вертикали вверх мыслится согласно схеме восхождения от абстрактного к конкретному*. Так например, протопсихологический ряд в известной степени отвечает идее преформизма: в нем в свернутом виде содержится все богатство, обнаруживающее себя на более высоком категориальном уровне. При этом определяющую роль играет та категория, которая находится непосредственно ниже по вертикали. Она носит характер примата по отношению к категории, находящейся выше, имеющей, соответственно,

* В нашей совместной работе А.В. Петровский особо подчеркивал, что категории каждой из вертикалей таблицы в своей эмпирической реализации детерминированы как снизу, так и сверху. Таким образом, в категориальной системе мы имеем дело со встречной детерминацией социокультурного и биологического факторов. Каждая категория – это «место встречи» детерминант.

характер деривата. Оформляющие категории выступают в качестве условий «проращивания» возможностей, присущих категориальному ядру. Так, категория «Ценность» является прямым развитием категории «Мотив», получая свое оформление через категории «Переживание», «Интеракция», «Действие» и др.

Взаимодействия между категориями

Характеризуя взаимоотношения между категориями, которые входят в плеяду, расположенную ниже в матрице, и категориями плеяды последующего, более высокого уровня, мы видим: первые являются определяющими для вторых. Мы убеждаемся в том, что посредством «ядерных» и «оформляющих» категорий удается ввести в психологию новые категории, дать им начальные, «стартовые» определения.

Конкретизация (развитие) категорий становится возможной благодаря соприкосновению с другими категориями вбирающего их кластера. Взаимоотношения между категориями внутри плеяды можно сравнить со взаимоотношениями лейбницианских монад: каждая отражает каждую, сообщая ей дополнительные определения (рис. 5).

Предложенная категориальная система теоретической психологии заключает в себе искомую модель «теории теорий» – один из инструментов овладения психологией своим собственным предметом.

Категориальная система в зеркале оценок коллег

Категориальная система психологии с момента ее опубликования неоднократно обсуждалась [27]. Нам памятны высказывания Б.М. Бим-Бада, В.В. Брофман, Н.Е. Верак-

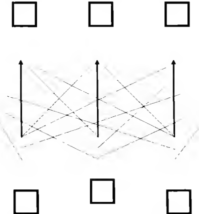

Рис. 5. Модель «теории теорий»

сы, М.Ю. Кондратьева, А.А. Леонтьева, В.И. Слободчикова и других коллег. Поступили, как говорят на защитах, «письменные отзывы» (как позитивные, так и критические).

«Без ритуальных причитаний по поводу деятельности и т.п.»

В одной из своих острополемических работ Б.М. Величковский писал (стилистически явно выходя за пределы роджерианской «безоценочности»): «Из отдельных публикаций* мне больше всего понравилась блестящая теоретическая статья А.В. и В.А. Петровских (№ 5), спокойно и строго научно, т.е. без ритуальных причитаний по поводу деятельности или, скажем, общения, построивших матрицу основных психологических категорий, где нашлось место и деятельности, и общению, и еще примерно трем десяткам не менее важных понятий. Надо сказать, что данный подход отвечает духу современных мировых исследований в большей степени, чем также представленные в русской психологической литературе попытки выявления некоторой универсальной концептуальной единицы, клеточки "всего"» [28, с. 152].

Мы благодарны Борису Митрофановичу Величковскому за эту оценку (здесь я твердо говорю «мы», так как Артур Владимирович знал о ней). Для нас была важна также и критика предложенной категориальной таблицы.

Конструктивное непонимание…

Конструктивное *не*понимание коллег помогает отчетливее прорисовать (я бы сказал, оконтурить) особенности обустройства категориального строя психологии, которые не сразу бросаются в глаза. Отвечу на важный критический отзыв. В.А. Мазилов в своей интересной и содержательной статье пишет, что в последние годы А.В. Петровским, М.Г. Ярошевским и В.А. Петровским предпринята попытка упорядочения категориального аппарата психологической науки в рамках конституирования новой психологической дисциплины – теоретической психологии. «Не вдаваясь в анализ этой интересной попытки конституировать новую отрасль психологии, заметим, что в перечне категорий психологии не находится места для понятия "психика". Это представляется неслучайным, так как понимание психологии, развиваемое авторами, предполагает детерминизм и, как следствие, сведение в конечном счете психического к непсихическому. Не могу не отметить, что такая трактовка вызывает некоторую смутную тревогу. Ведь оказывается, что научная психология утрачивает свою специфику. А если предмет психологии не имеет своей психологической специфики (не является центральным психологическим понятием, кон-

* Речь шла о статьях, опубликованных в журнале «Вопросы психологии» за 2000 год.

ституирующим эту науку), то психология обречена на редукцию: никакой системный подход не сможет избавить ее от этой участи. Еще раз напомним, что Шпрангер в начале уходящего века предупреждал, что психическое следует объяснять через психическое. И для этого есть некоторые основания. Представляется, предмет психологии следует полагать таким образом, чтобы была возможность "разрабатывать психологию", не сводя ее к "вещам" более элементарным (в особенности к собственно вещам)» [29, с. 225]. Наша общая с А. В. Петровским позиция в этом вопросе состоит в том, что психика не могла быть включена в категориальный строй психологии как одна из ее категорий.

Психика не является категорией-клеточкой в таблице психологических категорий

Она, по-видимому, не является «клеточкой» психологии и тем более не может быть размещена в клеточке таблицы, – писал, выражая нашу общую позицию, А. В. Петровский. И уж точно психика не рассматривается авторами «категориального строя» как детерминированная исключительно снизу, со стороны «вещей». «Для философии, которая знает объединение и синтез субъекта и объекта, объект никогда не будет чистым механизмом. Он всегда будет заключать в себе черты субъекта, сознания, души, цели; и "механизм" будет хотя и вполне реальной, но в то же время только вполне подчиненной категорией, не единственной и не абсолютной», – писал А. Ф. Лосев [30, с. 100]. Именно об этом сформулированный в наших работах принцип «сущность как явление и явление как сущность» [3]. В «Трудах Ярославского методологического семинара» [24, с. 241], одним из редакторов которых был В. А. Мазилов, В. А. Петровским была сделана попытка раскрыть понятие психики как *нередуцируемой* реальности, занимающей особое место в онтологической картине мира.

Психика – «нечто третье»

«*Психика* – система процессов и состояний взаимоперехода объективных и субъективных атрибутов бытия индивидов (шире – живых существ)» [24]. Определяя психику как нечто третье по отношению к субъективному и объективному, подчеркиваем: психика не имеет формы предмета, она реализует каузальные (диахронические) и акаузальные (синхронические) связи субъективного и объективного*. *Психика*, очевидно, может рассматриваться как *условие* построения категориальной таблицы, но отнюдь не в качестве контента одного из ее блоков.

---

* Нет ничего более близкого к описанию этого «третьего», чем *бытие* у греков, о котором М.К. Мамардашвили повествует нам

1. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. – СПб, 2000.

2. *Петровский А.В., Ярошевский М. Г.* Теоретическая психология. – М., 2001.

3. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Категориальная система психологии // Вопросы психологии. – 2000. – № 5. – С. 44–53.

4. *Петровский В.А.* «Я» в персонологической перспективе. – М., 2013.

5. *Петровский В.А.* Категориальный строй психологии: 10 лет спустя.

6. *Петровский В.А.* Проблемы психологии личности в трудах Л.С. Выготского // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология: тезисы докладов Всесоюзной конференции. – М., 1981. – С. 122–125.

7. *Петровский В.А.* К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. – 1981. – № 2. – С. 40–46.

8. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Предпосылки теории личности в трудах Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1982. – № 4. – С. 14–20.

9. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопросы философии. – 1982. – № 3. – С. 44–53.

10. *Петровский В.А.* Принцип ведущей деятельности и проблема личностно-образующих видов деятельности при переходе от детства к взрослости // Психологические условия и механизмы воспитания

в «Лекциях по античной философии» так: «Бытие – это то, что полно, замкнуто со всех сторон, чего никогда не было и не будет, потому что всегда есть, и никогда не было и не будет такого момента ни в прошлом, ни в будущем, когда мы могли бы сказать о бытии, что его нет. Оно все есть в настоящем, все целиком, и, обходя его, мы всегда на месте, то есть неподвижны. Бытие неделимо, полно, неподвижно и охватывает все» [31, с. 39]. Бытие (осмелимся продолжить сказанное) – это не внешнее и не внутреннее; не субъективное и не субъективное, не «реальное» и не «идеальное»; не явь и не сон; не фигура, но и не фон. Оно является *всем* этим, не зная раскола. Оно, если говорить о нем на языке психологии, – «амодально» (А.Н. Леонтьев). Скажем еще так: бытие есть *пред*переживание. Оно – потаенное, абсолютно бессознательное (верно и обратное: «абсолютно бессознательное» есть бытие). Оно – всегда на виду и никогда как таковое невидимо. В терминах Гегеля, бытие есть «абсолютно непосредственное» и «абсолютно опосредованное». Позволим себе парадоксальную формулировку: бытие есть абсолютно непосредственное *как* абсолютно опосредованное. Необходимо «прорваться» к бытию, которое всегда перед нами, всегда опережает нас.

подростков / Под ред. Д. И. Фельдштейна. – М., 1983. – С. 20–33.

11. *Петровский В.А.* К построению модели развития личности в переходном возрасте // Проблемы мотивации общественно полезной деятельности школьников / Под ред. Д. И. Фельдштейна. – М., 1984. – С. 36–41.

12. *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 17–30.

13. *Петровский А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив. – М., 1982.

14. *Петровский В.А.* Психология неадаптивной активности. – М., 1992.

15. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. – М., 2010.

16. *Ильенков Э.* Что же такое личность. // С чего начинается личность? – М., 1979. – С. 183–237.

17. *Петровский В.А.* Эмоциональная идентификация в группе и способ ее выявления // К вопросу о диагностике личности в группе. – М.,1973. – С. 69–73.

18. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. – М., 2010.

19. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – М., 1973.

20. *Миненков Г.Я.* Всеединство // История философии. Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов. – Минск, 2002.

21. Интервью с В.П. Зинченко (К 75-летию В.П. Зинченко) // Вопросы психологии. – 2006. – № 4. – С. 172–178.

22. *Петровский В.А.* Психология неадаптивной активности. – М., 1992.

23. *Зинченко В.П.* Деятельностный подход в психологии // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб., 2003. – С. 133–135.

24. *Петровский В.А.* Психология: «непредметность предмета» // Труды Ярославского методологического семинара «Предмет психологии». – Ярославль, 2004. – С. 240–246.

25. *Ильенков Э.* Идеальное / Философская энциклопедия. – Т. 2. – М., 1962. – С. 265–284.

26. *Петровский А.В.* Персоносфера // Общая психология. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь / Под ред. А.В. Петровского. – М., 2005.

27. *Петровский В.А., Щур В.Г.* «Круглый стол» на тему «Психология в зеркале саморефлексии» // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 145–146.

28. *Величковский Б.М.* Открытое письмо в редакцию // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 152–155.

29. *Мазилов В.А.* Стены и мосты: методология психологической науки. – Ярославль, 2004.

30. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. – М., 2002.

31. *Мамардашвили М.* Лекции по античной философии. – М.,1997.

Вадим Петровский

ОТ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ОПОСРЕДОВАНИЯ К ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ

Аннотация. *Теория деятельностного опосредования межличностных отношений А.В. Петровского получает свое продолжение в разработке концепции деятельного присутствия человека в человеке – мультисубъектной модели личности. В данной статье рассматривается вариант преломления этой концептуальной модели для интерпретации и прогнозирования действий человека в условиях потенциального успеха-неуспеха. Вводится авторское понятие состоятельности как единства «могу и хочу» в конкретных жизненных обстоятельствах и понятие оптимума состоятельности. Формулируется положение о том, что в ряде ситуаций достижение оптимума состоятельности подразумевает построение цепочки межсубъектных отношений, реализация которых обеспечивает согласование интенций личности и ее благополучия в результате предпринимаемых действий. Проверяется и находит свое подтверждение гипотеза о том, что в условиях выбора «задачи по вкусу» (надситуативных задач, ценность которых для личности состоит в испытании собственных возможностей) деятельное присутствие нескольких субъектов и различные композиции взаимодействия между ними обеспечивают достижение оптимума состоятельности.*

Ключевые слова: *деятельностное опосредование; деятельное присутствие; субъектные сборки; состоятельность; оптимум состоятельности; саморегуляция; задача по вкусу.*

Abstract. *A.V. Petrovsky's theory of activity-mediated interpersonal relations is continued in multi-subject model of personality viz in conception of active presence of a man in a man. Variant of the model's perspective for interpretation and prognosis of man's actions in the conditions of potential success – failure is considered in the article. Author's notions "consistency" as unity of "can" and "want" in a certain life circumstances and "optimum of consistency" are defined. The proposition that under a number of circumstances achieving of an optimum of consistency implies construction of a chain of inter-subjects relations and its realization provides agreement between person's intentions and his wellbeing in the result of undertaken actions is formulated. Hypothesis that in conditions of a choice of a task "to one's mind" (above- situational tasks, valuability of which for a person consists in testing of his own abilities) active presence of a number of subjects and different compositions of interaction between them ensured the achievement of an optimum of consistency is tested and confirmed.*

Keywords: *activity-mediation; active presence; subject's assembly; consistency; optimum of consistency; self-regulation; task to one's mind.*

Конструкт «деятельное присутствие» – его собственное присутствие подразумевалось

А. В. Петровский не вводил *термина* «деятельное присутствие» человека в человеке. Не было теории с таким названием. Но в последние годы его жизни мы вместе с Артуром Владимировичем разрабатывали концепцию, в которой присутствие самого *конструкта* «деятельное присутствие» подразумевалось. Так, говоря о потребности и способности персонализироваться (обретать свою «личностность») в других людях, то есть продолжаться в других, внося свои «вклады» в их жизнь, мы, по сути, имели в виду потребность и способность человека обретать деятельное присутствие в людях. Ведь «быть персонализированным» – это значит не только восприниматься другими или длить себя в воспоминаниях другого человека. Это не просто бытие в форме образа; это – «работа», производимая в жизнедеятельности другого, субъектность отраженного другого, способность опосредовать его отношение к миру в качестве идеального «деятеля». В своих первых публикациях об этом я часто цитировал Л. Н. Толстого: «Описать человека нельзя. Можно сказать только, как он на меня подействовал». Или еще: «Его отношение к миру проясняет мне мое отношение к миру».

Значение деятельностного присутствия

Поделюсь с читателем глубоко личным ощущением. Когда в декабре 2006 года Артур Владимирович Петровский ушел из жизни, или, как я неизменно подчеркиваю, «перешел» в иное состояние жизни, то есть «перешел» в меня и всех тех, кто любил его, – именно тогда я ощутил, что *вместе с ним* мы произносим важное словосочетание – «деятельное присутствие» и вслед – «*теория деятельного присутствия*» (я писал об этом в статье «Многовершинность личности», посвященной творческому пути отца). Я бы сказал сейчас, что теория *интер*индивидных отношений А. В. Петровского погрузила предмет своих забот в *интра*индивидное пространство жизни личности, *как если бы* одна теория (деятельностного опосредования) отчасти воплотилась в другой (теории деятельного присутствия).

Деятельное присутствие «другого» во мне как условие достижение оптимума состоятельности

Сквозь призму других людей

В силу каких причин мы считаем необходимым ввести этот новый конструкт – «деятельное присутствие»? Одна из причин – возможность объяснить странное на первый взгляд явление: человек – и в этом

проблема! – вполне удовлетворен условиями своей жизни (доволен собой, переживает благополучие, не сомневается в оправданности своих усилий и состоятельности устремлений), в то время как обстоятельства его жизни, казалось бы, отнюдь не располагают его к этому. В чем причина? Я вижу возможный ответ в том, что человек воспринимает жизнь сквозь призму отношений с другими людьми, как бы населяющими его внутренний мир.

Композиция субъектов обеспечивает оптимум

Иными словами, многообразные «Я», образующие личность, *опосредуют* активность друг друга: каждое значимо для других и вместе с тем самоценно. Именно сочетание, сложная композиция устремлений и ресурсов, свойственных внутренним субъектам, обеспечивают достижение оптимума состоятельности.

Переход от теории деятельностного опосредования к теории деятельного присутствия требует, как видим, определения и соотнесения нескольких новых конструктов, начиная с «состоятельности» и «условий оптимума состоятельности» и завершая «субъектными композициями» и «мультисубъектным контуром саморегуляции».

1. Состоятельность

Рассмотрим вначале, что будет означать для нас «состоятельность». Необходимость введения этого конструкта вызвана тем, что в психологии, к сожалению, отсутствуют термин и представления, сводящие вместе два понятия: ресурсы и устремления (способности и побуждения). Ближе всего к искомому единству термин «потенция», но в русском языке он используется в более узком понимании, чем следовало бы*.

Единство «могу» и «хочу»

Состоятельность может быть описана с разных сторон: способность испытывать счастье; чувство успешности и благоденствия; радость бытия; удовлетворенность собой и устремленность к новым успехам; наслаждение тем, к чему стремишься, и равным образом стремление к тому, чем наслаждаешься; благополучие и благорасположение; посильность пути и усилий его пройти. Обобщенно «состоятельность» – это единство «могу» и «хочу», средоточие возможностей, побуждающих активность, состояние деятельного благополучия.

Формула состоятельности

Вводим специальный символ для обозначения «состоятельности» – w (от англ. *well-being* – благополучие).

* Это нерусское слово в русском языке имеет, увы, несколько иную коннотацию.

Пусть x – устремления (влечения, желания, притязания, воля и т.п.); $1 - x$ – имеющиеся внутренние ресурсы; y – ресурсы, поступающие извне; выражение $w = 1 - x + x \cdot y$ характеризует состоятельность с количественной стороны [как сумму того, что у человека уже есть $(1 - x)$, и того, что он приобретает, присваивая внешний ресурс, $x \cdot y$)]. Число 1 в этих построениях означает максимум из того, на что можно расчитывать, и в то же время это полный объем потенциальных возможностей субъекта, побуждающих его активность. Необходимо пояснить: если я стремлюсь получить x, то это значит, что я намерен восполнить нехватку внутренних ресурсов до целого, а следовательно, сейчас располагаю внутренним ресурсом $1 - x$. Кроме того, мы исходим из допущения, что ресурс, предоставляемый внешней средой, мною используется не полностью, а лишь настолько, насколько я нуждаюсь в этом, а именно на уровне $x \cdot y$. При описании состоятельности мы прибегаем также к удобной записи:

$$w = x \leftarrowtail y.$$

Поясним, что означает стрелочка $\leftarrowtail$. Она символизирует опору («Я хочу» опирается на «Я могу»). Это знак, аналогичный оператору материальной импликации (сейчас шестиклассники школы знакомятся с этим оператором математической логики). Материальную импликацию принято описывать в терминах «если..., то...» (что верно лишь приблизительно, на что указывают сами логики). Но в контексте наших рассуждений мы придаем этому оператору совершенно другой смысл, говоря, что устремления агента активности опираются на имеющиеся у него внутренние и внешние ресурсы.

Четыре критерия оптимума состоятельности

В одной из работ мы сформулировали четыре критерия достижения *оптимума состоятельности*. Опуская некоторые математические аспекты определения (но не все!), опишем эти критерии-принципы (в основном с качественной стороны):

«Окупай вклады!» Это означает: «оправдывай усилия достижениями, действуй безубыточно». С количественной стороны имеется в виду нестрогое неравенство между *усилиями* и *аккумулированными возможностями* (состоятельностью как результатом усилий): $x \leq w$.

«Наращивай новизну!» Имеется в виду контролируемое увеличение относительного прироста произведенных ресурсов. «Относительный прирост» здесь озна-

чает то же, что и *интенсивность отдачи*. Реализуя принцип «Наращивай новизну!», человек активно развивает то, чем обладает, аккумулируя то, что производит впервые. «Интенсивность отдачи» мы определяем как отношение произведенных возможностей (новоприобретенный ресурс) к возможностям, образующим запас (резервный ресурс). С количественной стороны показателем интенсивности отдачи является величина $x \cdot y / (1 - x)$ (при $x < 1$). О ком-то из нас скажут: «Он (она) поражает своим энтузиазмом!» ($x \approx 1$; $1 - x \approx 0$), то есть человек одержим желанием совершить что-то, ничего не оставляет себе, «работает на износ». Он – подвижник, что означает: у него запредельная интенсивность отдачи. О другом человеке услышим: «вялый», «подвержен апатии» и т.п. ($x \approx 0$; $1 - x \approx 1$), то есть этот человек ни к чему не стремится, «не тратит себя»; интенсивность его отдачи «на нуле».

«Экономь!» Это означает «будь бережным в отношении внешних ресурсов», «рассчитывай только на то, что не больше и не меньше необходимого для обретения состоятельности, отвечающей усилиям».

«*Не скупись на усилия!*». Имеется в виду контролируемое увеличение усилий, вкладываемых в достижение. Контроль заключается в том, чтобы на фоне максимизации усилий не нарушались принципы *«Окупай!» и «Созидай!»**.

Точки оптимума

Если в тех или иных условиях осуществляются (хотя бы частично или в полном объеме) принципы «Окупай!», «Созидай!», «Экономь!», «Не скупись на усилия!», мы говорим, что человек достигает *оптимума* (а когда выполняются все они – *абсолютного оптимума*) своей состоятельности. Сочетание запросов и ресурсов, в которых это происходит, называем *условиями (или точками) оптимума*

Мультисубъектное пространство жизни

Проблема состоит в том, что отнюдь не всегда человек, вступающий в непосредственный контакт со средой, имеет возможность достичь оптимума состоятельности. Именно в таких жизненных ситуациях рождаются спасительные композиции субъектов (разных «*Я*»), образующих внутреннее мультисубъектное пространство личности и в координации друг с другом способных обеспечить достижение оптимума.

* Два последних принципа (*«Экономь!»* и *«Не скупись на усилия!»*) можно объединить под общим названием *«Трать с умом!»*.

Субъектные сборки

Но эти внутренние композиции производны от композиций внешних, то есть образуемых реальными индивидуумами, вступающими в общения. Такие композиции мы называем *субъектными сборками*.

2. Субъектные сборки

Единоличник, или «сам себе господин»

Единоличник: «Всё зависит только от меня!». Оптимум самоотдачи. В наиболее простом случае, хотя и редко встречающемся, человеку для обретения состоятельности не нужны другие. Это значит: я ни с кем не вступаю в деловые отношения; я сам себе голова; я хозяин положения; я добиваюсь своей цели *сам*; я опираюсь на свои внутренние возможности и действую с полной самоотдачей; я решаю задачу.

Будем называть такого человека «сам себе господин», «единоличник». Здесь мне нужен, прежде всего, я сам; я буду опираться на свои скрытые возможности, я буду делать их явными; я стану, как сказал бы, возможно, А. Маслоу, «самоактуализироваться». Я действую с полной самоотдачей. Изобразим сказанное:

$$\underline{\text{Единоличник}} \leftrightarrows \text{Среда.}$$

Математическая модель, которая может описать условия оптимума достижения состоятельности, подсказывает, с какой силой я должен в этом случае стремиться действовать и какова доля возможностей, предоставляемых мне средой. Если мы хотим, чтобы достижения единоличника соответствовали его желаниям, то на формальном языке это значит

$$w = x \leftrightarrows y = 1 - x + x \cdot y = x.$$

Решая уравнение, мы получаем: $x = 0{,}62$; $y = 0{,}38$, $w = 0{,}62$. Легко узнается в этих числах «золотое сечение» ($0{,}62^2 = 0{,}38$; $0{,}62 + 0{,}38 = 1$). В этом случае $\underline{0{,}62} \leftrightarrows 0{,}38 = \underline{0{,}62}$, то есть «Я хочу», опираясь на «Я могу», превращается в «Я достигаю» (а оно, в свою очередь, равно «Я хочу»)*.

Но как быть, если имеющиеся внутренние и внешние ресурсы не позволяют мне достичь оптимума состоятельности? В этом случае я могу обратиться за помощью

---

* Мы подчеркиваем сопоставляемые между собой элементы формул, содержащих в себе знак $\leftrightarrows$, например *Я хочу* $\leftrightarrows$ Я могу = *Я достигаю* (подчеркивание означает сопоставление *Я хочу* и *Я достигаю*).

к другому субъекту. В социальном плане речь идет о внешнем партнере. Но, обращаясь к индивидуальности как таковой, мы могли бы поставить вопрос о внутреннем партнере, живущем в сознании человека, – к феномену *присутствия* человека в человеке, отраженной субъектности другого во мне в качестве моего помощника в решении проблемы. И если мы попробуем распространить идею совместной деятельности, «живущей» в теории А.В. Петровского, на взаимодействия между субъектами, живущими в самой индивидуальности человека, то можно будет поближе познакомиться с субъектом устремлений в разных его ипостасях: это не только *единоличник*, но и *хозяин*, *лидер*, *шеф*, *партнер* (разные стороны моего эго!).

Руководитель с Коллегами

Руководитель – Коллеги: оптимум достижения успеха. Рассмотрим еще один тип ситуаций, в которых протагонист выступает от имени двух субъектов: себя самого как носителя первичного запроса x и другого субъекта. Назовем его *Коллегой/Коллегами (сотрудники, члены команды, на которую опирается и о которой заботится Руководитель*). Подразумевается, что *Коллеги* поставляют *Руководителю* новый ресурс (информация, ценности, смыслы). Теперь у протагониста новый запрос, сохраняющий свою преемственность по отношению к исходному, но в то же время зависящий от величины ресурса, поставляемого *Коллегами*. Структурное место *сотрудника* в системе активности протагониста показано ниже:

$$(\underline{\text{Руководитель} \hookleftarrow \text{Коллеги}}) \hookleftarrow \text{Среда}.$$

В отличие от *Советника*, который позволяет *Лидеру* реализовать свои интересы, меняя уровень переживаемого устремления к объекту, *Коллеги* формируют у шефа новый запрос. Величина запроса здесь равна $x \hookleftarrow x'$. Причем запрос этот должен быть адекватен возможностям его реализации:

$w = \underline{(x \hookleftarrow x')} \hookleftarrow y = \underline{x} \hookleftarrow \underline{x'}$ (а не x, как в случае *Советника*). Формула подсчета уровня ресурса со стороны *Коллег*:

$$x' = 1 + (y - 1) / x \cdot (2 - y).$$

В нашем прежнем примере должно выполняться $(\underline{0,7} \hookleftarrow \underline{x'}) \hookleftarrow 0,2 = \underline{0,7} \hookleftarrow \underline{x'}$. В этом случае ресурс, предъявляемый *Коллегами*, равен $1+(0,2-1)/0,7 \cdot (2-0,2) \approx 0,37$. Проверим: $(0,7 \hookleftarrow 0,37) \hookleftarrow 0,2 \approx \underline{0,559} \hookleftarrow 0,2 \approx \underline{0,553}$ (погрешность в шесть тысячных обусловлена выбранным уровнем точности измерения).

Лидер и его Советник

Лидер – Советник. Взаимоотношения *протагониста-Лидера с Советником и через него с окружающим миром* могут быть описаны следующим образом (подчеркиванием мы указываем, чья потребность должна быть воплощена в адекватном ей уровне состоятельности):

$$(\underline{\text{Лидер}} \leftrightarrows \text{Советник}) \leftrightarrows \text{Среда}.$$

В численном выражении, благодаря активности *Советника*, оптимуму соответствует такая ситуация: $w = (\underline{x} \leftrightarrows x') \leftrightarrows y = x$.

Советник – это субъект, поставляющий протагонисту ресурс x', необходимый тому для достижения оптимума удовлетворенности. В некотором смысле *Советник* – это играющий тренер *Лидера.* Он *моделирует* перспективу *возможного* удовлетворения его исходного запроса x. Хотя речь идет только о возможности удовлетворения, эта фантазия оправдана тем, что в конечном счете человек переживает соответствие между своим исходным запросом и состоятельностью. Легко подсчитать, каким должен быть ресурс x', предоставляемый протагонисту, чтобы сложилась ситуация оптимума удовлетворенности: $x' = y \cdot (1 - x)/x \cdot (1 - y)$.

Пример. Будем считать, что запрос протагониста: ***0,7***, а внешний ресурс: ***0,2***. Соответственно, состоятельность: $\underline{0{,}7} \leftrightarrows 0{,}2 = 0{,}3 + 0{,}14 = \underline{0{,}44}$ (что меньше исходного запроса 0,7). Исходя из формулы (*), найдем ресурс, поставляемый *Советником* и обеспечивающий адекватную реализацию запроса: $x' \approx 0{,}11$. Проверим: $(\underline{0{,}7} \leftrightarrows 0{,}11) \leftrightarrows 0{,}2 = \underline{0{,}7}$. Таким образом, за счет условного («искусственного») снижения запроса с уровня 0,7 на уровень $0{,}7 \leftrightarrows 0{,}11 \approx 0{,}38$ субъект достигает необходимого соответствия между исходным запросом и достигаемым уровнем состоятельности. Лидер принимает рекомендацию Советника «спуститься с небес на землю» и достигает желаемого.

Хозяин и Тот, кто работает на него

Хозяин – Работник. Протагонист в этом случае опирается на результаты труда работника, который вступает в непосредственный контакт со средой (объектом потребности протагониста). Теперь перед нами следующая схема субъектной сборки: $\underline{\text{Хозяин}} \leftrightarrows (\text{Работник} \leftrightarrows \text{Среда})$.

Пример. Будем считать, что запрос *Хозяина (протагониста)* воплощается в адекватный ему результат достижения. Пусть, как и прежде, этот запрос равен 0,7, а ресурс, предоставляемый средой, 0,2. Состоятельность в этом случае равна $1 - 0{,}7 + 0{,}7 \cdot 0{,}2 = 0{,}44$ ($\neq 0{,}7$). Можно показать, что искомый запрос *Работника* здесь может быть рассчитан по формуле $y' = (1 - y)/x \cdot (1 - y)$ и в данном случае должен быть $\approx 0{,}54$, а

поставляемый ресурс – $0{,}54 \leftrightarrows 0{,}2 \approx 0{,}57$. Теперь мы можем убедиться, что состоятельность Хозяина соответствует его устремлениям: $\underline{0{,}7} \leftrightarrows (0{,}54 \leftrightarrows 0{,}2) \approx 0{,}7 \rightarrow 0{,}57 \approx \underline{0{,}7}$.

При этом, заметим, *работник* предоставляет протагонисту значительно больший ресурс, чем *окружение* (сравните 0,57 и 0,2).

3. Мультисубъектный профиль саморегуляции

Рассмотрим теперь механизмы достижения оптимума состоятельности в процессах индивидуального целеполагания и целедостижения, то есть процессы *саморегуляции* личности.

Уровни саморегуляции

Волевой, ценностный, целевой и операциональный уровни саморегуляции. Будем считать, что каждый из субъектов, входящих в ансамбль участников активности и, таким образом, являющихся «частью» коллективного субъекта, может существовать не только в межсубъектном пространстве, но и внутри личности: быть особой частью ее, вступать в общение с собой и с другими субъектами, действовать сообща с ними или противодействовать им и т.д. (сама же личность трактуется как мультисубъектное образование – единомножие Я, что соответствует нашему общему пониманию, развиваемому в концепции).

Только что мы имели дело с *Единоличником, Хозяином и Работником, Лидером и Советником, Руководителем и Коллегами.* Можно предположить, что каждый из позиционеров (использую термин, принятый в школе Г.П. Щедровицкого) есть в то же время источник или условие реализации активности личности в качестве одного из образующих ее субъектов (Я). Тогда в поле нашего зрения попадают четыре феномена.

Воля; максимум самоотдачи

Самоотдача – это *волевой уровень саморегуляции.* Прототипом этого процесса является активность *Единоличника.* Однако «среда», представленная ранее в формуле <u>*Единоличник*</u> $\leftrightarrows$ *Среда,* должна быть осмыслена здесь по-новому, то есть как характеристика внутреннего мира самого человека. В одной из наших работ мы предложили образ зеркального отражения субъекта активности в себе самом, полагая, что, опираясь на этот образ, он способен решать задачу самоосуществления [А.В. Петровский, *2009*]. Пусть множество возможностей, которыми располагает субъект, подразделяется на два класса: проверяемые и подразумеваемые возможности. Стремясь воплотить вовне свои возможности и подтвердить их действительность, мы говорим: «проверить себя». Человек опирается на подразумеваемые воз-

можности, которые при этом вовсе не проверяются, а используются как инструмент реализации оцениваемых возможностей. Они-то, эти подразумеваемые возможности, и отражаются как в зеркале в самосознании человека. В данном случае будем считать что «среда» – это те *подразумеваемые возможности*, которыми располагает субъект в момент действования.

Если принять, что человек действует на пределе своих возможностей (максимум самоотдачи), то можно предсказать уровень проверяемых возможностей, интенция осуществить которые ведет к успеху (эффективность и состоятельность адекватны уровню интенций). Это точка «золотого сечения» ($x \approx 0{,}62$), при которой опорные подразумеваемые возможности y должны «достраивать» объем проверяемых возможностей до 1 ($y = 1 - x \approx 0{,}38$).

Действовать разумно, в согласии с собой...

Ставка на благоразумие. Ценностный уровень саморегуляции. Начнем с того, что двухсложное слово «разум» представляет собой уникальный случай: звучание этого слова и его значение как будто оппонируют друг другу. Слышим «раз», а также «ум», будто бы это ум, взятый один раз, умноженный на единицу. Но иной смысл также угадывается: это ум, охваченный враз, ум, каков он есть разом. Как если бы, забыв о его «частях», мы брали его как что-то одно, единое, минуя различия*. В благоразумии это единство подразумевается. Благо – одно, а затрагивает, в сущности, многих. В христианском искусстве, если заинтересоваться культурными истоками слова, это качество изображается в виде женщины с двумя или тремя головами, держащей в руках либо зеркало и змею, либо сито, а у ее ног располагается Соломон. А сито, в свою очередь, означает «дождевые облака, плодородие, акт очищения путем отсеивания шелухи и, следовательно, познание *самого себя*, *критику*, *совесть*... Это способность совести *принимать* и *отвергать*». Сейчас, когда я повторяю за культурологами эти строки, то курсивом выделяю слова, заключающие в себе смысл диалога, отношения, контакта в системе «субъект–субъект» (неважно, между людьми «во плоти», в их отдельности друг от друга или внутри одного человека – между его собственным «субъективным Я» и «Я другого» в нем, «Моим Я» и «Моим Ты» и т.п.). Благоразумие – благо в глазах здравого смысла; благо, которое одинаково приветствуется всеми, благо с точки зрения всех. Это касается и меня самого, если сравнить мои сегодняшние и завтрашние завоевания, сиюминутные и долговременные интересы. Вспоминается высказывание С. Джонсона: «Первую

* Здесь очевидна аналогия со словом «образ» – *об-раз*.

половину жизни человек должен создавать запас для второй» – и еще бесчисленное число фраз на эту тему.

Принципы поведения

Если попытаться обобщить сказанное о благоразумии (конечно, только малую часть из того, что могло бы оказаться в поле нашего зрения потенциально), то мы увидим две тесно связанные характеристики этого принципа поведения.

Первый принцип поведения

Первый, как уже было сказано, – это общность взглядов многих людей на благо, приобретаемое кем-то. За счет этого благоразумие в масштабах одной («отдельно взятой»), личности столь беспрепятственно ассоциируется с общим благом*. То, что обретается в благоразумии, одинаково ценно для всех, кто был бы способен это оценить, кто к этому реально или потенциально причастен: как эксперт, заинтересованное лицо, соучастник действия или вообще, как пишут в персональных характеристиках-отзывах на человека для последующего предъявления по месту требования, “to all it may concern”. Как писал Г. Гегель, «благоразумие состоит в том, чтобы не разрушать расположения других и сохранять его ради него самого». Приведем, кстати, иронический парафраз – «благоразумие наоборот»: «Быть в балансе: ни вашим, ни нашим» (Ю. Леонтьева).

Второй принцип поведения

Второй принцип благоразумия – умеренность, рациональность, то есть «такое состояние духа, когда мы в здравом уме и можем подавить наплыв душевных чувств ради внутренней гармонии. По Демокриту, «счастье дает роскошный стол, благоразумие же – достаточный».

Оба принципа объединены схемой интериоризированного взаимодействия *(Руководитель⇆Коллеги)⇆Среда*. Человек действует так, чтобы его поведение отвечало соображениям разумности, как если бы кто-то другой мог наблюдать за происходящим со стороны, подтверждая или оспаривая правомерность его действий. Результат действия оценивается согласно критериям «здравого смысла»: действуя в своих интересах, я чувствую одобрение со стороны внутреннего другого, как если бы кто-то кивнул мне, сказав: «Да,

* По мнению некоторых авторов (О. Артемьева), основное усилие современных философов направлено на критику расхожих в философии и обыденном сознании представлений о благоразумии как о корыстном следовании собственному интересу непременно в ущерб интересам других людей. Но если мы попытаемся реабилитировать идею благоразумия, то мы должны будем понять его как способность поступать в конкретных обстоятельствах наилучшим образом. Поступать наилучшим образом – это значит ориентироваться на морально оправданную цель.

мне нравится (меня устраивает) то, что ты сделал». При этом заказываемое (и обретаемое) благо может отличаться по величине от исходного устремления субъекта. В нашем примере сила запроса не 0,7 (как в случае *Хозяина* и *Лидера*), а (0,7 ⟸ 0,365) ≈ 0,555. Заметим, что итоговая величина достижения (0,555 ⟸ 0,2 = 0,556) здесь меньше собственного изначального запроса личности, но человек чувствует оправданность своих действий (как говорят, «не зарывается», «не пытается взять сверх меры»). Так опытный и совестливый *Руководитель* стремится разделить с *Коллегами* командный успех.

Не требуй от жизни то, что превышает твои возможности

Говорят: «Не надо требовать от жизни то, что превышает твои возможности» (С. Рамишвили). Пусть члены «внутренней команды» призовут тебя к здравому смыслу: «Надо иногда слегка побранить то, что нас очаровывает. Это брюзжание и называется благоразумием» (В. Гюго). Или предостережение Марка Твена, звучащее на манер двухступенчатой импликации («опора опирается на опору»): «Мы в Америке получили три неоценимых дара: свободу слова, свободу совести и благоразумие, чтобы удерживать нас от того, чтобы ими пользоваться». Впрочем, об этом понятии, по-видимому, следует говорить с пафосом, усматривая в нем, как наставлял нас еще Фома Аквинский, одну из кардинальных добродетелей наряду с умеренностью, мужеством и справедливостью.

Хитрость постановки цели; «я сам обманываться рад»

«Оправданный самообман». Целевой уровень саморегуляции. Обратим внимание на необычную функцию целеполагания, которую обыденное сознание, как правило, предпочитает не замечать. Это функция постановки *мнимых* целей для достижения целей реальных. Для того чтобы перебраться «на тот берег», нам приходится брать выше по течению. Ссылаясь на Л.Н. Толстого, который писал о таких целях, Б.С. Братусь в своих выступлениях напоминает нам об этом (он отстаивает тезис, что «цели должны быть высокими»).

Феномен мнимых целей

Мы говорим о мнимых целях, подчеркивая, что это цели, относительно которых нам не только известно заранее, что они недостижимы, но известно также, что они *не должны быть* достигнуты (достижение этих целей заведомо нежелательно, совершенно «нецелесообразно»*). Именно эта скрытая сторона взаимоотношений («своя игра» и «свои счеты» с миром) имеют под собой межсубъектные основания, выраженные схемой *«Лидер ⟸ Советник) ⟸ Среда»*. В нашем

* Представьте, что вы достигли-таки цели выше по течению: к этому ли вы стремились?!

примере *Советник* предлагал *Лидеру* поставить перед собой более трудную цель, чем ранее принятая (доступность 0,11 против 0,2), и только благодаря этому *Лидер* мог достичь того, к чему изначально стремился.

Можно ли верить лидеру?

Так и во внутреннем плане: мы немного лукавим с собой, принимая нереализуемые обязательства, верим в них и в результате имеем то, что хотели иметь*. Сторонникам леонтьевской психологической школы (с её традицией акцентировать различие между мотивами и целями) было бы небезынтересно узнать, что *мотиву* в выражении (0,7 ⥢ 0,11) ⥢ 0,2 соответствует число 0,7; *мнимой цели* (наш термин) – число 0,11; а *цели* как таковой – численное значение импликации (0,7 ⥢ 0,11), дающей число 0,38. Заметим также, что здесь перед нами пример классического, отмеченного еще Г. Гегелем (далее – Вундтом; потом, в России, леонтьевской школой) несовпадения преследуемой цели и итогового результата активности, 0,7 (результат превосходит цель).

«Я могу положиться на себя»

«Подстройки». Операциональный уровень саморегуляции. Прототипом этого процесса является схема <u>*Хозяин*</u> ⥢ (*Работник* ⥢ *Среда*. В данном случае индивидуум выступает в двоякой роли: он по-прежнему преследует свою цель добиться желаемого, не изменяя свои притязания, но при этом нащупывает собственный стиль деятельности, прилаживается, приноравливается к ситуации. В этом случае появляется то, что В. Д. Шадриков называет «оперативностью». Активность протекает на двух уровнях: мотивационно-целевом (здесь мотив и цель совершенно слиты) и операциональном, при котором задача упрощается, удовлетворенность достижениями приравнивается к запросам. Напомним, что в нашем примере исходное неблагополучное соотношение, <u>0,7</u> ⥢ 0,2 = <u>0,44</u>, замещается вполне приемлемым <u>0,7</u> ⥢ (0,54 ⥢ 0,2) ≈ 0,7 ⥢ 0,57 ≈ <u>0,7</u>.

Фигура *Работника* может иметь разные репрезентации в индивидуальном сознании и бытии. Это и внутренний экспериментатор, и проводник (сталкер, контактер), и даже медиум. Когда мы говорим: «Интуиция мне подсказывает», то по-видимому, имеем в виду голос этого субъекта в нас.

Консультант – клиенту: «Что бы я мог сделать за вас?». Вопрос консультанта, который актуализирует в сознании фигуру Работника

В процессе психологического консультирования можно спросить у клиента: «Если бы я мог сделать что-то за вас, вместо вас, подменив вас на каком-то сложном участке жизни, если бы мог на шаг оказаться впе-

* Верить ли лидеру до конца своим советникам?

реди вас, может быть, проявить большую проницательность, в чем-то, возможно, подстраховать вас, то о чем бы вы меня тогда попросили?» Этот вопрос или несколько вопросов такого рода легко актуализируют в сознании фигуру Работника как человека, который готов взять на себя труд предотвратить или смягчить возможные удары судьбы.

Увидеть проблему целеполагания

Все сказанное позволяет с новой стороны увидеть проблему целеполагания вообще. Привычным стало видеть в целеполагании механизм упорядочения активности, способ направить ее в нужное русло. Разумеется, подобную точку зрения никто не собирается опровергать. Однако упорядочением и выстраиванием активности в определенном направлении, как видно, дело не ограничивается.

«На широкую сторону мощи нападают острым концом хитрости» (Г.В.Ф. Гегель)

Г.В.Ф. Гегель, формулируя фундаментальное понятие «хитрости разума», подчеркивал, что опосредование, располагающее к естественному действию одних предметов на другие, ведет к решению проблем, какими бы сложными они ни казались.

Но в этой «хитрости», заметим, таится и риск иллюзий для человека, когда мы «запускаем», казалось бы, естественный механизм межчеловеческого взаимодействия, где одни хитрые люди воздействуют на других хитрых людей. Иногда мы позволяем себе и другим «перехитрить» нас. Горьковский Лука, странствующий русский философ, декламирует в ночлежке (стихи П.Ж. Беранже:

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

М. Горькому и его персонажам ещё не известен мир символического интеракционизма Дж. Г. Мида.

Люди живут в мире символических интеракций

Тот факт, что люди живут в мире символических, а не только «материально-вещественных» интеракций, что ценности нашего бытия не могут быть объективированы и зафиксированы со стороны, что никогда не будет построена палата мер и весов, чтобы измерить и взвесить достижения человека, его дееспособность и чувство его благополучия в мире, то есть все то, что мы именуем «состоятельностью», – этот факт был для писателя несомненен. Как, впрочем, и то, что путь истины («правды») есть дело святое, и уж точно безумны те, кто свернул с дороги.

Цивилизация, культура – вечный спор между Сатиным («Человек – свободен, он за все платит сам») и Лукой («Во что веришь, то и есть»).

Не является ли культура целеполагания в цивилизованным мире порою единственно возможным способом примирить человека с самим собой, коль скоро он стремится к оптимуму благоденствия и дееспособности там и тогда, где и когда это практически невозможно?

4. «Задача по вкусу»: что мы чувствуем, к чему стремимся, думая о ней?

Существуют, очевидно, задачи, смысл постановки которых не сводится к решению утилитарных проблем, а является для человека способом проверки собственных возможностей. Будем говорить, что это «задача по вкусу», то есть задача, решение которой продиктовано заинтересованностью в решении как таковом вкусами самого человека, предпочитающего ее другим задачам. Перечислим гипотетические черты задачи по вкусу.

Самоотдача («а не шумиха, не успех»)

- Решение этой задачи требует *полной отдачи сил* (а иначе как проверить, на что ты способен?). Мы помним, что такая ситуация соответствует привилегированной точке оптимума самоотдачи как *действия на пределе возможностей*.

Новизна

- Эта задача – *новая*; у человека нет оснований считать, что он решит ее. Если бы такие основания наличествовали, то субъективная вероятность решить задачу превосходила альтернативную вероятность не справиться с нею. В этом случае речь могла бы идти скорее о подтверждении своих способностей, чем об их испытании. Итак, нет никаких *гарантий* того, что задача может быть решена. О такой задаче, если она будет выбрана, можно сказать: «Самоценная» (ценность в самой *задаче*, то есть в поиске решения, о котором заранее неизвестно, существует ли оно вообще и может ли быть реализовано данным индивидуумом).

Непредрешенность решения

- Эта задача с *непредрешенным исходом решения*. Отсутствие уверенности субъекта в том, что задача может быть решена им, отнюдь не означает, что задача в его глазах неразрешима. Иначе, очевидно, он не выбрал бы для себя эту задачу на самоиспытание. Вот почему мы полагаем, что априорная вероятность ее решения должна быть не больше и не меньше S. Действительно, если я заранее знаю, что задача, скорее всего, будет решена мною, зачем мне ее решать? Что узнаю я о себе нового, решив *предсказуемо доступную* мне задачу?! Если же менее вероятно, что задача будет

решена мною, то есть ли смысл испытывать свои способности, решая ее (ведь она *предсказуемо нерешаема)*?! Словом, выбор такой задачи должен иметь, как мы говорим, «активно-неадаптивный» характер, побуждаемый непредрешенностью результата.

Надситуативность

- Эта задача, решения которой никто от субъекта не требует. Она решается им по собственной воле. О таких задачах мы говорим – «надситуативные».

Четыре чувства в одном

Можно предположить, что предпочтение задач, обладающих перечисленными выше чертами и воспринимаемых людьми как «задачи по вкусу», обусловлено теми особыми переживаниями, которые возникают в процессе их решения. *Наша общая гипотеза* состоит в том, что выбор и решение «задачи по вкусу» позволяет человеку ощутить свою состоятельность (достичь оптимума состоятельности) одновременно в нескольких отношениях: 1) ощущать удовлетворенность собой, предчувствуя успех; 2) справляться с неопределенностью, формируя адекватные ситуации притязания; 3) иметь оправданные виды на будущее; 4) ощущать близость решения.

Рассмотрим и обозначим более полно весь спектр символов, позволяющих описывать переживания человека, ощущающего свою вовлеченность в решение задач вообще и «задачи по вкусу» в частности.

Субъектность саморегуляции на всех уровнях саморегуляции

Наше общее предположение состоит в том, что в условиях решения «задачи по вкусу» выполняется условие субъектности саморегуляции на всех уровнях целеполагания (то есть условие соответствия между устремлениями человека и его состоятельностью).

Сказанное означает *одновременное* подтверждение следующих теоретических гипотез (в дальнейшем во всех случаях речь идет о «задаче по вкусу»).

Интенция, предчувствие успеха и потенциальная удовлетворенность собой соответствуют друг другу

Гипотеза 1.

Предчувствия успеха соответствуют уровню потенциальной удовлетворенности собой: $s = x \hookleftarrow (1 - x) = x$.

Здесь s – предчувствие успеха; x – интенции; $1 - x$ – образ невостребованных ранее возможностей. Из этого условия непосредственно вытекает, что предчувствие успеха s должно быть на уровне «золотого сечения» ($s \approx 0{,}618$).

Если не прибегать к символам, то *суть гипотезы* можно выразить следующим образом. В процессе решения «задач по вкусу» *интенции* к успеху, *предчувствия* успеха и *потенциальная удовлетворенность собой* соответствуют друг другу по силе. При

этом в субъективном плане человек опирается на ту часть своих возможностей, которые актуально не подвергаются им проверке, так как подразумевается, что они уже имеются у него (здесь по умолчанию принимается, что проверяемые и подразумеваемые возможности в сумме образуют полную систему возможностей). Заметим, что далеко не всегда при решении задач выполняется это условие. Если вам известно, что задача очень проста (арифметические упражнения для детей третьего класса), вы, скорее всего, предчувствуете свой 100%-ный успех, но вряд ли испытываете потенциальную удовлетворенность собою, представляя, что решаете эту задачу. В другом случае, наоборот, предчувствие успеха минимально, а потенциальная удовлетворенность собою высока (положим, если вы шахматист-любитель, играющий в шахматы с гроссмейстером)*. Мы больше не будем подчеркивать это, но еще раз напомним читателю, что первая и последующие гипотезы относятся к «задачам по вкусу» (именно это, как предполагается, отличает их от других задач).

Если гипотеза 1 подтвердится, то она даст нам пример *волевой* саморегуляции личности.

Вера в успех соответствует уровню притязаний

Гипотеза 2. Притязаниям человека соответствует его вера в успех:

$$(x \hookleftarrow y) \hookleftarrow 0{,}5 = x \hookleftarrow y.$$

Поясним, что в этом выражении y – это *прогноз успеха*; двухступенчатая импликация $(x \hookleftarrow y) \hookleftarrow 0{,}5$ – *вера в успех*; $x \hookleftarrow y$ – *уровень притязаний*; число 0,5 – *субъективная вероятность возможности решения*.

Смысл гипотезы 2. В процессе решения «задачи по вкусу» вера в успех соответствует уровню притязаний; человек властвует над шансом в условиях полной неопределенности относительно исхода действия (*ценностный* уровень саморегуляции).

Открывающиеся перспективы соответствуют интенции

Гипотеза 3. Перспектива успеха соответствует интенции:

$$(x \hookleftarrow y) \hookleftarrow z = x.$$

Новый символ z (= 1 – s) – это *готовность к риску* («толерантность к неопределенности», «запас прочности», «подстраховка»).

---

* Для этого совсем не обязательно выигрывать у гроссмейстера (в одном из рассказов Василия Аксенова любитель выигрывает у гроссмейстера, что, конечно, «на уровне чуда»).

Смысл гипотезы 3. Выбор «задачи по вкусу» подразумевает такое соотношение между прогнозами на успех и уверенностью в успехе решения этой задачи, что открывающиеся перспективы соответствуют интенции» (*целевой* уровень саморегуляции).

Предвкушение успеха в соответствии со своими интенциями («счастье в кармане»)

Гипотеза 4. Человек предвкушает будущий успех достижения в соответствии со своими интенциями: $x \leftrightarrows z = x$

Выражение $x \leftrightarrows z$ символизирует то, что мы называем «предвкушением».

Смысл гипотезы 4. Человек переживает будущий успех как уже состоявшийся факт, видя в нем воплощение своих интенций; в таких случаях говорят: «Счастье в кармане» (*операциональный* уровень саморегуляции).

Эмпирическое исследование было посвящено оценке адекватности выдвинутых гипотез.

Процедура исследования

Испытуемым (37 человек в возрасте от 18 до 33 лет) предлагалось описать свои мысли и чувства при решении наиболее привлекательной для них задачи – «задачи по вкусу». Ниже мы приводим список используемых вопросов. Читатель увидит справа от каждого из них в фигурных скобках числа «1» или «0». Они маркируют присутствие или отсутствие в утверждениях таких моментов, как «намерение действовать» (первый элемент), «предвидение позитивного исхода» (второй элемент), «предчувствие позитивного исхода» (третий элемент). В самом опроснике, разумеется, фигурные скобки с соответствующей маркировкой смысловых аспектов вопроса отсутствовали.

Требовалось поставить крестик (x) на шкале «редко–часто», отвечая на общий вопрос о том, как часто при решении такой задачи вы:

1) перепроверяете себя, пытаясь удостовериться в правильности своих догадок и предположений (как бы испытывая их на прочность) {1,0,1};

2) считаете нужным дождаться «того самого» счастливого случая, когда ситуация сама подскажет, как быть и что делать дальше (полагаетесь на удачное стечение обстоятельств, как бы наталкивающих на открытие) {0,1,1};

3) исходите из необходимости «отмести» версии, кажущиеся вам сомнительными {1,0,0};

4) думаете: вот бы пришел кто-нибудь и сказал, что делать дальше (да только, увы, не будет этого) {0,1,0};

5) верите в то, что не совершите ошибки, действуя так, а не как-то иначе {1,1,1};

6) отказываетесь решать задачу по-старому, «отстраиваетесь» от ситуации, внутренне подготавливаетесь к новому решению («переключаетесь») {0,0,1};

7) вам не хочется ничего делать, нет никаких идей, не испытываете ничего, кроме ощущения полной бесперспективности {0,0,0};

8) думаете: «Надо попробовать!», хотя и чувствуете, что это совершенно напрасно {1,1,0}*.

Обработка результатов

При обработке материалов крайнему левому положению крестика на шкале «редко–часто» придавалось значение 0%, а крайнему правому – значение 100% (все другие значения рассматривались как пропорциональные расстоянию между местонахождением крестика на шкале и крайней левой точкой шкалы). Таким образом, по каждой из восьми шкал (i = 1, 2, 3, …,8) мы получали характеристику «субъективной встречаемости» F_i состояния s_i. Величину F_i рассматриваем как абсолютную весовую характеристику «субъективной встречаемости» состояния s_i, а величину $f_i = F_i / (F_i + F_2 + F_3 + F_4 + F_5 + F_6 + F_7 + F_8)$ как показатель относительной субъективной встречаемости данного состояния. Показатели относительной субъективной встречаемости могут рассматриваться как «слагаемые успеха» в процессе решения задачи «по вкусу».

Далее определяется, как часто, с точки зрения самих испытуемых, они склонны действовать, а не избегать действия, то есть какова *сила интенции.* Показатель силы интенции производен от частоты состояний «осмотрительность» {1,0,1}, «скептицизм» {1,0,0}, «что я теряю, а вдруг?» {1,1,0}, «вперед, к победе!» {1,1,1}: *Интенции* $= f_1 + f_3 + f_5 + f_8$.

Таким же образом вычисляется показатель *прогноз (прогнозируемая доступность),* соответствующий теоретическому конструкту «внешний ресурс». Он определяется частотой состояний: {0,1,1} – «везение»; {0,1,0} – «соломинка»; {1,1,1} – «вперед, к победе!»; {1,1,0} – «что я теряю, а вдруг?»: *Прогноз* $= f_2 + f_4 + f_5 + f_8$.

Тем же путем подсчитывается показатель *чаянья*, определяемый состояниями: {1,0,1} – «осмотрительность»; {0,1,1} – «везение»; {1,1,1} – «вперед, к победе!»; {0,0,1} – «как-нибудь само собой»: *Чаянья* $= f_1 + f_2 + f_5 + f_6$.

* В исходном опроснике каждая из восьми категорий вопросов включала в себя несколько вопросов сходной смысловой структуры (интенция, предвидение, предчувствие). В результате интеркорреляционного анализа оставлены 8 вопросов, ответы на которые не коррелируют друг с другом, за исключением вопроса 7 (человек «в тупике») и вопроса 4 (человек «ищет соломинку»).

Показатель «Чаянья» рассматривался нами как источник для получения важного производного показателя «Готовность к риску»*: *Готовность к риску* $= 1 - (f_1 + f_2 + f_5 + f_6)$.

Теперь можем проверить, насколько справедливы выдвинутые гипотезы.

Результаты эмпирического исследования

Эмпирические средние, соответствующие X («интенции»), Y («прогнозы»), Z («предчувствия-чаянья»), Z' («толерантность»), пометим звездочкой (*).

Гипотеза 1 (о соответствии интенций, предчувствий и потенциальной удовлетворенности собой): $X^* \approx S^* \approx X^* \hookleftarrow (1 - X^*) \approx 0{,}618$.

Имеем, соответственно, $0{,}623 \approx 0{,}596 \approx 0{,}590 \approx 0{,}618$ (гипотеза подтверждается, $p > 0{,}05$).

Гипотеза 2 (о соответствии притязаний и веры в успех):

$(X^* \hookleftarrow Y^*) \hookleftarrow 0{,}5 \approx X^* \hookleftarrow Y^*$.

Имеем: $\mathbf{(0{,}623 \hookleftarrow 0{,}474)} \hookleftarrow 0{,}5 = \mathbf{0{,}672} \hookleftarrow 0{,}5 \approx$ ***0,664*** (гипотеза подтверждается, $p > 0{,}01$).

Гипотеза 3 (о соответствии интенций перспективам успеха): $(X^* \hookleftarrow Y^*) \hookleftarrow Z^* \approx X^*$.

Имеем: $(\mathbf{0{,}623} \hookleftarrow 0{,}474) \hookleftarrow 0{,}404 = \mathbf{0{,}601} \approx 0{,}618$ (гипотеза подтверждается, $p > 0{,}01$).

Гипотеза 4 (о соответствии интенций предвкушению успеха): $X^* \hookleftarrow Z^* \approx X^*$.

Имеем: $\mathbf{0{,}623} \hookleftarrow 0{,}404 \approx \mathbf{0{,}629}$ (гипотеза подтверждается, $p > 0{,}01$).

Итак, четыре выдвинутые гипотезы находят свое подтверждение.

«Задачи по вкусу» – не единственный полигон испытания модели «субъектных сборок»

Остается заметить, что выделяемый нами класс «задач по вкусу» – не единственный полигон испытания метаимпликативной модели состоятельности и «субъектных сборок». Так, нам удалось показать, что, решая задачи *по требованию*, испытуемые в меньшей степени стремятся к успеху (0,577 против 0,623) и в меньшей мере предчувствуют успех (0,548 против 0,596).

Каждое «Я», живущее в личности, ищет свою «точку оптимума»

Общее заключение, к которому мы приходим, состоит в том, что каждое «Я», живущее в личности, стремится к гармонии (будь то внутренний «единоличник», исследующий, «на что он способен»; «руководитель», верящий в контроль над шансом; «лидер», ведающий перспективами, или «хозяин», владеющий ситуацией). У каждого – свой подход к построению действия. Но все одинаково заинтересованы в том, чтобы найти точку оптимума, то

---

* Еще раз перечислим сходные установки, отражающие возможность неуспеха: («Толерантность», «Запас прочности», «Подстраховка») – этот показатель противоположен *Чаяньям* (при полном отсутствии гарантий.

есть совершенного соотношения между своими запросами и ресурсами. Найти эту общую точку («найтись в ней») позволяет «задача по вкусу».

Возможность решения такой задачи не гарантирована, успех в решении не предрешен. Но все-таки она требует от человека, чтобы он полностью «выложился», отдался решению. Это значит, что «по вкусу» ему оказывается выбор *надситуативных задач* – таких условий деятельности, свободно предпочитаемых им, в которых предчувствия, перспективы и вера в успех соответствуют интенциям самоосуществления, а те, в свою очередь, потенциальной удовлетворенности человека собой как субъектом деятельности. И каждое из этих субъектных проявлений саморегуляции балансирует на невидимой риске «золотого сечения». Таково число 0,618, «золотая точка» гармонии.

Поднимаясь над ситуацией, человек пытается предрешить заранее непредрешенный исход

Люди активно неадаптивны. Они ставят перед собой задачи с непредрешенным исходом. Они поднимаются *над ситуацией*, пытаясь своими действиями предрешить заранее непредрешенный исход.

Деятельное присутствие «другого» – условие собственной состоятельности

Активность людей мультисубъектна в своей основе. Деятельное присутствие другого субъекта (а в условиях данного эксперимента «себя как другого») позволяет личности как мультисубъектной целостности достигать оптимума состоятельности.

Вера Грязева-Добшинская

ТВОРЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ: АСПЕКТЫ ИНТРА-, ИНТЕР-, МЕТАИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Аннотация. *Творческое лидерство рассматривается в контексте концепций группового творчества, трансформационного и инновационного лидерства, анализируются механизмы творческого лидерства. На основе социально-психологической концепции развития личности А. В. Петровского и концепции персонализации А. В. Петровского и В. А. Петровского формулируется понятие творческого лидерства как персонализирующих влияний субъекта на других субъектов в совместной творческой деятельности. Описывается авторская методика «Периодическое стимульное пространство», созданная на основе метода отраженной субъектности В. А. Петровского, для диагностики активности субъектов в авторской и соавторской деятельности в аспектах интра-, интер-, метаиндивидуальности. Приводятся результаты экспериментального исследования обусловленности эффектов персонализирующих влияний субъектов («метаэффектов личностного стиля») формами их взаимной активности в совместной деятельности («интерэффектов личностного стиля»). Обсуждаются синергетические механизмы творческого лидерства.*

Ключевые слова: *творческое лидерство, трансформационное и инновационное лидерство, концепция персонализации, метод отраженной субъектности, эффекты влияния*

Abstract. *Creative leadership is considered in the context of conception of group creativity, transformational and innovational leadership as well; mechanisms of creative leadership are analyzed. Notion "creative leadership" as personalization subject's influence on other subjects in joint creative activity is defined on the basis of A. V. Petrovsky's socio-psychological conception and conception of personalization by A. V. Petrovsky and V. A. Petrovsky. The author's technique "Periodical stimulus space" based on V. A. Petrovsky's method of reflected subjectivity for diagnostics of subject's activity in author's and co-author's activity in intra-, inter- and meta-individuality's aspects is described. The results of experimental study of conditioning of effects of personalizing influence of subjects ("meta-effect of personal style") by the forms of their mutual activity in joint activity ("inter-effects of personal style") are given. Synergetic mechanisms of creative leadership are discussed.*

Keywords: *creative leadership; transformational and innovational leadership; conception of personalization; method of reflected subjectivity; effects of influence.*

1. Творческое лидерство в контексте проблемы социальной психологии творчества

Современное общество развивается на основе исследовательской деятельности, творчества, изобретательства и внедрения инноваций. Для обеспечения конкурентоспособности субъектов и организаций необходимо развитие креативности как массовой способности, то есть выращивание профессионалов, способных продуцировать новые идеи и создавать новые технологии [1]. Необходимость развития массовой креативности сталкивается в России, с одной стороны, с традиционно низким статусом творчества у большинства людей [2, с. 181–190], а с другой – с проблематичной для многих творцов социальной интеграцией [3].

Современное творчество – интеграция индивидуальной и социальной креативности

Основной тренд в развитии современного творчества – все большая его связанность не с отдельными индивидами, а с коллективами, организациями, которые получают новые научные результаты, создают творческие и инновационные продукты [4]. Решение многих современных проблем требует интеграции индивидуальной и социальной креативности. Сложность развития социальной креативности заключается в том, что это не столько техническая проблема, сколько проблема формирования новой культуры и нового строя мышления [5].

Наибольший креативный ресурс разнообразия и наибольшие сложности в работе имеют гетерогенные группы, которые объединяют людей разных профессий для решения общих проблем [5; 6]. Поддерживать эффективную деятельность креативных групп или групп, которые возглавляют творческие лидеры, – сложная проблема, решение которой предполагает учет многих социально-психологических факторов [5–8].

Творческое лидерство в контексте концепции персонализации

В обозначенной проблеме можно выявить центральный для дальнейших социально-психологических исследований творчества конструкт. Это – *исследование творческого лидерства* как специфических (персонализирующих) влияний субъекта на других субъектов. Этот феномен включает актуализацию индивидуальности (индивидуализацию) членов группы, отражение и принятие (интеграцию) индивидуальности лидера, обеспечивающих эффективную совместную творческую деятельность.

Смысловое ядро исследования – изучение *интеграции творческой индивидуальности в группе, опосредованной совместной творческой деятельностью.* Такое понимание творческого лидерства основано на

социально-психологической концепции развития личности А.В. Петровского и концепции персонализации А.В. Петровского и В.А. Петровского [9; 10;]. Соответственно становление личности в группе рассматривается через триаду процессов: «адаптация – индивидуализация – интеграция». *Индивидуализация личности* выступает возможностью осуществить значительный вклад в жизнь группы и тем самым понимается как интерперсональный процесс. *Интеграция личности* понимается как ее включенность в групповое целое, которая возможна при условии обретения личностью индивидуального своеобразия, отраженности группой этого индивидуального своеобразия и его принятия.

Появление творческих лидеров – ответ талантливых людей на вызовы времени

Творческое лидерство является центральным конструктом в исследованиях преодоления конфликтности творческой личности с социальным окружением, снятия ценностного конфликта общества и осуществления массовой креативности, в поддержании работы творческих людей в сложных гетерогенных группах (командах).

Мы уже упоминали о том, что в нашей стране формируется социальный запрос на подготовку «лидеров, трансформирующих действительность» [11], «инновационных лидеров» [12; 13]. Лидеры этого типа способны предложить новые идеи и стандарты, они могут вдохновлять сотрудников на реализацию проекта, порождать их личностный и творческий рост. Такие лидеры возникают в организациях спонтанно как ответ талантливых людей на вызовы времени. Однако более массовое формирование таких лидеров возможно только при системе специальных обучающих программ, основанных на результатах экспериментальных исследований.

Результаты именно такого исследования и представлены в данной статье.

Понимание психологических механизмов группового творчества и творческого лидерства

Понимание механизмов творческого лидерства основано на исследованиях группового творчества. В различных направлениях изучения группового творчества выявлены варианты эффективных форм творческих взаимодействий субъектов. Разработка методов оптимизации совместного творчества зависит от того, как именно автор понимает механизмы группового творческого процесса: ролевую дифференциацию, ролевую универсализацию, а также рефлексивные и интуитивно-рефлексивные механизмы группового творчества.

Механизмы ролевой дифференциации в групповом творчестве

Механизмы ролевой дифференциации в совместной творческой деятельности выявлены в исследованиях, выполненных под руководством М.Г. Ярошевского и Я.А. Пономарева.

Развивая программно-ролевой подход к исследованию научного коллектива, М.Г. Ярошевский включил в ролевой ансамбль исследовательской деятельности такие роли, как «эрудит», «генератор» и «критик», которые выражают потребности общества в сохранении, приращении и критике знаний. Исследования, выполненные в русле данного подхода, выявили, что творческий потенциал группы возрастает, если у каждого из её членов доминирует одна из ролей; продуктивность научного коллектива тем выше, чем выше «коэффициент ролевой дифференциации» [17].

Исследования Я.А. Пономарева и Ч.М. Гаджиева основаны на понимании центрального психологического механизма группового решения творческой задачи (преобразование побочного продукта), они предполагают *возможность распределения функций* между участниками творческого процесса и *выявляют ролевую структуру* коллектива изобретателей, включающую «активаторов», «генераторов», «резонаторов» и «критиков» идей. Распределение и согласование ролей повышает эффективность группового творчества, при этом фиксируется, что сама ролевая структура является динамичной, а мера структурирования различна на разных этапах творчества [18].

Рефлексивные механизмы группового творчества

В исследовании А.В. Растяникова, С.Ю. Степанова, Д.В. Ушакова была выявлена ролевая универсализация, когда лидерские функции в интеллектуальной сфере (функция генерирования идей) и в сфере взаимодействия (функция кооперации) распределялись между всеми представителями группы. Ролевая универсализация связывается с активизацией рефлексии участников в ходе рефлексивного практикума (как экспериментального воздействия) и повышением компетентности в совместном творчестве [19].

Исследователями было определено, что лидером в совместном творчестве является тот, кто, с одной стороны, открывает членам группы новые возможности самоактуализации, самореализации, связанные с процессом решения творческой задачи, а с другой стороны, обеспечивает мобилизацию и обогащение творческого потенциала коллектива в целом. Различные типы лидерства (интеллектуальное, личностное, коммуникативное, кооперативное) включаются в компетентное поведение в совместном творчестве.

На основе исследованных рефлексивных и интуитивно-рефлексивных механизмов группового творчества разработаны многие методы стимулирования эффектив-

ной совместной творческой деятельности и модели организации сотворческого проектирования [20–22].

Творческое лидерство как специфические персонализирующие влияния субъектов в соавторской деятельности

Обозначим смысловое ядро в наших исследованиях *творческого лидерства*. Мы рассматривали творческое лидерство как специфические (персонализирующие) влияния субъекта на других субъектов, включающие актуализацию их индивидуальности (индивидуализацию), отражение и принятие (интеграцию) его индивидуальности и обеспечивающие эффективную совместную творческую деятельность.

Коллективная творческая деятельность – это соавторство, близкое к совместному художественному творчеству

Исследование индивидуализации и интеграции личности в совместной творческой деятельности возможно в том случае, если продукты отражают личностную специфику их автора. Деятельность должна предоставлять субъекту возможность через созданный предмет транслировать себя, свои особенности, свою индивидуальность другим людям, то есть должна быть «авторской» («соавторской»).

В развертывании соавторской совместной деятельности происходит взаимодействие процессов преобразования-отражения субъектами как объекта, так и друг друга. Такая соавторская деятельность ближе не к техническому, научному, а к художественному творчеству. Поэтому эксперимент был ориентирован на моделирование совместной и индивидуальной художественно-творческой деятельности.

«Формы активности субъектов» как единицы анализа индивидуализации и интеграции личности

В качестве единиц анализа в экспериментальном исследовании индивидуализации и интеграции личности были взяты «формы активности субъектов».

Как известно, в концепции персонализации единицей психологического анализа является «взаимная активность индивидов». Личность же определяется «как особая форма организации взаимной активности данного индивида и других индивидов, где реальное бытие индивида органически связано с идеальным бытием других индивидов в нем (аспект индивидуальности) и где в то же время индивид идеально представлен в реальном бытии других людей (аспект персонализации)» [10].

В качестве единиц анализа совместной творческой деятельности выбраны «формы взаимной активности индивидов»: способы «взаимосодействия», взаимосогласования активности каждого в достижении результата, которые отражают динамику этой деятельности с точки зрения изменений ее субъектов. Они могут быть сопоставлены с единицами анализа личностной динамики, в качестве которых выступают изменения форм собственной активности субъектов. Эти формы определяются через соотношение двух тенденций активности – «установоч-

ной» и «надситуативной»* [10; 23]. В нашем исследовании это соотношение тенденций активности субъекта обозначено как «личностный стиль».

2. Методика исследования эффектов влияний субъектов в совместной творческой деятельности

Метод отраженной субъектности в исследовании творческого лидерства

Основа экспериментальной программы исследования – «*метод отраженной субъектности*», разработанный В.А. Петровским [10].

Личностные свойства субъекта (*творческого лидера*) выявлялись по обусловленным им изменениям индивидуальности других: по специфическим эффектам влияний в совместной творческой деятельности (*интериндивидный аспект творческого лидерства*), а также за пределами актуального взаимодействия (*метаиндивидный аспект творческого лидерства*). Для этого сравнивались проявления активности субъектов сначала в индивидуальной творческой деятельности, затем – в совместной творческой деятельности и на завершающем этапе – снова в последующей индивидуальной творческой деятельности.

Межиндивидуальные влияния выявлялись по изменениям форм активности субъектов. В совместной деятельности диагностировались формы *взаимной активности* субъектов, то есть способы «взаимосодействия», взаимосогласования активности каждого в достижении результата. В двух замерах индивидуальной деятельности (до и после совместной) определялись формы *собственной активности субъектов*, а также те их изменения по соотношению двух тенденций активности («установочной» и «надситуативной»), что было обозначено как «личностный стиль».

Методика «Периодическое стимульное пространство»

Для исследования эффектов влияния субъектов в совместной творческой деятельности и за пределами актуального взаимодействия была разработана *проективная методика «Периодическое стимульное пространство»* [14–16].

Особенность данного экспериментального исследования связана с предоставлением каждому человеку возможности «авторских», то есть обусловленных ценностями, смыслами преобразований объектов, себя самого и других людей и диагностикой тенденций активности субъектов и их изменений. Подобная постановка вопро-

* Установочная и надситуативная тенденции активности были подробно проанализированы А.Г. Асмоловым и В.А. Петровским в контексте динамической парадигмы деятельности.

са требует исследования личности проективным методом. Ведь именно через проекции – особые характеристики продуктов деятельности – происходит трансляция и открытие личностно-смысловых особенностей субъектов, их влияние друг на друга [14–16].

Дифференциация стимулов по сложности, неопределенности, популярности

Проективная методика «Периодическое стимульное пространство» включает 50 слабоструктурированных стимулов (многоцветных картин), подобных картам Г. Роршаха. Эти стимулы нетождественны по уровням неопределенности (статистика X^2), сложности (D-статистика), популярности (частотные показатели).

Психометрические свойства стимулов определялись до основного эксперимента на выборке стандартизации, аналогичной основной. Были образованы 10 периодов по 5 стимулов каждый. В психометрическом аспекте периоды были равноценны, то есть включали равное количество стимулов с различными комбинациями свойств: неопределенность – определенность, сложность – простота, популярность – оригинальность). Это давало возможность проводить с одними и теми же субъектами до пяти экспериментальных серий, включающих индивидуальные замеры до и после групповых взаимодействий; при этом фиксировались инвариантные и вариативные проявления личности.

«Авторская» или «соавторская» творческая деятельность?

Для испытуемых продуцирование образов по картинам-стимулам интерпретировалось как «авторская» или «соавторская» творческая деятельность. В групповых экспериментах давалось задание создать один («лучший») образ по каждой картине в ходе обсуждения (в каждом групповом эксперименте предлагалось по пять стимулов). В индивидуальных экспериментах давалось задание отметить «лучший» образ среди остальных по каждому стимулу (в каждом индивидуальном эксперименте интерпретировалось по пять стимулов). Как в групповых, так и в индивидуальных экспериментах диагностировался сдвиг предпочтений интерпретируемых стимулов (сложные, неопределенные или простые, определенные).

Методика позволяла выявлять индивидуальные особенности активности личности, соответствующие трём ее измерениям: интраиндивидное измерение личности («личностные стили»); интериндивидное измерение личности («интерэффекты личностного стиля»); метаиндивидное измерение личности («метаэффекты личностного стиля»).

Показатели интраиндивидного измерения личности – «личностного стиля»

Интраиндивидное измерение личности: выявились «надситуативный стиль», то есть личностный стиль

с преобладанием тенденции к надситуативной активности, и «установочный стиль», для которого типично преобладание тенденции к установочной активности.

«*Надситуативный стиль активности*» диагностировался по следующим проявлениям: при выборе карт-стимулов предпочитаются неопределённые, сложные; совокупные показатели сложности, неопределённости, оригинальности по всем образам испытуемого высокие; как «лучшие» образы выбираются наиболее оригинальные, созданные преимущественно по неопределённым и сложным зонам стимулов.

«*Установочный стиль активности*» личности диагностировался по следующим проявлениям: при выборе карт-стимулов предпочитаются простые, определённые; совокупные показатели сложности, неопределённости по всем образам невысокие; как «лучшие» выбираются образы, имеющие высокие индексы популярности, которые чаще даются по определённым и не очень сложным зонам стимулов.

Интериндивидное измерение личности – «интерэффекты личностного стиля»

Интериндивидное измерение личности: выявились формы взаимной активности субъектов и «соавторской» деятельности («интерэффекты личностного стиля»). Каждый интерэффект – это инвариант взаимной активности субъектов в отношении друг друга и в отношении преобразования объекта. Выявлены две основные формы взаимной активности, в пределах которых создавались конечные «лучшие» продукты («интерэффекты личностного стиля»), которые взаимосвязаны с процессами индивидуализации и интеграции личности.

«*Эффект восхождения к общему*» – это порождение встречной продуктивной активности, ориентированной на общий смысл. Конечный продукт – результат спонтанного совместного преобразования первоначального продукта одного из партнеров (субъекта-индуктора, или лидера) при создании общего смыслового поля, направляющего процесс преобразования, но не всегда обсуждаемого.

«*Эффект согласованного выбора общего*» – порождение автономной продуктивной активности с независимой смысловой ориентацией и встречной «оценочной» активности при выдвижении «лучшего» общего продукта. Конечный продукт – признанный лучшим продукт одного из партнеров, удовлетворяющий ценностным ориентациям остальных.

Метаиндивидное измерение личности – «метаэффекты личностного стиля»

Метаидивидное измерение личности: выявлялось влияние субъектов за пределами актуального взаимодействия («метаэффекты личностного стиля»). Каждый метаэффект – это инвариант изменений направленно-

сти активности субъектов по преобразованию объекта в индивидуальной («авторской») деятельности как последствия активности субъектов в совместной, «соавторской» деятельности.

«*Эффект резонанса*» – усиление тенденции продуктивной активности у реципиента после трансляции её индуктором.

«*Эффект репрессии*» – уменьшение тенденции продуктивной активности у реципиента после трансляции её индуктором.

«*Эффект дублирования*» – появление новой тенденции продуктивной активности у реципиента после трансляции её индуктором.

«*Эффект отрицания*» – исчезновение у реципиента тенденции продуктивной активности, которая транслировалась индуктором.

«*Эффект индивидуализации*» – усиление тенденции продуктивной активности, которая была у реципиента, но которой не было у индуктора, дающего изменения по другим тенденциям реципиента.

«*Эффект деиндивидуализации*» – исчезновение у реципиента тенденции продуктивной активности, которая не транслировалась индуктором, дающим изменения по другим тенденциям у реципиента.

«*Эффект трансцендирования*» – появление тенденции продуктивной активности, которой не было ни у реципиента, ни у индуктора (активность в зонах повышенной сложности, неопределённости и т.д.).

«*Эффект нормативизации*» – появление или усиление у реципиента тенденции продуктивной активности в зонах повышенной популярности, определённости и т.д.

Для статистической обработки метаэффекты могут быть объединены в две группы: 1 – «эффекты резонанса – трансцендирования» (сюда включаются эффекты «резонанса, индивидуализации и трансцендирования») и 2 – «эффекты репрессии – нормативизации» (включаются эффекты «репрессии, отрицания, дублирования, деиндивидуализации, нормативизации»).

3. Обсуждение основных теоретических и прикладных результатов исследования

Экспериментальное исследование выявило условия взаимодействия субъектов в совместной творческой деятельности, при которых индивидуализация и интеграция личности оказываются интенсивными, обеспечивая развитие личности и общности в совместной творческой деятельности[14; 15].

Характеристика выборки

Проверка *основной гипотезы исследования* об обусловленности индивидуализации и интеграции личности формами взаимной активности субъектов в совместной творческой деятельности проводилась по трем программам, в которых различались контролируемые условия взаимодействия субъектов в совместной деятельности (гомогенность или гетерогенность групп по профессиональному составу, доверительность отношений). Выборка экспериментального исследования включала студентов-музыкантов и студентов-математиков (114 человек).

Индивидуализация и интеграция личности и формы взаимной активности субъектов

Изучение индивидуализации и интеграции личности при варьировании условий взаимодействия субъектов в совместной творческой деятельности дало возможность обнаружить обусловленность этих процессов формами взаимной активности субъектов. Особенности форм взаимной активности субъектов обусловливают изменение или сохранение свойственных им форм собственной активности за пределами совместной творческой деятельности, сужение или расширение диапазона специфических проявлений активности в индивидуальной творческой деятельности.

Выявлены взаимосвязи особенностей порождаемой субъектами взаимной активности в процессе совместного творчества и отсроченных эффектов влияний в индивидуальном творчестве.

Эффективность восхождения к общему

Если в совместной творческой деятельности субъектов порождается встречная продуктивная активность, ориентированная на общий смысл (диагностируется «эффект восхождения к общему»), то процессы личностной индивидуализации и интеграции усиливаются (в последующей индивидуальной творческой деятельности диагностируются «метаэффекты резонанса-трансцендирования»).

Если в совместной творческой деятельности субъектов порождается автономная продуктивная активность с независимой смысловой ориентацией (диагностируется «эффект согласованного выбора общего»), то эти процессы блокируются (в последующей индивидуальной творческой деятельности диагностируются «метаэффекты репрессии-нормативизации»).

Формы взаимной активности субъектов как синергетические возможности творческого лидерства

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что формы взаимной активности субъектов в совместной деятельности обусловливают направление и интенсивность индивидуализации личности (как поиск нового и усиление своеобразного) и интеграции личности (как присвоение нового, индивидуально-

своеобразного другими). Формы взаимной активности субъектов проявляют их *возможности самоорганизации в совместной деятельности в условиях неопределенности.*

Творческое лидерство как синхронизация встречной активности

При этом собственно творческое лидерство субъекта проявляется как возможность *синхронизации встречной активности* других субъектов на смысловом уровне, как поддержка субъектом действий других на собственной «авторской территории» и превращение ее в «территорию соавторскую». Только при условии реализации способности к такой *синергии взаимодействия* субъект с индивидуальным творческим стилем («надситуативным стилем») становится *творческим лидером*, способным актуализировать творческие ресурсы других (способным к специфическим персонализирующим влияниям).

Индивидуализация и интеграция личности: интерперсональная обусловленность

Выявленный характер взаимосвязи направления и интенсивности индивидуализации и интеграции личности и форм взаимной активности субъектов в совместной творческой деятельности сохраняется при любых условиях взаимодействия (в гомогенных или гетерогенных группах по профессиональному составу, доверительности отношений).

Результаты исследования подтвердили предлагаемый в концепции персонализации интерперсональный характер индивидуализации и интеграции личности: понимание *индивидуализации личности* как собственных специфических изменений, связанных с отражением ею других людей, а *интеграции личности* как изменений индивидуальности других, детерминированных ее способностью порождать в них встречную активность [14].

Практическое применение результатов исследования

Технология выявления в экспериментальном исследовании развивающих форм взаимной активности субъектов в последующем стала использоваться в тренингах творческих лидеров и креативных команд для формирования у субъектов способностей к творческому лидерству и совместной творческой деятельности. Наиболее эффективна данная модель совместной творческой деятельности для диагностических и обучающих программ руководителей и педагогов инновационных образовательных учреждений и команд топ-менеджеров инновационных предприятий.

---

1. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М., 2005.

2. *Дубов И.Г.* Ценности и поведение: анализ взаимосвязи // Базовые ценности россиян: Социальные уста-

новки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. – М., 2003. – С. 182–202.

3. *Грязева-Добшинская В.Г.* Методика диагностики отношения социальных субъектов к творческой личности // Вестник ЮУрГУ. – 2008. – Вып. 3. – С. 33–45.

4. *Ушаков Д.В.* Современные исследования творчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т. 2. – № 4. – С. 53–56.

5. *Фишер Г.* Развитие социальной креативности: пусть все голоса будут услышаны // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т. 2. – № 4. – С. 57–64.

6. *Домс М.* Инновации и влияние меньшинства // Социальная психология. – СПб., 2007. – С. 61–99.

7. *Абрик Ж.-К.* Креативность групп // Социальная психология. – СПб., 2007. – С. 207–226.

8. *Амабайл Т.* Как убить творческую инициативу // Креативное мышление в бизнесе. – М., 2006. – С. 9–35.

9. *Петровский А.В.* Проблемы развития личности с позиций социальной психологии // Вопросы психологии. – 1984.– № 4. – С. 15–29.

10. *Петровский В.А.* Личность в психологии. – Ростов-на-Дону, 1996.

11. *Дайл Д.* Трансформирующее действительность лидерство // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2004. – Т. 1. – № 2. – С. 96–109.

12. *Дафт Р.Л.* Уроки лидерства. – М., 2007.

13. *Грязева-Добшинская В.Г.* Инновационное лидерство: социально-психологическая программа для менеджеров // Социальная психология творчества. – 2007. – Челябинск, 2007.

14. *Грязева В.Г.* Индивидуализация и интеграция личности в совместной творческой деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1988.

15. *Грязева В.Г.* Эффекты межиндивидуальных влияний в совместной деятельности // Личность и межличностные отношения в коллективе. – Ульяновск, 1988. – С. 50–61.

16. *Грязева В.Г.* Методика «Периодическое стимульное пространство» в исследовании эффектов личностных воздействий // Теоретическая экспериментальная и практическая психология. – Челябинск, 2001. – Т. 3. – С. 67–88.

17. *Ярошевский М.Г.* Программно-ролевой подход к исследованию научного коллектива // Вопросы психологии. – 1978. – № 3. – С. 40–53.

18. *Пономарев Я.А.* Психологический механизм

группового (коллективного) решения творческих задач // Исследование психологических проблем психологии творчества. – М., 1983. – С. 279–295.

19. *Растяников А.В.* Рефлексивное развитие компетентности в совместном творчестве. – М., 2002.

20. *Степанов С.Ю.* Психология творчества и рефлексии в современных социальных практиках // Психология творчества. – М., 2006. – С. 482–511.

21. *Семенов И.Н.* Взаимодействие интуитивистики и рефлексики в философии и общей психологии творчества Я.А. Пономарева // Психология творчества. – М., 2006. – С. 438–452.

22. *Найденов М.И.* От первичной модели группового субъекта творчества – к «побочному продукту» групп-рефлексивной услуги // Психология творчества. – М., 2006. – С. 455–481.

23. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.; Воронеж, 1996.

ПРАКТИКА

Марина Мелия

АДЕКВАТНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КОУЧ-КОНСУЛЬТАНТА В СВЕТЕ ТРЕХМЕРНОЙ МОДЕЛИ «ЗНАЧИМОГО ДРУГОГО» А. В. ПЕТРОВСКОГО

Аннотация. *Статья посвящена новой психологической практике коучинга, которая представляет собой особую форму консультирования, ориентированную на саморазвитие личности в условиях творческого партнерства с ней. Ставится вопрос о способах адекватного позиционирования коуча в контакте с клиентами. Выделяется особая категория консультируемых – так называемые первые лица компании. Отмечается, что первые лица по своей позиции существенно отличаются от занимающих высокую позицию, но исполняющих решения других. Анализируется специфика обращения первых лиц к поддержке коуча. Рассматриваются ресурсы работы с клиентом, открываемые трехмерной моделью «значимого другого» А. В. Петровского.*

Ключевые слова: *коучинг; первые лица; позиционирование; творческое партнерство; субъектность; самооценка; «значимый другой»; партнерство.*

Abstract. *The article is devoted to the new psychological practice of coaching which is a specific form of consulting oriented at construction of a goal for person's self-development in the conditions of creative partnership. The problem of ways of adequate positioning of a coach in the contact with clients is raised. Specific category of so-called "first faces" of a company is specified. It is "marked that "first faces" according to their position differ from those whose status is high but they are to fulfill other persons' decisions. Specificity of turning of the "first faces" to coach's assistant is analyzed. Resources of A. V. Petrovsky's tree-factor model of "significant other" for work with a client are discussed.*

Keywords: *coaching; first faces; positioning; creative partnership; subjectity, self-esteem; "significant other"; partnership.*

Коучинг востребован и популярен

Одной из наиболее популярных и востребованных услуг на российском рынке практической психологии в настоящее время является коучинг. Понятие «коучинг» появилось в русском языке сравнительно недавно – в середине 90-х годов XX века. А сегодня мы слышим об executive-коучинге и коуч-менеджменте, мотивационном, экзистенциальном и стратегическом коучинге и даже... о продажах в стиле «коучинг».

Коучинг – особая форма консультирования

Клиентами коуча чаще всего становятся руководители компаний, то есть люди, добившиеся успеха. Поэтому коуч не учит и не менторствует, а пытается внимательно вглядеться и понять, чтó дает клиенту возможность добиваться успеха, помогает ему увидеть себя и свой бизнес со стороны. Коучинг – особая форма консультирования, своеобразное творческое партнерство. Это постоянный диалог, обсуждение происходящего, центрированное на эффективных стратегиях, а не на ошибках и промахах. Хотя прошлый опыт также может быть объектом совместного обсуждения. Это серьезная напряженная работа, требующая от клиента открытости и доверия.

Коуч – независимый специалист, не включенный в бизнес

Вопрос адекватного позиционирования коуча – один из самых важных. Люди из ближнего окружения клиента эмоционально включены в процессы, происходящие в организации; они имеют собственные интересы, а потому не могут быть равными партнерами, объективными и беспристрастными собеседниками. В любом случае они входят в так называемое зависимое окружение. Преимущество контактов с коуч-консультантом – в его полной независимости от компании клиента. Коуч не может быть включен в структуру организации. Эту позицию может занимать только независимый специалист: не сотрудник, не подчиненный, не конкурент, не партнер, а внешний консультант. Он остается вне бизнеса клиента, системы его связей и отношений и не имеет в этой системе своего прагматического интереса. Только так он может работать заинтересованно, продуктивно, соблюдая полную конфиденциальность.

1. Особенности клиентов в коуч-консультировании

Первые лица нуждаются в независимом собеседнике

Есть люди, для которых принятие судьбоносных решений – ежедневная работа. В бизнесе их называют по-разному: альфа-лидеры, топы, випы. Мне нравится определение «первые лица», которое подчеркивает особенность их позиции: это люди, которые принимают решения, несут за них ответственность и первыми принимают удар на себя. Это значит, что их проблемы –

квинтэссенция тех проблем, которые в той или иной степени знакомы каждому из нас, но у этих людей – первопроходцев – положение сложное. Они строят свой бизнес в условиях жесткой российской действительности. Они обладают такими ярко выраженными качествами, которые, с одной стороны, им помогают, а с другой – создают проблемы. Именно поэтому первые лица нуждаются в адекватном независимом от них собеседнике. Для человека, находящегося на вершине, возможность полноценного диалога трудно переоценить.

Первые лица сравнимы по степени ответственности за принимаемые ими решения

Когда я говорю «первые лица», то имею в виду определенный тип людей – создателей и владельцев бизнеса, высших руководителей компаний, от решений и поступков которых зависят не только их собственный бизнес, но и судьбы многих людей. Между первой и любой другой позицией в организации – огромная дистанция. Как ни парадоксально, но между владельцем корпорации и хозяином маленькой авторемонтной мастерской различий меньше, чем между первым и вторым лицом крупной компании. Все первые лица сравнимы по степени ответственности за принимаемые ими решения, но имеют существенное отличие от тех людей, которые, даже занимая самую высокую позицию, исполняют решения других (например, реализуют стратегию совета директоров).

Последствия принимаемых решений могут коснуться судеб тысяч и тысяч людей

Первым лицам приходится принимать стратегические решения, от которых зависит судьба их бизнеса, и делать это зачастую в ситуации полной неопределенности, без всяких гарантий успеха. Чем крупнее компания, чем больше людей в ней работает, тем выше цена каждого шага, сло́ва и поступка руководителя. Говоря о цене, я имею в виду не столько деньги (хотя порой счет идет на миллионы и миллиарды), сколько последствия принимаемых решений: они могут коснуться судеб тысяч и тысяч людей и даже отразиться на экономике страны.

Первые лица тоже испытывают кризисы

Бывают периоды, когда услуги коуч-консультанта жизненно необходимы даже самому успешному человеку. Я имею в виду кризисные ситуации, которые случаются у любого. Именно в такие моменты, как никогда, нужны стойкость, сила духа, вера в себя, терпение, смелость, умение преодолевать преграды на пути к цели. Чем масштабнее личность, тем сильнее проявляются кризисы. В судьбах таких людей все более ярко и мощно: если успех – то рекорд, если кризис – то почти катастрофа.

Огромная ответственность, которая лежит на пле-

чах любого, в том числе очень успешного руководителя, мощное переживание кризисов, наличие зависимого окружения – все это серьезные поводы для обращения к услугам консультанта. Но есть еще несколько причин, которые приводят таких людей к коучингу.

Коучинг – ответственная инвестиция первых лиц в себя

Во-первых, будучи обеспеченными людьми, они готовы «инвестировать в себя», в свое развитие и оплачивать достаточно дорогие услуги коуч-консультанта.

Во-вторых, это люди с высокой самооценкой, не скованные предрассудками, которые мешают большинству из нас обращаться за советом к консультанту. Я заметила, что самые успешные и уверенные из моих клиентов открыто говорят о том, что работают с коучем. Менее уверенные в себе пытаются это скрыть, замаскировать.

В-третьих, они открыты для всего нового, смело экспериментируют, «подгребают» ситуацию под себя, максимально используя ее для своего успеха. Коучинг они тоже выделяют из внешней среды как фактор, способный принести им пользу.

Чем большего хочет добиться первое лицо, тем в большей мере он нуждается во внешнем взгляде

Чем выше критичность ситуации, в которой находится человек, чем меньше удовлетворяют его представления о самом себе, чем большего он хочет добиться, тем в большей мере он нуждается во внешнем взгляде. Особенно заинтересованы в Другом, в его «отстраненном», независимом взгляде первые лица – они постоянно находятся в зависимом окружении и, как никто другой, чувствуют дефицит обратной связи. Общаться на равных они могут только с внешним консультантом – автономным, независимым профессионалом.

2 . Источники коучинга

Три источника коучинга

Принято считать, что коучинг – изобретение XX века, что раньше не было ничего подобного, не существовало даже предпосылок для его появления. Однако, если отбросить ажиотаж, поднявшийся вокруг этой модной услуги, и сосредоточиться на ее сути – укрепляющем, позитивном влиянии одного человека на другого с целью мобилизации его сил и способностей, становится понятно, что коучинг возник не на пустом месте. Я вижу как минимум три источника его возникновения: первый – это институт советников-наставников, испокон веков существовавший при самых разных правителях, второй – психотерапия и практическая психология, которые начали формироваться на рубеже XIX и XX веков, третий – это организационное консультирование, заявившее о себе как о самостоятельном направлении в середине прошлого века [1].

Коучинг-революция в консультировании организации

Появление коучинга как самостоятельной консалтинговой услуги, дающей возможность руководителю обсуждать свои личностные проблемы, можно сравнить с революцией, которую произвел в медицине Зигмунд Фрейд, начавший лечить словом психосоматические заболевания. До появления коучинга консультанты «лечили» организацию: они совершенствовали бизнес-процессы или оптимизировали оргструктуру предприятия (хотя зачастую подспудно понимали, что источник «болезни» организации кроется в личностных особенностях её руководителя).

Консультант, рассматривая проблемы организации, как правило, все чаще направлял свое внимание на законы группы, а личные проблемы руководителя оставались вне его поля зрения. Даже во время консультационного диалога «с глазу на глаз» разговор о личных проблемах рассматривался как уход от основной темы, как «пустяки, не имеющие отношения к делу», или даже как защитная реакция клиента. Как ни парадоксально, но руководитель организации, с одной стороны, человек успешный, «здоровый и богатый», а с другой – имеющий гораздо больше проблем и в личной, и в деловой жизни, чем любой рядовой сотрудник, оставался со своими проблемами один на один.

Коучинг легитимизировал интерес к личности руководителя

Коучинг легитимизировал интерес консультанта к индивидуальности руководителя, узаконил отношение к руководителю как к личности, а не только как к носителю функционально-ролевых ожиданий.

В результате родился новый вид услуг, суть которого – сопровождение и поддержка руководителя с целью его развития и личностного роста. Эта модель отношений, зарекомендовавшая себя в работе с управленцами, сейчас с успехом применяется в самых разных сферах человеческого взаимодействия.

3. Вклад психологов и психотерапевтов в коуч-консультирование

Каждый коуч-консультант формулирует свою концепцию работы

На каждом этапе профессионального развития коуч-консультанты снова и снова обращаются за советом к классикам, открывают новое и важное в том, что, казалось, уже хорошо было известно и пять, и десять лет назад.

Несмотря на наличие общей теории консультирования, каждый коуч-консультант формулирует свою концепцию работы, исходя из собственных профессиональных целей, подготовки, опыта, характера и т. д., тем не менее он постоянно обращается к наследию великих психологов и психотерапевтов: Альфреда Адлера, Карла

Густава Юнга, Эриха Фромма, Карла Роджерса, Виктора Франкла и других [2]. Самое ценное, на мой взгляд, то, что при всем разнообразии теоретических и практических подходов эти ученые верили в силу человека, в возможность его развития, уникальность и позитивные качества каждой личности.

Цель жизни каждого человека индивидуальна и уникальна

Альфред Адлер был убежден, что объяснить поведение человека можно, только поняв его цели (целевые установки). Целевая установка, которую сам индивид далеко не всегда сознает, определяет линию его жизни, его «жизненный план» и формирует долговременную стратегическую направленность поведения. Человек вырабатывает свою специфическую цель – и она становится его жизненным ориентиром. Что именно он выберет, зависит от личного опыта, ценностей, склонностей и личностных качеств. Цель жизни далеко не всегда ясна и осознанна, у каждого она индивидуальна и уникальна.

Парадигма воспитательного диалога

Согласно А. Адлеру, одна из важнейших миссий консультанта – помочь пациенту понять свой жизненный стиль. Каждый человек – это единство индивидуальных качеств, которое проявляется неповторимым образом. Он – и картина, и художник, творец собственной личности. Поэтому реальных изменений в своем состоянии пациент может достичь только своим трудом. От консультанта он получает поддержку и возможность сотрудничать, но самое трудное – понять и изменить себя. Речь идет о переходе к особому типу взаимодействия с пациентом – не лечению, а воспитательному диалогу.

Основой работы терапевта с пациентом А. Адлер считал взаимодействие двух личностей. Эта идея А. Адлера легла в основу нового направления психологической практики, ориентированного, прежде всего, на психологическую поддержку пациента.

Так, параллельно с психологической практикой, понимаемой как лечение, оформилась практика, понимаемая как психологическая поддержка. Она и вошла составной частью в консультирование того вида, которое мы называем сегодня психологическим коучингом.

Работать с клиентом, исходя из его личностной целостности

Карл Густав Юнг рассматривал человеческую жизнь как стремление к индивидуации, к обретению «самости». Индивидуация, с одной стороны, предполагает целостность, а с другой – сложную внутреннюю дифференциацию, способствующую развитию личности.

Работать с клиентом без понимания всей сложности его личностной организации невозможно. Если проблемы руководителя обусловлены глубинными причинами, а коуч-консультант их не видит или не умеет работать с

ними и пытается воздействовать лишь на поведение клиента, то его консультации окажутся в лучшем случае бесполезными, а в худшем – причинят вред.

Коуч-консультирование – совместное с клиентом осмысление противоречивости и целостности его уникальной личности

Поддержкой для коуч-консультанта, который чего-то не знает или не умеет, не все методы освоил, не все нужные книги прочитал и боится браться за консультирование, может стать такая мысль К. Г. Юнга: «Отличительная черта психотерапии заключается в том, что нельзя, зная несколько рецептов, применять их более или менее к месту. Психотерапевт может добиться излечения лишь при соблюдении главного условия, которое заключается в том, чтобы понять пациента как психологическое целое, найти к нему подход как к человеку, оставив в стороне теорию, и внимательно выслушать то, что он скажет» [3, с. 103].

Самое главное – попытаться понять клиента. Каждая сессия коуч-консультирования представляет собой эту трудную и увлекательную работу – совместное осмысление противоречивости и целостности уникальной личности клиента.

Самопознание клиента – цель терапии

Эрих Фромм обозначил главные экзистенциальные проблемы человечества, над решением которых люди бились и бьются до сих пор и на которые нет и никогда не будет однозначных ответов.

Каждый пытается решить эти неразрешимые проблемы в контакте с окружающим миром, вступая в диалог со значимым Другим. Этим Другим может быть и коуч-консультант.

Э. Фромм настаивал, что понять человека можно, только проанализировав его экзистенциальные потребности: в установлении связей, единении с другими людьми; в преодолении себя, желании подняться над пассивным, случайным существованием и попасть в «царство целеустремленности и свободы»; «укорениться» в этом мире, преодолевая чувство изоляции и беспомощности, ощутить прочность и безопасность бытия; в самоидентичности – осознании себя отдельной сущностью; в системе ценностей.

Целью терапии Э. Фромм считал самопознание пациента, поскольку, не зная себя, мы не способны познать другого человека. Терапия должна быть построена на межличностных отношениях психотерапевта и пациента. Терапевт должен относиться к пациенту как человек к человеку, с предельным вниманием и предельной искренностью. Благодаря такому отношению пациент чувствует, что общается со специалистом как равный с равным, а не проходит курс лечения.

Умелый наставник не пытается заставить всех подопечных следовать единому образцу

Абрахам Маслоу связывал свою психологическую работу с проблематикой личностного роста и развития. Он изучал положительные стороны человеческого опыта и выводил свои представления о личности из исследований активных, креативных и состоявшихся людей.

В своей теории мотивации А. Маслоу выделил базовые потребности и метапотребности. К базовым он отнес потребности в пище, безопасности, одобрении, признании и т.п. А к метапотребностям – потребности в справедливости, доброте, красоте, порядке, единстве, способствующие личностному росту и самореализации. Именно с последними и работает коуч-консультант.

Согласно А. Маслоу, психотерапия может быть эффективной, в первую очередь, потому, что предполагает глубокие и доверительные отношения психотерапевта с пациентом. Как и А. Адлер, А. Маслоу считал, что хороший психотерапевт подобен старшему брату или сестре, то есть заботливому и любящему человеку. Но, кроме такой модели психотерапии, А. Маслоу предлагал модель, аналогичную “Taoist helper” («даосскому помощнику»): человек предлагает свою помощь, но ни во что не вмешивается. В чем-то такая модель помощи напоминает работу хорошего тренера, который развивает природные данные спортсмена, шлифуя и подчеркивая особенности его индивидуальности, но не пытается заставить всех подопечных следовать единому образцу.

Человек может решить свои проблемы при минимальном вмешательстве консультанта

Согласно Карлу Роджерсу, психотерапия предполагает отношение консультанта к клиенту не как ученого к объекту изучения, не как врача к пациенту, а как человека к человеку. Это означает, что консультант принимает клиента со всеми его достоинствами и недостатками, ценит и уважает его как личность, независимо от его положения, поведения или настроения. В то же время и сам консультант имеет право искренне выражать свои истинные чувства.

К. Роджерс сформулировал основные принципы гуманистической психотерапии: безоценочное, безусловное позитивное отношение терапевта к клиенту; эмпатия; конгруэнтность как подлинность, открытость, честность консультанта; отказ от «директивности» психотерапии.

К. Роджерс обобщил собственную жизненную позицию цитатой из «Лао-цзы»: «Если я не вмешиваюсь в дела людей, они заботятся о себе сами; если я не командую людьми, они действуют сами; если я не читаю проповеди, они совершенствуются сами; если я не навязываю людям свои взгляды, они становятся самими собой».

В терапии, согласно К. Роджерсу, человек сам делает все для того, чтобы решить свои проблемы при минимальном вмешательстве консультанта.

Субъектность клиента в терапии: клиент свободен в выборе и несет за него ответственность

Виктор Франкл видел задачу экзистенциального анализа и логотерапии в том, чтобы помочь человеку максимально сосредоточиться на своей жизненной цели. Любые ценности рассматриваются с точки зрения отдельной личности, находящейся в уникальной ситуации.

Для коуч-консультанта важно то, что в работе с клиентами В. Франкл обращал внимание не на симптомы, комплексы и другие отрицательные проявления личности, а напротив – на индивидуальность человека, осознанность его существования, ответственность за свой выбор и свой путь. Фокус внимания перенесен с прошлого на будущее, с проблем – на возможности, с болезни – на развитие, осмысление собственного пути, на определение смысла своей жизни. Терапевт может сопровождать клиента в этом поиске, но не должен навязывать ему направление движения. Благодаря В. Франклу отношения терапевта и клиента изменились с объектных на субъектные: первый понимает и принимает систему ценностей второго, клиент свободен в выборе и несет за него ответственность.

Терапия – встреча неповторимых личностей

Ролло Мэй был убежден, что человек в значительной мере ответствен за то, каков он есть и как складывается его жизненный путь. А работа психотерапевта заключается в том, чтобы помочь людям обрести эту свободу для осознания и реализации своих возможностей.

По мнению Р. Мэя, терапевту следует установить доверительные отношения с пациентом. Это поможет клиенту лучше понять себя и, возможно, бросить вызов собственной судьбе, отчаянию, тревоге, чувству вины. Должна состояться встреча один на один неповторимых личностей – терапевта и пациента.

Каким образом терапевт помогает пациентам стать людьми свободными и ответственными? Р. Мэй не давал конкретных рецептов. Так и коуч-консультант не предлагает определенного набора техник и приемов «на все случаи жизни», а апеллирует к личности клиента, ее уникальным качествам и опыту.

Стать Взрослым, чтобы изменить свой жизненный сценарий

Эрик Берн, основатель транзактного анализа, ввел в обиход психотерапевтов такие понятия, как «модель состояний "Я"», «сценарий жизни», «автономия», «контрактный метод», «открытая коммуникация».

Психотерапия, по Э. Берну, должна происходить на уровне Взрослый – Взрослый. Цель в том, чтобы научиться выделять состояния Взрослого как в собственном

сознании и поведении, так и в сознании и поведении других, добиваясь общения Взрослого со Взрослым, причем честного и доброжелательного.

В коуч-консультировании транзактный анализ незаменим при работе над жизненными сценариями, при анализе межличностных конфликтов и при работе по адекватному позиционированию.

Очевидно, что изучение постулатов великих психотерапевтов имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение для всех нас, вне зависимости от профессии. Ведь сформулированные ими «правила» помогают нам взаимодействовать с людьми: консультанту – с клиентами, руководителю – с сотрудниками, да и всем нам – друг с другом.

4. Коуч как «значимый другой»

Трехфакторная модель «значимого другого» А. В. Петровского

В этом ряду великих психологов и психотерапевтов, идеи которых повлияли на развитие коучинга, значительное место занимает выдающийся российский психолог Артур Владимирович Петровский, чья трехфакторная модель «значимого другого» расширяет и обогащает наши представления об эффективном взаимодействии коуча и клиента [4].

Первый фактор этой модели – авторитет, который проявляется в признании за «значимым другим» права принимать ответственные решения. Это значит, что окружающие могут полагаться на его честность, принципиальность, компетентность. Для клиента эта референтность коуча выражается в том, что клиент признает его право давать советы, прислушивается к его мнению. «Антиреферентность» же приведет к тому, что клиенты будут отвергать даже доброжелательные и вполне разумные советы и предложения коуча.

Второй фактор – эмоциональный статус «значимого другого» (аттракция), его способность привлекать или отталкивать окружающих, вызывать симпатию или антипатию. Если коуч клиенту не симпатичен, то никакие его статусы и регалии, его профессионализм и понимание особенностей бизнеса клиента, не будут являться достаточно значимыми и положительно влиять на процесс консультирования.

И, наконец, третий фактор – «статус власти». Научные степени, наличие собственной компании и вип-клиентов добавляют коучу статусных рангов и создают «эффект ореола власти», благодаря которому он может давать клиенту «психотерапевтическое разрешение» на определенные поступки.

Симметричные отношения, в которых оба участника являются взаимно значимыми, ведут к полноценному и продуктивному диалогу

Трехмерная модель «значимого другого» А. В. Петровского помогает коуч-консультанту расставить необходимые ориентиры для понимания механизма воздействия на клиента. Причем, в отличие от многих других видов деятельности, в коуч-консультировании все три фактора должны быть не только «плюсовыми», но и выраженными в значительной степени.

Такая позиция соответствует «божеству» в концепции Петровского. Но можно ли вести диалог с «божеством»? Можно, если и для коуча клиент является «божеством» – «значимым другим» по всем параметрам репрезентативности. Именно симметричные отношения, в которых оба участника являются взаимно значимыми, ведут к полноценному и продуктивному диалогу.

5. Клиент как «значимый другой»

Принятие решения самим клиентом как основа его авторитета для коуча

Каким видит коуч-консультант своего клиента с точки зрения трехфакторной модели А. В. Петровского?

Является ли клиент для коуча авторитетом? Безусловно, принятие всех решений всегда остается за клиентом – это основа коучинга. Коуч может только раскрыть и прояснить ему ситуацию, показать возможные пути, обозначить плюсы и минусы – как будто зажечь свет в темной комнате. А как именно выходить ему из этой «темной комнаты», решает клиент. Если коуч относится к этому иначе, то консультирование не может быть полноценным.

Эмоциональная теплота по отношению к клиенту – источник его изменений в коуч-консультировании

Если рассматривать эмоциональный статус клиента, то понятно, что вкладываться энергетически коуч может только в том случае, когда клиент ему приятен и небезразличен. Я всегда говорю о том, что в коуч-консультировании необходима первичная встреча, на которой оба участника понимают, насколько могут взаимодействовать друг с другом и возникает ли между ними определенное эмоциональное напряжение, которое будет «подогревать» этот сложный процесс. И клиент всегда чувствует, если он интересен, если им восхищаются, если есть какая-то эмоциональная теплота по отношению к нему.

Ореол власти, харизма и масштаб личности клиента как фактор «значимого другого» и источник саморазвития его личности

Что же касается статуса власти, то коуч-консультирование обычно происходит с руководителями крупных компаний или политиками, людьми, которые обладают властными полномочиями в отношении достаточно большого количества людей. От их решения зависит очень многое. Например, от того, какой бизнес-проект после выхода из кабинета коуча выберет клиент, будет зависеть судьба очень многих людей: получат ли они

работу, в каком городе будут жить, будут ли построены новые заводы и дома... Этот «статус власти» тоже влияет на энергетику процесса консультирования.

Что интересно, на момент консультирования клиент по формальным показателям может не обладать статусом власти. Например, он пришел к коучу в ситуации кризиса, когда потерял все: бизнес, деньги, команду. Но ореол власти, харизма и масштаб личности все равно этот фактор «значимого другого» выводят в плюс.

Таким образом, если хотя бы по одному фактору коуч не воспринимает клиента как «значимого другого», то тогда ему лучше отказаться от работы с таким клиентом – процесс не пойдет и заведомо будет неэффективным.

6. Диалог «значимых других»

Полноценный диалог могут вести только равные партнеры

Реальный, настоящий процесс коуч-консультирования – это диалог. Коуч должен быть «значимым другим» для клиента, но и клиент должен быть «значимым другим» для коуча.

Полноценный диалог могут вести только равные партнеры. Доверие рушится, если хотя бы один из участников диалога пытается занять позицию «сверху» или «снизу», нарушает дистанцию в общении или выходит за установленные границы. Как только нарушается это тонкое и живое равновесие, консультант и клиент попадают в одну из ловушек неадекватного позиционирования. Самые распространенные из них – «учитель» и «слуга» [5].

Ловушки неадекватного позиционирования

Учитель. В этой позиции консультант учит, советует, оценивает, хвалит и даже ругает клиента, дает ему советы и вообще наставляет на путь истинный. «Я знаю почему, я знаю что, я знаю как», – уверен консультант. Он находится как бы «над» клиентом. Он – «носитель истины», поскольку читал К.Г. Юнга, Э. Фромма, З. Фрейда, Ф. Ницше, Р. Коллинза и знает много «заковыристых» слов. Подобная позиция по отношению к клиенту – человеку, который многого добился в жизни, – крайне неадекватна, так как консультант в этом случае пытается обесценить его успех.

Он сыплет терминами, ставит клиента в позицию ученика, исполнителя своих великих, правильных идей. А если тот «не слушается», значит, он чего-то в этой жизни не понимает.

Иногда клиент сам невольно заманивает коуча в эту ловушку, провоцируя, например, таким вопросом: «Что конкретно надо делать в этой ситуации? Скажите – ведь вы-то знаете!»

Ответственность за принятие решения вызывает тревогу

Каких бы высот ни достиг клиент, ответственность за принятие решения вызывает у него тревогу, как у любого человека. И если появляется всезнающий «учитель», «ученик» с радостью перекладывает ответственность на него. Такова человеческая природа. Между тем, решая за клиента, консультант становится не только соавтором его побед, но и «козлом отпущения». В случае неудачи клиент может начать винить консультанта за неверные советы и подчас делать это в присутствии других, тем самым ставя его в один ряд с проштрафившимися подчиненными.

Однако мало того, что назначивший себя «учителем» консультант закономерно оказывается в позиции «провинившегося ученика». В такой ситуации страдают не только самолюбие и авторитет консультанта, главное – страдает дело.

Слуга. Попав в эту ловушку, консультант соглашается, слушается, преклоняется, восхищается, находится как бы «под» клиентом. Что бы ни говорил клиент, все воспринимается как истина в последней инстанции. В поведении консультанта даже сквозит подобострастие, он полон желания сделать все, что клиенту угодно, занимая обслуживающую позицию. Этот заведомый отказ от собственного взгляда, собственного голоса – своеобразная одержимость клиентом. И тогда консультант – уже не партнер по диалогу, не собеседник, а поклонник, болельщик, фанат клиента. Никакого реального процесса консультирования нет, исполняется все – по принципу «чего изволите». Клиенты коуча в определенном смысле привыкли давить на людей своим авторитетом, заставлять их оправдываться и испытывать чувство вины. И поэтому диалог с настоящим «значимым другим» дает им очень много.

Когда возможны принципы сотрудничества и разделенной ответственности

Если консультант не ведется на уловки клиента, адекватно себя позиционирует и считает себя «значимым другим» для клиента, реально ощущает в себе силу и воздействие всех трех факторов, но при этом то же самое признает за своим клиентом, только тогда и возможно соблюдение принципа сотрудничества и разделенной ответственности. Этот принцип предполагает, что клиент осознаёт свое «авторство» по отношению не только к своим успехам, но и к своим проблемам, а также к тем жизненным обстоятельствам, в которых он оказался и которые, по всей видимости, побудили его обратиться к консультанту. Это касается и тех решений, которые принимаются в ходе консультирования, и действий по их реализации. Осознание и разделение ответ-

ственности создает базу для сотрудничества двух самодостаточных и автономных личностей, каждая из которых обладает своими правами и обязанностями.

Итак, мы видим, что адекватное позиционирование коуча – ключ к результативному процессу консультирования. И весомый вклад в понимание и осознание профессионального позиционирования коуч-консультанта вносит концепция А. В. Петровского о «значимом другом».

---

1. *Мелия М.* Как усилить свою силу? Коучинг. – 2-е изд. – М., 2012.

2. *Мелия М.* Великие психотерапевты – коучингу // Harvard BusinessReview. – 2012 (сентябрь).

3. *Фрейджер Р., Фейдимен Д.* Личность. Теории, упражнения, эксперименты. – СПб., 2004.

4. *Петровский А. В.* Психология и время. – СПб., 2007.

5. *Мелия М.* Ловушка для консультанта // Harvard Business Review. – 2012 (май).

Александр Огнев, Эльвира Лихачева

КОГДА КОМАНДА – НЕ КОЛЛЕКТИВ, А КОЛЛЕКТИВ – НЕ КОМАНДА

Аннотация. *В статье предпринята попытка соотнести понятия «коллектив» и «команда». Представлен сопоставимый анализ современных представлений о команде в организационном консультировании и представлений о коллективе. Показано, что «командообразование» не подразумевает необходимости достичь гармонии в межличностных отношениях. Развиваются представления об исполнительной этике как пути сочетания личного благополучия и эффективности деятельности.*

Ключевые слова: *коллектив; команда; стратегии развития; нравственный климат; единство целей; ценностное единство; взаимная личностная значимость; исполнительная этика.*

Abstract. *Attempt to compare such notion as collective and team has been done in the article. Comparative analysis of modern conceptions about team in organizational consulting as well as about collective are presented. Teambuilding does not imply the necessity of achieving harmony in interpersonal relations. The notions of executive ethics as a way of combination of personal wellbeing with efficiency of activity are developed.*

Keywords: *collective; team; strategies of development; moral climate; unity of values; mutual personal significance; executive ethics.*

Сущность понятия «коллектив»

В наше время все чаще о работающих вместе людях говорят как о команде. Слово «команда» практически вытеснило из повседневной речи некогда более нам привычное понятие «коллектив». Сейчас их в лучшем случае многие воспринимают как синонимы. Но нередкими стали примеры, когда команда выдается как нечто более современное, прогрессивное и потому более предпочтительное. Правильно ли это? Одинаков ли тип социальных общностей, называемых командой и коллективом? И что мы теряем, считая богатую отечественную традицию изучения и построения коллективов бесполезной архаикой?

Семья как коллектив в теории А. В. Петровского

Не станем повторять ключевые положения теории коллектива. Они некогда были хорошо известны [1–5], а теперь попросту многими забыты. Вспомним просто замечательный пример одновременно глубокого и образного объяснения сути коллектива, оставленного нам А. В. Петровским.

Фирмой «Мелодия» в 1986 году была выпущена пластинка с лекцией А. В. Петровского «Семья как кол-

лектив». В этой лекции при определении сущности семьи как группы выделена, прежде всего, ее социальная функция – воспитание молодого поколения и обеспечение личного счастья людей. Условиями успешного выполнения этой функции названы взаимная моральная ответственность и действенная взаимопомощь. В тексте лекции буквально сказано, что обеспечение личного счастья каждого члена семьи и воспитание полноценного гражданина – сущность общей для всех членов семьи деятельности. Также отмечено, что цели общей для всей семьи деятельности выходят за рамки внутрисемейных отношений и являются социально заданными и социально ценными.

В этой лекции А. В. Петровский наглядно показывает, что не сплоченность вообще, а именно сплоченность при реализации своей основной социальной функции делает семью коллективом. Особо подчеркнуто, что нет ничего страшного в несогласии по отдельным житейским вопросам (за какую футбольную команду болеть, насколько хорош новый костюм отца и т.п.). Совсем другое дело, если несогласие возникает по вопросам, касающимся основной социальной функции семьи: какие знакомства допустимы, а какие – нет; как относиться к деньгам; как следует отдыхать и т.п.

Важнейшими атрибутами зрелого семейного коллектива А. В. Петровский назвал справедливость и взаимную предупредительность при распределении домашних обязанностей. Сама эта зрелось, по мнению А. В. Петровского, результат выбранной стратегии развития, реализуемых целей, сложившегося нравственного климата.

Современное представление о команде в организационном консультировании

Ну а что представляет собой команда? Обратимся к мнению одних из самых авторитетных специалистов по вопросам построения и реорганизации команд Яна Катценбаха и Дугласа Смита [6; 7].

В их понимании команда – это небольшое количество людей с комплементарными навыками, которые привержены общим намерениям, эффективным целям и общему подходу к работе, в рамках которых они считают себя взаимоответственными. При построении команды, по мнению Яна Катценбаха, следует отталкиваться от основных целей, которые должны быть достигнуты, а не от желания быть командой. Смысл в преобразовании рабочей группы в команду предопределяется стремлением увеличить эффективность бизнес-результатов: обслуживания клиентов, повышения качества, инноваций, реинжиниринга [6].

Оптимальный размер команды – от четырех до семи человек и редко более 10–12 человек. При больших размерах группа дробится на субкоманды из-за трудностей согласования специфических действий, сложностей разработки и исполнения единых планов и затруднений оперативного обмена информацией.

В числе ключевых комплементарных навыков, без которых команда эффективно работать не может, названы функциональные навыки (техника исполнения операций, которые входят в число ключевых для данного вида профессиональной деятельности) , а также навыки принятия согласованных решений и конструктивного межличностного общения.

Общность
в командной работе

Общность подходов в командной работе понимается как набор правил и обязательств, согласованность ролевого поведения с общей целью. При этом отмечено, что многие считают социальный аспект работы не относящимся к вопросам успешного создания и эффективного функционирования команды. Главное в команде – четкое понимание и исполнение своей роли каждым ее членом. Развитие честных и доверительных отношений рассматривается в командообразовании как момент желательный, но не обязательный. Хотя и полезный с точки зрения «подзарядки энергии».

«Коллектив»
и «команда»:
сопоставим
существующие
описания

Теперь попробуем не противопоставить, а именно сопоставить эти описания с целью определения их сходства и различия.

Команда: единство
целей, но не
ценностей

Первое, что сразу бросается в глаза, – требование высокой позитивной социальной значимости результата совместной деятельности той общности, которая обозначается понятием «коллектив». Системообразующее основание команды – это общность намерений ее членов.

Хрестоматийное определение коллектива включает в число его основных качеств ценностно-ориентационное единство входящих в него людей. Таким образом, для создания коллектива необходимо обеспечение единства не только целей, но и ценностей. Причем ценностей – в первую очередь. А вот в числе основных признаков команды указывается только единство целей без строгой ориентации на единство ценностей.

Коллектив:
взаимовыручка
и взаимоподдержка
в отношениях;
команда – помощь
в достижении цели

Сплоченность как значимое свойство коллектива подразумевает взаимовыручку, а также взаимную поддержку и в быту, и в работе. Важная для команды слаженность означает согласование действий и готовность к помощи другим для достижения общей цели.

Взаимная личностная значимость: норма – для коллектива, «благое пожелание» – для команды

Ценностный аспект сплоченности коллектива состоит в том, что между его членами, наряду с общностью целей, есть еще и общность высокой личностной значимости друг друга. В коллективе доброжелательность, бескорыстие, взаимоуважение считаются нормой.

В команде все это в лучшем случае благое пожелание. В ней основной акцент делается на результативность, слаженность. Тут чрезвычайно важна ответственность за взятые на себя обязательства по отношению к другим членам команды. В коллективе (наряду с ответственностью перед своими товарищами) не менее, если не более, важна ответственность перед обществом.

Коллектив: нет жестких ограничений на численность; команда – ограничение численности как функция задачи

В отличие от команды, на коллектив никогда не накладывалось жестких ограничений в отношении его численности. Высокая социальная значимость его деятельности – это мощный стимул для сохранения идентификации даже с очень многочисленным коллективом. Интенсивная обратная связь, которая существует не только между членами коллектива, но и между коллективом и неравнодушным к его деятельности обществом, персонифицирует ответственность каждого входящего в него человека и за счет своей многогранности способствует полноценной корректировке в случае ее необходимости.

В случае командообразования вопрос об оптимальной численности решается как один из приоритетных. При этом обсуждаются такие темы, как целесообразность увеличения или уменьшения численности команды с учетом эффективности реализации намеченных замыслов, изменение содержания и взаимосвязи ролей с введением новых членов команды. В качестве возможного фактора риска для команды разбираются перспективы дробления ее на подгруппы в случае увеличения численности.

Коллектив: содействие в деле и персонализация содружественны; в команде – это избыточно

Даже в большом коллективе уместны претензии каждого человека на интеграцию и персонализацию одновременно. Но во многих командах подобные хлопоты могут быть восприняты как излишнее, ненужное обременение. В результате обязательная в коллективе помощь оказавшемуся в беде товарищу не является нормой для команды. Жестко ориентируясь на эффективность совместной работы, команда склонна избавляться от потерпевшего жизненную неудачу члена как от ненужного балласта. В связи с этим достаточно вспомнить ставшую теперь расхожей в подобных ситуациях фразу: «Извини! Тут ничего личного: бизнес есть бизнес!».

Прагматический уклон подразумевает необходимый уровень комплементарных навыков

Прагматический уклон подразумевает в ходе командообразования решение таких вопросов, как наличие у работников необходимого уровня комплементарных навыков, способность этот уровень поддерживать и при необходимости повышать. Взаимодополняющий характер навыков и степень их развития постоянно соотносятся с уровнем результативности совместной деятельности. Персональный фактор в этом случае учитывается лишь в связи с желанием и возможностью членов команды тратить время и усилия для того, чтобы помочь себе и другим в освоении недостающих и развитии имеющихся навыков.

Проблема взаимоотношений внутри коллектива

Вопрос о взаимоотношениях внутри коллектива всегда входил в число важнейших аспектов его существования. Исследователей и практиков всегда волновал вопрос о том, как гармонизировать развитие и личности, и коллектива, как сделать отношения между людьми в коллективе не только эффективными в производственном плане, но и просто человечными.

Еще раз подчеркнем, что, по мнению А.В. Петровского, в число главных признаков коллектива, наряду с высокой социальной значимостью производимого результата, входит высокий уровень самоценности каждого имеющегося в его составе человека. Это одна из основ ценностно-ориентационного единства. Каждому члену коллектива должно быть обеспечено личное благополучие. Если успешно справляющиеся со своими обязанностями люди чувствуют себя в коллективе некомфортно, то такой коллектив нездоров. Если недружелюбие стало нормой, то коллектив разваливается. Люди будут работать вместе, но перестанут быть коллективом. Зато даже заклятые враги с успехом могут слаженно работать над единым замыслом, оставаясь сильной командой.

Командообразование не подразумевает необходимости гармонии в личных отношениях

Среди вопросов командообразования общечеловеческий характер отношений относится к факультативным. Если члены команды уважают друг друга, дружат между собой – хорошо. Если взаимных симпатий не наблюдается, но работают слаженно, хотя друг друга и ненавидят, – ничего страшного: лишь бы дело спорилось! Если это положение представляется сомнительным, то можно обратиться к примеру взаимоотношений между музыкантами многих всемирно известных групп: весьма часто их отношения конфликтны.

Жажда человеческих отношений или голод по общему результату

Разумеется, было бы большой ошибкой считать, что психологи не уделяют внимания взаимоотношениям между членами команды. Вызывает уважение работа

коллег, разработавших богатый арсенал психотехнических средств, направленных на обеспечение единства намерений через отладку необходимого типа взаимоотношений. При командообразовании в этом случае основное внимание уделяется следующим вопросам: могут ли члены команды дать сходное описание того, к чему они стремятся? могут ли свои индивидуальные цели соотнести с общими целями и четко донести свое понимание до других членов команды? могут ли без потери общей эффективности обсуждать возникающие разногласия? Здесь важно взаимодействие, которое основано на фактах и на взаимооценке по полученным результатам. При прочих равных возможностях важным для коллектива чувствам симпатии и взаимоуважения в команде предпочтут чувство того, что выигрывает или проигрывает не кто-то отдельный, а вся команда целиком. Жажде человеческих отношений в команде предпочитают совместный голод по общему результату.

Не синонимы и не антонимы…

Как видно из проведенного сопоставления, понятия «коллектив» и «команда» ни синонимами, ни антонимами по отношению друг к другу не являются. Это разделение социальных общностей по разным основаниям, чрезвычайно важным для нашего благополучия и процветания.

Исполнительная этика: путь сочетания личного благополучия и эффективности деятельности

Исследования природы коллектива дали нам понимание закономерностей согласования интересов общества и групп людей, объединенных совместной деятельностью. В этом направлении разработаны методики диагностики степени благополучия человека в условиях совместной деятельности, средства гармонизации задач развития группы и входящих в ее состав личностей. В свою очередь, теория и практика построения и развития команд содержат множество средств повышения эффективности совместной работы. Одним из важных для современного общества достижений этого направления исследований является действенная система мер развития сильной исполнительской этики. Но если в угоду конъюнктурным соображениям мы начинаем огульно отказываться от наработок совсем недавнего прошлого, то очень быстро начинаем сталкиваться с пренеприятными последствиями.

Всегда ли понимают те, кто строит сильную команду и оставляет без внимания вопрос социальной значимости ее деятельности, что в итоге они могут получить некую мафиозную структуру? Знают ли те, кто жаждет от команд прорывных инноваций, что в этом случае им придется собирать вместе суперпрофессионалов? А такие

специалисты не станут терпеть пренебрежительного отношения к своей индивидуальности, невзирая ни на какую командную эффективность. Видимо, понимание значимости всего этого уже приходит. Не случайно многие специалисты по управленческому консультированию с большим вниманием следят за разработкой методов построения «позитивных организаций», которые должны быть ориентированы одновременно на процветание работника, самой организации и даже всей человеческой цивилизации [8]. Задача, несомненно, достойная. И мы уверены, что в ее решении не последнюю роль может сыграть богатейший отечественный опыт изучения, создания и развития коллективных форм совместной деятельности.

---

1. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. – М., 1982.

2. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. – М., 1985.

3. *Петровский А.В., Шпалинский В.В.* Социальная психология коллектива. – М., 1978.

4. Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива / Под ред. Б.Д. Парыгина. – Л., 1986.

5. *Яблокова Е.А.* Психология коллектива. – М., 1977.

6. *Katzenach Jon R., Smith D. K.* The Wisdom of Teams. – N.-Y., 2003.

7. *Katzenach Jon R.* Teams at the TOP. – Boston, 2001. – 238 p.

8. *Мандрикова Е.Ю.* Второй Всемирный конгресс по позитивной психологии: организационно-психологические аспекты // Организационная психология. – 2011. – Т. 1. – № 2. – С. 100–102.

. **Изабелла Котова**

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ИДЕЙ А.В. ПЕТРОВСКОГО О ЛИЧНОСТИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

Аннотация. *Глубина идей позволила А.В. Петровскому создать научную школу, каждый из членов которой получил возможность расти и развиваться в его конструктивной ауре. Проект автора этой статьи, заданный Учителем и другом, обязывает наращивать творчество, развивать и внедрять его идеи в реалии современного российского образования.*

Ключевые слова: *личность; развитие; субъектность; персонализация; самодетерминация; отраженная субъектность; деятельность; неадаптивная активность; индивидуализация.*

Abstract. *Deepness of his ideas, organizational talent, and human qualities enabled him to create scientific school each member of which had an opportunity of development and maturing in his kind-hearted and constructive aura. In the minds of Arthur Vladimirovich Petrovsky' collaborators and pupils he is alive. Personal Project that was set by the Teacher and friend oblige the author of this article to intensify creativity, develop and introduce his ideas in realities modern Russian education.*

Keywords: *personality; development; subjectity, personalization; self-determinetion; reflected subjectivity, activity, non-adaptive activity; individualization.*

Сто лет в поиске интегрального знания о человеке как личности

На всем протяжении XX столетия шел поиск адекватных определений личности, сопоставлялась их содержательная ценность, выявлялись основные проявления личности в общении, в разнообразных видах деятельности, уточнялась природа личности, детерминанты ее развития и становления, ставилась задача создания общепсихологической теории личности, апробировался методический инструментарий, расширялось и уточнялось феноменологическое пространство личности.

В психологии личность относится к числу важнейших психологических категорий. А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский подчеркивали, что именно в этом феномене оказываются интегрированы, к ней стянуты все другие категории: образ, действие, мотив, отношение [1].

Личностно-развивающая парадигма образования

Вопрос об уровне развития личности как одном из критериев качества образования определился в созна-

нии психологов вместе с переходом к новой парадигме образования, которая в течение ряда десятилетий пыталась найти свое собственное имя. Так, названная вначале личностно-ориентированной», она затем была трансформирована в личностно-развивающую. Сегодня ее все чаще называют личностно-смысловой. Независимо от названия, эта парадигма сфокусирована на развитии личности как главной задаче всех образовательных институтов. Однако эта задача была сформулирована раньше, чем вызрел дисциплинарный и категориальный статусы психологии личности. И потому усилия нескольких поколений «личностников» испытывали некую неловкость за явную декларативность новой парадигмы образования, недостаточную проработку ее теоретико-методологических основ и еще более слабое технологическое воплощение.

Ряд идей, касающихся принципов изучения и развития личности, провозглашаемых сегодня как новые, были в центре внимания общественных деятелей и ученых второй половины XIX – начала XX века: П.Ф. Лесгафта, К.И. Пирогова, К.Д. Ушинского, В.М. Бехтерева, И.А. Сикорского, А.П. Нечаева, М.М. Рубинштейна, П.Ф. Каптерева и других. В работах названных авторов нашли отражение гуманистические традиции в подходе к человеку и его воспитанию; в них были провозглашены *нравственные идеалы добра* и *справедливости*, характерные для русской либеральной интеллигенции и русской науки.

Отечественная психология личности: амбивалентность ситуации

Созвучие целому ряду «личностных идей» мы находим в работах К.Д. Ушинского. Это касается, прежде всего, роли деятельности и активности самого ребенка. К настоящему времени накоплены достаточные теоретические и экспериментальные знания, позволяющие обратиться к проблеме развития личности, к осмыслению основных этапов ее исследования, оценке вклада выдающихся отечественных ученых в ее разработку.

Нами была предпринята попытка реконструкции движения психологических идей, связанных с развитием личности как одной из наиболее значимых областей психологии. Изучение проблемы развития личности представляется актуальным в связи с социальными изменениями, происходящими в России. Ситуация, сложившаяся с осмыслением теории и практики отечественной психологии личности, амбивалентна. Это проявляется в тенденции к критической оценке развития психологии в советский период и к переоценке достижений предсоветского и постсоветского периодов ее разви-

тия. Это в полной мере относится и к области психологии развития личности. В работах, А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского неоднократно отмечалось, что теоретико-методологический анализ развития личности еще не стал предметом специальных исследований, а динамика исследований по этой проблеме представлена фрагментарно [1; 2].

Теория и практика психологии личности: многовариантность и отсутствие единства взглядов

Психология личности как научная дисциплина находится на этапе своего становления и далека от зрелости и завершенности. Наряду с богатством фундаментальных исследований и оригинальных экспериментальных фактов, психологию личности характеризует множество нерешенных проблем, разрозненных эмпирических данных и не пересекающихся друг с другом научных направлений.

Столкновение мнений между представителями различных направлений начинается уже в самом исходном пункте психологического анализа личности и проявляется в сущностном вопросе: что представляет собой феноменология в этой области психологии. По мнению А.Г. Асмолова, это свидетельствует о том, что в стремительно развивающейся психологии личности отсутствует единый логический стержень, который позволил бы рассматривать данную область психологической науки как целостную систему знаний [3].

Определить наиболее перспективные идеи практически невозможно

Определить наиболее плодотворные идеи, вычленить необходимые практическим работникам диагностические и коррекционные методики, вооружить научными представлениями и понятиями, необходимыми для самопознания и саморазвития, провести научный анализ степени разработанности проблемы личности и ее феноменологии. В связи с этим возникла острая потребность в теоретических и исторических работах по психологии личности, которые бы позволили упорядочить фактологический экспериментальный материал и многочисленные теоретические концепции, сложившиеся к настоящему времени. На протяжении XIX и XX веков идея развития личности претерпела множество редукций, обусловленных ее адаптацией к нуждам социальной и образовательной практики.

Личность сквозь призму категорий «формирование», «усвоение»

Первоначально выдвинутая идея развития личности была постепенно подменена идеей «формирования», а развитие личности стало интерпретироваться как управляемый извне процесс, что противоречит самой сути развития личности как её самодвижения. Далее процесс развития личности был сведен к интериоризации социальных и предметных норм, а затем он стал

трактоваться как усвоение суммы знаний, умений, навыков и моральных норм.

Современный этап развития психологической науки позволяет рассмотреть проблему развития личности с новых методологических и теоретических позиций. Идея развития личности является одной из центральных в психологии развития и акмеологии. «Личность существует в развитии», «личность – развивающаяся система», «вне развития нет личности». Подобные утверждения прочно вошли в научный обиход.

Единомножие трех ипостасей развивающейся личности

Идея единомножия трех ипостасей развивающейся личности была предложена А.В. Петровским и В.А. Петровским как модель трех пространств ее существования. Было исследовано метапространство личности – идеальная представленность и продолженность человека в других людях, идеальное бытие личности человека в другом человеке [4, 5].

Феномен личности в контексте психологии развития: междисциплинарный статус

Психологические теории и концепции личности имеют междисциплинарный статус и могут быть в равной мере отнесены и к психологии личности, и к психологии развития. История их возникновения и развития в значительной мере обусловлена уровнем и темпами становления обеих научных дисциплин. Каждая их них прошла свой путь развития, испытывая на себе влияние множественных детерминант: от социальной востребованности до необходимости и возможности операционализации и категоризации. Психология личности, как и психология развития, достаточно поздно обрела свой дисциплинарный статус и очертила круг своих проблем. Сегодня уже можно определенно выделить предметные области и круг наиболее авторитетных персоналий, участвующих в их создании и отстаивании своих позиций.

Развитие как понятие медленно входило в культуру осмысления человечеством самого себя

Развитие, как и другие феномены, медленно входило в культуру осмысления человечеством самого себя. Известно, что идея развития зародилась в трудах Аристотеля, поднималась в трудах Я.А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, А. Дистервега и др., обосновывалась в философских работах Г. В. Ф. Гегеля, подтверждалась исследованиями Й. Прохазки, была закреплена эволюционными идеями К. Линнея, Ж.-Б. Ламарка, исследованиями по физиологии высшей нервной деятельности И. М. Сеченова, И. П. Павлова и др.

Основные проблемы психологии развития

К основным проблемам психологии развития относятся: возрастная динамика человеческой психики, онтогенез психических процессов и психологических качеств личности. Психология развития осуществляет функции описания, объяснения, прогноза и коррекции.

Исследователи единодушно считают, что до настоящего времени психология развития в основном находится на уровне описания. Объяснение процессов развития является трудной задачей, так как требует выявления факторов и закономерностей, обусловливающих появление количественных и качественных изменений. В основе объяснения лежат схемы причинно-следственных или вероятностных (статистических) связей, которые могут быть одинарными или множественными. Развитие может рассматриваться в разной временно́й размерности образуя изменения на фило-, антропо-, онто- и микроуровнях. Понятие «развитие» включает: развитие как рост, созревание, совершенствование, универсальное изменение, качественное, структурное изменение, количественно-качественное изменение как изменение, влекущее за собой новые изменения. К настоящему времени определены основные категории психологии развития: рост, созревание, дифференциация, научение, запечатление, социализация [5].

Общая интегральная характеристика процессов развития

Для общей интегральной характеристики процессов развития используются категории, относящиеся не к отдельным признакам, а к развитию в целом. Это категории роста, созревания, дифференциации, научения, запечатления (импринтинга), социализации (культурного социогенеза). Применение знаний по психологии развития позволяет решить следующие задачи: ориентация в жизненном пути; определение условий развития и изменений; прогноз стабильности и изменчивости свойств личности; объяснение целей развития и коррекции; планирование коррекционных мероприятий; оценка коррекции развития.

Развитие личности и развитие психики: подмена понятий

Для того чтобы понять развитие, необходимо рассмотреть протяженность временно́й дистанции, на которой оно совершается. В зависимости от этого различают четыре ряда изменений: филогенез, антропогенез, онтогенез и микрогенез. Онтогенез, или индивидуальное развитие, – это временная дистанция длиной в человеческую жизнь, которая начинается с момента зачатия и завершается концом жизни. Представления об онтогенезе развития личности складывались на протяжении достаточно длительного времени и вызрели в своей основе лишь к концу XX столетия. Сам термин «онтогенез» был введен в 1866 г. Э. Геккелем и в то время обозначал процесс развития индивидуального организма. Позже он наполнялся различным содержанием. В психологии понятие «онтогенез» долгое время использовали для обозначения формирования основных структур

психики индивида в детстве. Соответственно основное содержание онтогенеза сводилось к развитию предметной деятельности и общения ребенка со взрослыми. Позже в онтогенезе начали выделять количественные и качественные стороны.

В ходе онтогенеза происходит смена четко ограниченных фаз

К настоящему времени выявлено, что в ходе онтогенеза происходит смена четко ограниченных фаз: эмбриогенеза, созревания, взрослого состояния, старения. Рассмотрение онтогенеза как качественного преобразования личности введено в научный оборот лишь несколько десятилетий тому назад. Если исходить из того, что онтогенез – это ряд последовательно сменяющих друг друга периодов жизни человека, то каждый из них можно охарактеризовать временной протяженностью, строением, функционированием и соотношением психических процессов. Неоднократно делались попытки выявить личностные особенности, являющиеся новообразованиями того или иного возраста. Можно сказать, что психология долго не знала специфики онтогенеза развития личности и подменяла его онтогенезом развития психики [6].

Влияние на построение концептуальных моделей онтогенетического развития

На построение концептуальных моделей онтогенетического развития оказывали влияние те схемы возрастной периодизации, которые были господствующими в тот или иной период развития психологии как науки. Предлагаемые авторами периодизации психического развития строились по таким критериям, как развитие зубов (П.П. Блонский); скелетно-мышечная деятельность (И.А. Аршавский); смена видов питания (В.Д. Розанов) и др. Кроме того, были и иные авторские концепции периодизации развития человека (Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, Д. Б. Эльконин и др.). В настоящее время наиболее принятыми стали периодизации, в основе которых лежат сроки обучения и воспитания в тех или иных образовательных учреждениях (дошкольных, школьных, вузовских и т.д.), так как они учитывают достаточно стабильные факторы. Однако вопросы о внутренних критериях и границах периодизации, их теоретическом обосновании, движущих силах психического развития, психологическом содержании каждого периода остаются весьма проблематичными.

Онтогенез личности: источники, закономерности, факторы

Стремление получить представление об онтогенезе развития личности подталкивало исследователей к постановке и решению вопросов о возрастной динамике личности, реальных этапах и тенденциях ее становления, условиях и методах управления процессом развития личности. Отечественными психологами сформули-

рованы основные положения, раскрывающие процессы развития человека как личности. Однако общие линии развития личности в онтогенезе уже намечены, что позволяет на основе их рефлексивного анализа сформировать систему общих представлений, сложившихся в российской психологии.

Концепции развития личности отечественных психологов

Анализ теорий и концепций развития личности отечественных психологов на различных этапах онтогенеза, разработанных отечественными психологами (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, Б.С. Братусь, В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, И.С. Кон, В.С. Мухина, Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский, В.А. Петровский, Д.Б. Эльконин и др.), показал наличие преемственности в трактовке ими развития личности.

Среди основных проблем, разрабатываемых данными авторами, находятся, прежде всего, вопросы онтогенеза развития личности, его источников, закономерностей и факторов. В контексте проблем психологии развития наиболее изученными являются вопросы соотношения развития личности, обучения и воспитания, а также исследования деятельности и общения как факторов развития личности. Обращает на себя внимание сохраняющаяся до настоящего времени неоднозначность в трактовке категориально-понятийного аппарата личности и ее развития.

Понятия, характеризующие процессы изменения личности

Понятия, характеризующие в той или иной мере процессы изменения личности («развитие личности», «формирование личности», «социализация», «адаптация», «индивидуализация» и ряд других), синонимичными не являются и их необходимо различать. Ряд исследователей (А.Г. Асмолов, А.В. Брушлинский, В.С. Мухина, А.В. Петровский, В.А. Петровский, В.И. Слободчиков, Д.И. Фельдштейн и др.) предпринимали неоднократные попытки их развести.

Развитие как сложное инволюционно-эволюционное поступательное движение

Развитие трактуется как сложное инволюционно-эволюционное поступательное движение, в ходе которого происходят прогрессивные и регрессивные интеллектуальные, личностные, поведенческие, деятельностные изменения в человеке (Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев). Внимание исследователей к осмыслению проблемы психологии личности и ее развития объясняется тем, что к настоящему времени категория личности приобрела статус базовой. Этому предшествовал долгий период накопления теоретических и экспериментальных данных о личности в контексте основных отраслей психологии.

Идея личности в отечественной психологии: целостность, гармоничность, всесторонность

Теоретические предпосылки исследования проблемы развития личности в отечественной психологии начали складываться еще в XIX веке и с течением времени оформились в несколько методологических подходов (аксиологический, деятельностный, системный, сетевой, персоналистический), составляющих основу современных концепций развития личности [6].

Интенсивная проработка методологических и теоретических основ личности нашла отражение в ряде серьезных монографических работ, в учебниках и методических разработках.

Идея развития личности более двух столетий продолжает претерпевать множественные преобразования. Именно в России были поставлены задачи комплексного, многостороннего изучения и развития личности.

Идеал личности: целостная, гармоничная, всесторонне развитая

Личность *целостная, гармоничная, всесторонне развитая* была идеалом многих наших соотечественников. Ее гипотетические конструкции были очень российскими, органичными ее народному духу, ее менталитету, теоретическим и идейным исканиям. Идея развития личности содержит глубинный теоретический генофонд, не оцененный в должной мере до настоящего времени. Тем не менее она обнаруживает явную тенденцию прорастания в современных психологических концепциях и теориях личности не только в России, но и мира в целом. Генез концепций личности имеет своеобразные истоки, обусловленные особенностями исторического развития России.

Личность как объект: операционализация идеи

Не противопоставляя сложившиеся в отечественной и зарубежной психологии концепции развития личности, можно выделить круг проблем, который был и остается дискуссионным. Прежде всего, это касается определения дисциплинарного статуса психологии личности, поиска признаков общепсихологической теории личности, решения вопросов о детерминантах, показателях и технологиях личностного развития.

Субъект-объектное противостояние

Субъект-объектное противостояние определило генезис, феноменологию и онтологию личности в ряде последних десятилетий XX века, благодаря которому в психологии распространилось разделение на «объектное» и «субъектное» описание человека. Субъект-объектное членение реальности стало одной из самых фундаментальных оппозиций, укоренившихся как в массовом сознании, так и в мышлении профессиональных психологов. Под ее влиянием начался поиск феноменов личности, их отнесения к «Я» или «не-Я». Однако граница, отделяющая субъекта от объекта, оказалась более сложной и динамичной, чем ожидалось.

Реальная личность почти не исследовалась

Реальная личность почти не исследовалась и потому была надолго лишена своих психологических коррелятов. Вместо работы над категориальным осмыслением личности использовались определения, которые представляли собой некую смесь этики, социологии, психологии. В них преобладало понятие «долженствование». Определение личности в течение длительного времени оставалось достаточно нечетким и абстрактным. Основной целью было стремление добиться, чтобы человек понимал замысел и итог своей собственной жизни как службу, в которой он может что-то заслужить, но для этого следовало выполнять чужую и твердую волю чиновничьего аппарата. Реализация себя, своей личности, собственных способностей и возможностей замещалась иными идеями.

Модель личности в парадигме субъектности

Психологи 70-х годов XX века вслед за С.Л. Рубинштейном начали поиск субъектных характеристик личности. «Субъектное» в личности было признано желанным, тем, что следует учитывать, взращивать и лелеять. Ответить на вопрос, как это делать реально, решались лишь наиболее авторитетные лидеры того периода: А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский и др. Ими разрабатывалась и отстаивалась модель личности и «человека-деятеля». На смену этой идеи пришла модель личности «потребностной», создав образ «человека нуждающегося». Обе модели были положены в основу идеального образа человека – «нуждающегося деятеля», который сохранялся приоритетным вплоть до начала XXI столетия.

Потребность быть личностью как сущностная характеристика активности человека

Вслед за «рубежной» для понимания проблем психологии личности работой А.Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» и как бы в ее продолжение выходит книга А.В. Петровского «Личность. Деятельность. Коллектив» [4]. Обе эти работы выполнены в одной традиции, со сходных теоретических позиций. А.В. Петровский сформулировал свое намерение продолжить рассмотрение проблем личности там, где его начал и не успел завершить А.Н. Леонтьев, осуществив его в том же теоретическом и методологическом ключе, в рамках того же деятельностного подхода [Там же, с. 214].

А.В. Петровский дал критический анализ тенденций понимания личности

А.В. Петровский поставил задачу охарактеризовать личность в системе межличностных отношений, в совместной коллективной деятельности. Именно этот ракурс рассмотрения представлялся А.В. Петровскому как наименее изученный, но необходимый для сооружения фундамента концепции личности. А.В. Петровский дал критический анализ существующих подходов и

сформулировал свои представления о соотношении биологического и социального, индивидуально-типического и социально-психологического в личности, отразил существующие тенденции понимания личности. А главное, он предложил инновационную концепцию личности, многие положения которой стали основой современной парадигмы образования.

А.В. Петровский и В.А. Петровский высказали гипотезу о том, что индивиду присуща особая социогенная потребность – «быть личностью». Присутствие этой потребности в жизни, по мнению авторов, позволяет описать и объяснить закономерности развития личности на разных возрастных этапах.

В данной концепции были соединены две фундаментальные идеи.

Одна идея – трактовка А.В. Петровским *потребности* как сущностной характеристики активности*. В своей концепции потребностей, сформулированной еще в конце 50-х годов прошлого столетия, он подчеркивал два момента: 1 – «зависимость как источник активности» и 2 – нерядоположность «потребности» (как сущности) «мотивам», «интересам» и т.п. как феноменам. Эта трактовка потребности была запечатлена им позднее в «категориальном строе психологии»**.

В.А. Петровский: интра-, интер- и метаиндивидная представленность феномена личности

Вторая идея – трактовка В.А. Петровским *личностности* как инобытия человека в человеке. Согласно В.А. Петровскому, понятие «личность» подразумевает эффекты «присутствия» индивида в других людях, идеальной представленности и продолженности в них своими деяниями – «вкладами». Был поставлен вопрос о том, как личностное – «системное качество» индивида погружается в социум, и выделяются атрибуции (приписывания) личностного аспекта элементам социальной общности.

Интраиндивидная личностная атрибуция

Прежде всего была выделена *интраиндивидная личностная* атрибуция, которая интерпретирует личность индивида как качество, присущее индивидуальному субъекту, неотделимое от него свойство. Здесь личностное – в пространстве бытия индивида, а он сам выступает как единственный носитель своей личности. Такой подход открывает широкое поле для многообраз-

---

* Потребность в понимании А.В. Петровского есть предметно-определяемая зависимость, выступающая источником многообразных форм активности.

** См. статью А.В. Петровского и В.А. Петровского «Категориальный строй психологии сегодня» в данном выпуске.

ных психологических интерпретаций: личность как индивидуальность – индивидуальные различия; историко-культурные аспекты личности как социально предпосланные, заданные индивиду; личность как субъект активности и т.д. Согласно видению В.А. Петровского, каждая такая интерпретация означает определенное решение проблемы соотношения единичного и всеобщего в индивиде. При рассмотрении индивидуальных различий он сделал акцент на нетождественности индивида всеобщему. Он обращал внимание на то, что при присвоении, трансформации и трансляции индивидом элементов материальной и духовной культуры личность выступает как утверждение индивидом своей общности с социальным целым. Во всех случаях соотношение единичного и всеобщего рассматривается во внутреннем пространстве бытия индивида как свойство самого индивидуального субъекта.

Погружение личностного в предметно-развернутые связи между людьми

Сделав вывод о том, что нельзя с достаточной полнотой охарактеризовать личность, исходя только из интраиндивидной личностной атрибуции, В.А. Петровский предложил проанализировать актуально реализуемые. Еще один способ понимания личностности индивида: погружение «личностного» в предметно-развернутые связи между людьми («интериндивидная атрибуция»). При таком способе интерпретации областью определения и существования личности является пространство межиндивидуальных связей, то есть не сам индивид, а процессы, в которые включены, по меньшей мере, два индивида. В этом случае личность приобретает собственное бытие, отличающееся от бытия индивида.

Устойчивые межиндивидуальные связи

А.В. Петровский, описывая личность в системе устойчивых межиндивидуальных связей, подчеркивал, что они опосредуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников; они заключены в конкретных индивидных свойствах и даны исследователю в проявлениях личности каждого из членов группы, но вместе с тем они образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредует эти личностные проявления.

Следующий способ погружения личностного в пространство социального целого, согласно В.А. Петровскому, – достижение индивидом своего присутствия в жизни других людей («метаиндивидная атрибуция»). Личностное на этот раз выносится за рамки не только индивидуального субъекта, но и актуальных связей этого субъекта с другими индивидами, за пределы совместной деятельности с ними. Таким образом, перед нами оказывается

собственно «личностность» – идеальная представленность и продолженность индивида в пространстве бытия «другого» (в частности, и себя «как другого»). Такой способ интерпретации личности подразумевает нахождение ответа на вопрос, кто из других людей и каким образом представлен (интериоризирован) в личности индивида, а также каким образом данный индивид представлен в качестве значимого «другого» в жизни других. С этой точки зрения процесс в развитии личности не только закономерно расширяется круг значимых других, интериоризируемых индивидом, но рождается и ширится «значимость себя для другого».

Персонализация: от потребности к способности самодетерминации личности

В этом контексте и обнаруживает себя то, что выше было обозначено как потребность персонализации. Это потребность обрести свою отраженность в других людях – идеальную представленность и продолженность в них. Потребность индивида в персонализации – это глубинная и не всегда осознаваемая основа таких неутилитарных форм общения людей, как альтруизм, аффилиация, стремление к общественному признанию и самоопределению в группе и др.

Стремление привнести свое «Я» в сознание, волю и чувства других людей

Стремясь через участие в совместной деятельности привнести свое «Я» в сознание, чувства и волю других людей, приобщая их к своим интересам и желаниям, добиваясь в этом успеха, человек удовлетворяет тем самым потребность в персонализации. Но удовлетворение данной потребности порождает потребность более высокого порядка. Процесс оказывается незавершенным, продолжаясь либо в расширении объектов персонализации, появлении новых и новых индивидов, в которых стремится запечатлеться данный индивид, либо в углублении этого процесса, то есть в повышении значимости своей личности в жизни и деятельности других людей [5; 7].

Наряду с потребностью персонализации, выделяется способность к персонализации. Ее можно определить как способность к осуществлению акта персонализации, объединяющую три конституирующих момента: социально-типический, индивидуальный и всеобщий. Социально-типическое означает соответствие активности индивида общепризнанным и необходимым образцам социальной жизни общества на данном этапе его развития. Индивидуальное указывает на своеобразие системных связей индивида с обществом в целом.

Абсолютизация идеи ведущей деятельности – путь к утрате целостности личности

С этих позиций А.В. Петровский и В.А. Петровский подходят к пониманию развития личности. Они обратили внимание исследователей на тот неочевидный факт, что традиционный подход к проблеме личности не знал

различения развития личности и развития психики. В работе «Развитие личности и проблема ведущей деятельности» А.В. Петровским, в развитие модели В.А. Петровского, описывающей три фазы вхождения личности в стабильную социальную общность (первичная социализация, индивидуализация, интеграция), были даны новая возрастная периодизация и критический анализ существующих представлений о движущих силах формирования личности. Его концепция контрастировала с общераспространенной точкой зрения, представленной в работах Д.Б. Эльконина (справедливости ради заметим, что сам Д.Б. Эльконин был далек от того, чтобы настаивать на безусловной справедливости своей идеи – он подчеркивал ее гипотетичность и необходимость проверки!).

Идея о поочередной смене ведущих деятельностей

Как хорошо известно всем российским психологам, в основе возрастной периодизации Д.Б. Эльконина лежит идея о поочередной смене ведущих деятельностей: согласно этой гипотезе, в одном возрастном периоде преимущественно развивается мотивационно-потребностная сфера, а на сменяющем его этапе – операционно-техническая.

А.В. Петровский полагал, что необходима идея целостности личности

А.В. Петровский оспаривал точку зрения Д.Б. Эльконина, полагая что в этой концепции теряется идея целостности личности. Высказывается сомнение в правильности мысли о том, что одна сторона личности в течение 3–4 лет доминирует над другими и тянет их за собой.

В работах А.В. Петровского и В.А. Петровского предложено иное видение феноменов и закономерностей возрастного развития личности.

В детской психологии нет, как говорит А.В. Петровский, никаких экспериментальных доказательств того, что можно выделить лишь один тип деятельности как ведущий для развития личности на каждом возрастном этапе. И для их получения необходимо провести ряд специальных экспериментальных процедур и значительное количество исследований внутри каждого возрастного периода, имеющих своим предметом сравнение (по «горизонтали» – возрастного среза и по «вертикали» – возрастного развития) реальной значимости каждого из многочисленных типов деятельности, в которые вовлечены дети, для развития их личности. Но масштабы, методологические и методические трудности решения такой задачи, согласно А.В. Петровскому, превосходят возможности воображения исследователя. Поэтому он считает неудивительным, что доказа-

тельства были заменены утверждениями, субъективный характер которых легко обнаруживается при простом их сопоставлении.

О деятельностном опосредствовании межличностных отношений

А. В. Петровский высказал суждение, что определяющим для развития личности является деятельностно-опосредствованный тип взаимоотношений, которые складываются у нее с референтными, находящимися в этот период на различных уровнях развития группами и лицами, с характером отношений и взаимосвязями деятельностей, задаваемых этими референтными группами, общением, которое в них складывается, а не монополией ведущего типа деятельности.

Два подхода к пониманию развития личности

А. В. Петровский различал два подхода к развитию личности. Первый – собственно психологический – выявляет, что уже есть у развивающейся личности и что может быть в ней сформировано в данной конкретной социальной ситуации развития. В рамках этого подхода становится понятным, что в пределах одного и того же возраста различные по типу деятельности не даны изначально личности в тот или иной период, а активно выбраны ею в группах, различающихся между собой по уровню развития. Второй, собственно педагогический подход определяет, что и как должно быть сформировано в личности, чтобы она отвечала социальным требованиям. В рамках этого подхода деятельность всегда выступает как ведущая для развития личности, опосредствуя ее отношения с социальной средой, ее общение с окружающими, конституируя «социальную ситуацию развития».

Однако А. В. Петровский считал, что это не будет один ведущий тип деятельности для каждого возраста и задача развития личности вообще не предполагает необходимости для того или иного возрастного периода, и соответственно для каждого ребенка конкретной возрастной группы, выделять одну-единственную ведущую деятельность как личностно-образующую.

В качестве личностно-образующей ведущей деятельности на каждом возрастном этапе необходимо сформировать комплексную многоплановую деятельность или, точнее, динамическую систему деятельностей, каждая из которых решает свою специальную задачу, которая отвечает социальным ожиданиям и в которой нет оснований выделять ведущие или же ведомые компоненты.

Процесс развития личности заключает в себе единство непрерывности и прерывности

Согласно А. В. Петровскому, процесс развития личности заключает в себе единство непрерывности и прерывности. Непрерывность в развитии личности как системы выражает относительную устойчивость и

закономерности ее переходов от одной фазы к другой в данной общности, для нее референтной. Прерывность характеризует качественные изменения, порождаемые особенностями включения личности в новые конкретно-исторические условия, которые связаны с действием факторов, относящихся к ее взаимодействию с «соседними» системами, прежде всего с принятой в обществе системой образования, которая определяет конкретную форму протекания процесса развития личности. Единство непрерывности и прерывности обеспечивает целостность процесса развития личности

Акты персонализации разворачиваются в особые процессы

А.В. Петровский выделил два типа закономерностей возрастного развития личности.

На каждом возрастном этапе развития личности на передний план выходят то один, то другой, то третий моменты акта персонализации; они разворачиваются в особые процессы. Таковы: адаптация – присвоение индивидом социальных норм и ценностей, становление социально-типического; индивидуализация – открытие или утверждение «Я», выявление своих склонностей и возможностей, особенностей характера, становление индивидуальности; интеграция – изменение жизнедеятельности окружающих людей, осуществление вкладов и их принятие окружающими, тем самым утверждение своего инобытия в других людях, становление всеобщего.

Идея неадаптивной активности и отраженной субъектности: переосмысление феномена развития личности

Предложенная В.А. Петровским идея неадаптивной активности и отраженной субъектности дала возможность существенно переосмыслить феномен развития личности и выразить его в терминах самодвижения. Личность предстала в качестве саморазвивающейся системы, включающей в орбиту своего движения других людей как носителей их идеальной представленности и продолженности. Поиски ответа на вопрос о детерминантах развития личности привели к открытию им той формы активности, которая названа устремленностью, то есть направленностью человека на продуцирование действий, связанных с расширением возможностей и сферы действований (В.А. Петровский). Ценность устремлений обусловливается тем, что в них заключена возможность самовоспроизводства. По мнению В.А. Петровского, при определенной организации среды «устремления» приобретают качество трансфинитности, то есть самоценности и неограниченной воспроизводимости [8]. Введение данного понятия позволяет преодолеть разрыв между мотивационными и инструментальными компонентами личности.

Взаимодействие субъектов образовательного процесса как интегрирующий фактор личностных новообразований

Сегодня общепризнанно, что образовательная среда получает статус развивающей, если в ней создаются предпосылки для реализации субъектности, которая преобразует содержание среды в личностное, смысловое пространство. Это значит, что субъект в такой среде начинает свободно самоопределяться относительно обстоятельств своей жизни. В личностно освоенном пространстве субъект обучения начинает проявлять себя на уровне целостного «Я», оказываясь способным делать выбор не только в поле внешне заданных условий, но и в плане реализации собственного потенциала саморегуляции как внутренней динамики движения мотивов, целей и смыслов. В личностно освоенном пространстве от субъектов обучения требуют ценностного самоотношения.

Субъектная позиция участников образовательного процесса

Внедряемые в настоящее время инновационные личностно развивающие технологии базируются на субъектной позиции участников образовательного процесса. Основными идеями личностно развивающего образования являются: отношение к учащемуся как к субъекту собственного развития; ориентация на развитие и саморазвитие личности; создание в образовательном пространстве условий для самоопределения и самореализации личности; установление субъект-субъектных отношений в системе «учитель–ученик».

Интегрирующим фактором образовательного процесса, способствующим появлению личностных новообразований у каждого из субъектов этого процесса, является их взаимодействие. Основными характеристиками этого взаимодействия являются: предметная направленность, подразумевающая общую для участников этого процесса цель; эксплицированность, или внешняя проявленность, позволяющая фиксировать действия друг друга; рефлексивная многозначность, дающая возможность по-разному интерпретировать как субъективные намерения, так и реальные действия.

Возможность транслирования субъектных параметров

Важнейшей стороной взаимодействия, осуществляемого в образовательном процессе, является возможность транслирования субъектных параметров его участниками, каждый из которых производит реальные преобразования не только в перцептивной, познавательной, эмоционально-волевой, но и в личностной сферах друг друга. Эти преобразования могут быть как преднамеренными, так и непреднамеренными, осознаваемыми и неосознаваемыми, специфическими и неспецифическими. В процессе взаимодействия рождаются и развиваются основные личностные феномены: персонализация,

событийная общность, референтность, субъективность, личностные смыслы, самосознание, модели жизнедеятельности, концепция «Я», авторитет, идеальная представленность в сознании друг друга и т.д.

Показатели социализации и становления личности

Названные феномены являются показателями социализации и становления личности. Они не могут возникнуть иначе как в процессе межличностного взаимодействия, совместного бытия, совместной деятельности и общения. Эти феномены могут иметь конструктивный (развивающий) и деструктивный (разрушающий) характер. Первые задают содержание и пространство образования, созидают как развивающуюся личность, так и группы (диадные и более многочисленные), изменяют уровни развития, формируют установки, характеры, ценностные ориентации, субъективные формы проявления и существования, образцы и эталоны. Вся группа конструктивных, задающих, строящихся феноменов является личностно порождающей. Под влиянием деструктивных феноменов возникают личностные деформации. Построение себя как личности, ее самосовершенствование и самодвижение не возникают спонтанно. Эти личностные особенности являются результатом разворачивающихся в образовательном процессе актов межличностного взаимодействия.

Стратегия реформирования современного образования

Перед современным образованием стоит новая задача: на его территории должна быть построена новая «социальная организация жизни», которая помогла бы каждому человеку найти и обрести себя самого. Это меняет миссию образования и определяет направленность его реформ. Становится понятным, что реформа образования – это не столько реформа педагогических методов и технологий обучения, видов образования и типов образовательных учреждений, сколько реформа всей жизни растущей и обучающейся личности.

Еще в 20-е годы XX века Л.С. Выготский назвал школу «пристанью, в которую жизнь отводит поломанные корабли». Он это говорил потому, что в учителя шли когда-то отставные солдаты. Позже в школу стали идти работать те, кто не смог хорошо устроиться. Сегодня все чаще речь идет о том, чтобы в школу, в средние и высшие учебные заведения пошли наиболее одаренные и духовные люди.

Задача расширения возможности компетентного выбора

Перед российской системой образования стоят сложнейшие задачи: расширить возможности компетентного выбора каждой личностью своего жизненного пути, а также создать условия, необходимые для осуществления ее саморазвития. Учителю (педагогу вуза) сегодня

отводится новая миссия – стать социальным архитектором растущей личности и ее образа жизни.

Это обусловливает основные идеи и компоненты современной модели образования:

- самостоятельный выбор субъектом своего образовательного и профессионального пути;
- ни одна образовательная траектория не должна быть тупиковой;
- базовые уровни образования должны быть сориентированы на тенденции построения инновационной экономики;
- образование должно обеспечить возможности для реализации гибких индивидуальных образовательных программ, обновления содержания и технологий на всех его уровнях.

---

1. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. – В 2-х т. – М., 1996.

2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л., 1968.

3. *Асмолов А.Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М., 2001.

4. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. – М., 1982.

5. *Петровский В.А.* Феномен субъектности в психологии личности: диссертация в виде научного доклада. – М.,1993.

6. *Котова И.Б.* Идея личности в мировой психологии: теория, методология, история: Монография. – Сочи, 2012.

7. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопросы философии. – 1982. – № 3. – С. 44–53.

8. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. – М., 2010.

Михаил Кондратьев, Анна Кондратьева

НАУЧНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА А.В. ПЕТРОВСКОГО В МОСКОВСКОМ ГОРОДСКОМ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. *В статье представлены анализ основных идей школы А.В. Петровского: рассматриваются основные положения теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах и «дочерние» по отношению к ней концепция персонализации, социально-психологические модели вхождения личности в референтное сообщество, восхождения личности к социальной зрелости и модель «значимого другого». Продемонстрированы важнейшие направления развития научной психологической школы А.В. Петровского в Московском городском психолого-педагогическом университете.*

Ключевые слова: *социальная психология; научная психологическая школа; теория деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах; концепция персонализации; социально-психологическая модель вхождения личности в референтную группу; социально-психологическая модель восхождения личности к социальной зрелости; трехфакторная модель «значимого другого.*

Abstract. *The analyses of the main ideas of A.V. Petrovsky's scientific school are given in the article. Among them are: main propositions of the theory of activity-mediated interpersonal relations in groups and affiliated conception of personalization, the model of person's adaptation to referent community, the model of person's social maturing and the model of "significant other" as well. Main directions of A.V. Petrovsky's scientific psychological school in Moscow City Psychological and Pedagogical University development are presented.*

Keywords: *social psychology; scientific psychological school; theory of activity-mediated interpersonal relations in groups; conception of personalization; socio-psychological model of person's adaptation to referent group; socio-psychological model of person's social maturing; three-factor model of "significant other".*

Истоки теории А.В. Петровского. Критика традиционных подходов

Научная психологическая школа А.В. Петровского отражает прежде всего развитие социально-психологической науки у нас в стране, и, следовательно, своим зарождением и самыми начальными этапами своего становления связана с 70-ми годами прошлого века. Именно в середине 70-х годов была окончательно сформулирована «стратометрическая концепция группового

развития», которая в дальнейшем получила ставшее уже в 80-х общепринятым название «теория деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах». Решающим фактором, который «спровоцировал» А. В. Петровского на создание концептуализированной модели группового развития, явилось то, что на момент формирования отечественной социальной психологии как полноценной научной отрасли в СССР сложилась ситуация невозможности и неправомерности прямой экстраполяции в сферу советской психологической исследовательской практики закономерностей и зависимостей, характеризующих процесс группового развития, которые были ранее зафиксированы и описаны зарубежными исследователями. Это было связано с целым рядом обстоятельств.

Советские социальные психологи, которые в 70-е годы начали активно разрабатывать проблематику интра- и интергрупповой жизнедеятельности, не могли напрямую пользоваться и интерпретационными клише, и методическим инструментарием, с помощью которого проводили базовые исследования большинство зарубежных социальных психологов. С одной стороны, это было связано с идеологическими ограничениями, а с другой – с реальным несовпадением особенностей межличностных отношений в ученических, производственных, спортивных, воинских группах в СССР и странах Запада.

Суть дела: внимание не к экспериментальным, а к реальным группам и отношениям в них

Но, если обратиться к сущностной стороне вопроса, становится понятно, что не только и даже не столько эти ограничения обеспечили в последней четверти XX века складывание новой отечественной парадигмы рассмотрения социально-психологической природы процессов интрагрупповой жизнедеятельности и группового развития. Несомненно, главным здесь был тот факт, что в подавляющем большинстве случаев зарубежные ученые работали с экспериментальными группами, то есть с группами, созданными согласно плану конкретного исследования и под прояснение столь же конкретной экспериментальной задачи. Как правило, система отношений между членами группы практически не была связана со специфической и при этом значимой как в личностном, так и в социальном плане реальной групповой деятельностью. Более того, понятие «деятельность», будучи на сегодняшний день одной из основных категорий отечественной психологии, в США и большинстве стран Западной Европы и поныне не рассматривается в качестве базовой переменной. В их логике оценки детерминант межличностных отношений чле-

нов тех или иных сообществ на первом плане оказались системы контактов непосредственного межиндивидуального характера, не связанных с собственно реальной деятельностью и выстроенных по аттракционному типу, по схеме «симпатия-антипатия». В то же время было совершенно очевидно, что система отношений в реально функционирующих контактных группах практически никогда не исчерпывается столь поверхностным коммуникационным основанием.

Многослойная структура активности группы

Анализ огромного количества зарубежных социально-психологических источников и работ отечественных авторов, проводивших в те годы исследования процессов группового развития, позволил А.В. Петровскому выявить, определить, описать базовые положения теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах, а в дальнейшем и эмпирико-экспериментально подтвердить их справедливость.

Кратко сформулируем основные постулаты А.В. Петровского.

Уровень развития группы

Во-первых, групповая активность характеризуется стратометрической (многослойной) структурой. На периферии оказываются ценности и отвечающая им поведенческая активность, которые напрямую не связаны и практически никак не опосредствованы совместной деятельностью. Ближе к групповому «ядру» находятся ценностный и отношенческо-межличностный пласты, в той или иной степени опосредствованные целями, задачами и содержанием групповой деятельности. Этот структурный слой как бы «прогревает» поверхностную «оболочку», порой в решающей степени определяя характер и самих аттракционных отношений. И, наконец, «ядерный» слой, то есть ценности, которые напрямую «завязаны» на специфику групповой деятельности, ее социальную значимость и особые условия ее успешного выполнения.

«Групповое» как «личностное» и «личностное» как «групповое»

Во-вторых, определяющим постулатом, лежащим в основе теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах, является тот факт, что любое сообщество имеет обусловливающую его жизнедеятельность характеристику – уровень социально-психологического развития. В рамках теории деятельностного опосредствования обоснованно определены семь основных качественных точек группового развития, характеризующих группу высокого уровня развития типа коллектива, просоциальную ассоциацию, асоциальную ассоциацию, просоциальную кооперацию, антисоциальную кооперацию, корпоративную группировку и диффузную группу. Наиболее последовательно и подробно классифи-

кация реально функционирующих контактных групп, построенная на основе уровня их социально-психологического развития, обоснована и описана в коллективных монографиях под редакцией А. В. Петровского, изданных в последней четверти XX века [1; 2].

Отправная точка создания концепции персонализации

Эвристичность теории деятельностного опосредствования межличностных отношений проявилась, в частности, в том, что на более позднем этапе своего развития, уже в 80–90-е годы XX века, она выступила теоретико-методологической базой и отправной точкой создания концепции персонализации. Именно эти две концептуальные схемы, одна из которых – теория деятельностного опосредствования, а вторая – концепция персонализации, созданная В. А. Петровским, по сути дела, «дочерняя» по отношению к теории деятельностного опосредствования концептуальная модель социально-психологического развития личности, и выступают в качестве хоть и самоценных, но принадлежащих к одной и той же целостной научной психологической школе теоретических построений. Именно это позволяет в содержательном единстве позиций рассматривать «групповое» как «личностное» и «личностное» как «групповое» в логике научной психологической школы А. В. Петровского.

Персонализация как некое теоретическое построение

Говоря о персонализации как некоем теоретическом построении, дающем возможность объективно оценить процессы личностного развития в условиях как малой группы, так и широкого социума, следует остановиться на нескольких позициях. Личность как субъект межличностных отношений представляет собой своеобразное единство трех ипостасей существования собственно личности и личностности: «Личность как относительно устойчивая совокупность интраиндивидных ее качеств: симптомокомплексы психических свойств, образующих ее индивидуальность, мотивы, направленности личности… структура характера личности, особенности темперамента, способности... Личность как включенность индивида в пространство межиндивидных связей, где взаимоотношения и взаимодействия, возникающие в группе, могут трактоваться как носители личности их участников... Личность как «идеальная представленность» индивида в жизнедеятельности других людей, в том числе и за пределами их наличного взаимодействия, как результат активно осуществляемых человеком смысловых преобразований интеллектуальной и аффективно-потребностной сфер личности других людей» [3–5 и др.].

Индивиду потребно «быть личностью»

Согласно этой концепции, индивид испытывает закономерную социально детерминированную потребность «быть личностью», то есть быть в максимально возможной степени «идеально представленным» в сознании других людей (в первую очередь, «значимых других»). При этом ему (прежде всего и более всего!) важно быть представленным теми своими особенностями, гранями индивидуальности, которые он сам ценит в себе.

Потребность «быть личностью» может быть удовлетворена лишь при наличии способности «быть личностью». Разрыв, как своеобразная «вилка» между потребностью и способностью, может привести к серьезным нарушениям процесса личностного развития, качественно искривить линию личностного роста, нарушить общую поступательную направленность движения к подлинной зрелости.

Развитие личности как вхождение в пространства социума

Что касается собственно развития личности, то процесс невозможно представить себе иначе как вхождение, «вживание» индивида в социум, как определенную смену, череду освоения им различных общностей, членство в каждой из которых является определенным этапом, своеобразной вехой на пути становления индивида как личности. Говорить о стабильности, постоянстве этой социальной среды можно лишь условно, и то лишь когда речь идет исключительно о том личностно развивающем влиянии, которое оказывает на индивида система межличностных отношений в некоем более или менее широком спектре относительно константных и при этом референтных для него групп его членства.

Необходимо пройти универсальные фазы вхождения в общность

В этом случае развитие личности в относительно стабильной социальной среде, а точнее, в такой социальной общности, «подчинено психологическим закономерностям, которые с необходимостью воспроизводятся относительно независимо от специфических характеристик той общности, в которой оно совершается» [6, с. 80]. Другими словами, вне зависимости от возраста индивида и социально-психологических особенностей группы его членства он поставлен перед, по сути дела, фатальной необходимостью пройти четко определенные, универсальные фазы вхождения в общность*, последовательно решая встающие перед ним личностные задачи по мере нарастания потребности «быть личностью».

От адаптации к индивидуализации

На первом этапе внутригрупповой жизни индивида (эту стадию традиционно обозначают как фазу адаптации)

* Назовем эти универсальные фазы, которые сегодня воспринимаются как нечто привычное, само собой разумеющееся: адаптация – индивидуализация – интеграция.

основные его усилия направлены на усвоение господствующих в данном конкретном сообществе норм и правил, на ознакомление со специфичными для группы ценностями, на овладение способами и средствами активности, которыми уже владеют его новые партнеры по взаимодействию и общению. Иначе говоря, у индивида возникает в большей или меньшей степени* выраженная потребность «быть таким, как все», стремление не отличаться от других, в определенном смысле раствориться в группе, чувствовать себя ее полноправным членом и ощущать признание этого факта остальными членами сообщества.

Неизбежные противоречия

В то же время решение адаптационных задач на определенном этапе вступает в явное противоречие со свойственным каждой личности стремлением подчеркнуть свою индивидуальность, неповторимость, утвердиться теми своими особенностями, которые расцениваются самой личностью как наиболее ценные и значимые. Это тем более важно в связи с тем, что успешная адаптация индивида в группе, достижение цели «быть таким, как все» нередко приводят к субъективно переживаемому им самим чувству некой личностной растворенности в сообществе, к иллюзии потери своей индивидуальности. Все это на определенном этапе внутригрупповой жизни данного индивида предопределяет принципиальную смену его личностной задачи: стремление «быть таким, как все», окрашивающее весь этап адаптации, оказывается разрушенным мощной установкой на доказательство своей уникальности: на первый план выступает стремление «быть не таким, как все», что в конечном счете и является психологической сутью второго этапа вхождения личности в группу стадии индивидуализации.

Вопросы разрешения противоречий

Понятно, что далеко не всегда индивид, подстегиваемый желанием как можно скорее персонализироваться и тем самым как бы сбросить с себя имидж неразличимого среди других «среднего» члена группы, предъявляет общности только те формы своей активности и грани индивидуальности, которые данная общность готова признать и принять как несомненно ценные и важные для себя, как соответствующие нормам, правилам и перспективам своей жизнедеятельности. Более того, достаточно часто группа откровенно жестко санк-

---

* Эмпирически зафиксировано, что степень выраженности этой потребности находится в прямой зависимости от уровня референтности для индивида группы его членства: чем выше значимость для него данного сообщества, тем ярче проявляется его стремление «быть таким, как все».

ционирует индивида, не усвоившего правила общежития на адаптационном этапе, и принуждает его вернуться к самому началу своей внутригрупповой «карьеры», чтобы по-новому пройти испытания, позволяющие считаться «таким, как все». В этом случае вполне закономерно говорить о факте дезадаптации личности в референтном для нее сообществе.

Процесс вхождения индивида в конкретную группу – прообраз процесса восхождения к социальной зрелости

Если же и при повторных попытках индивид не выказывает желания или не проявляет способности найти «золотую середину» между тем, что значимо для сообщества и что особенно ценно для него самого, и продолжает настойчиво осуществлять личностные «вклады», которые несовместимы с групповыми нормами, он оказывается либо изолированным среди своих товарищей, либо вообще подвергается своеобразному остракизму и вытесняется из группы. В этом случае вполне закономерно говорить о факте дезинтеграции личности в референтном для нее сообществе.

Общность и личность развиваются во взаимовлиянии

В ситуации, когда личность оказывается способной привести свою потребность в персонализации в соответствие с готовностью группы принять лишь те личностные проявления своего нового члена, которые обеспечивают ей поступательное развитие и облегчают решение общегрупповых задач ее жизнедеятельности, вполне закономерно говорить о факте интеграции такого индивида в группе. В то же время это ни в коей мере не означает, что процесс интеграции (так же, как и адаптации) может быть сведен лишь к пассивному приспособлению индивида к требованиям сообщества, в жизнь которого он включается. В большей или меньшей степени практически всегда общность, испытывая влияние новой для себя личности, трансформирует свои потребности и, изменяясь, развивается.

Новый импульс развития теории

В этой логике появляется принципиально новая возможность увидеть движущие силы, механизмы и детерминацию процессов возрастного развития личности. Кратко обозначенные выше закономерности, отражающие социально-психологическую специфику вхождения личности в группу, в целом были использованы А.В. Петровским в качестве некоего теоретического алгоритма, позволяющего прояснить и осознать психологически содержательную сущность процесса личностного становления в онтогенезе, то есть в определенном смысле рассмотреть процесс вхождения индивида в конкретную группу как своеобразный прообраз процесса восхождения к социальной зрелости, или, что практически то же самое, вхождения развивающейся личности во «взрослый мир» [8].

Самоценные эры восхождения к зрелости

Адаптация, индивидуализация, интеграция – самоценные фазы вхождения индивида в относительно стабильную группу. Детство (адаптационные тенденции личностного развития превалируют над тенденцией к индивидуализации), отрочество, или подростничество (индивидуализационные тенденции развития личности превалируют над тенденцией к адаптации), юность (интеграционные тенденции развития личности превалируют над тенденцией к индивидуализации) – самоценные эпохи эры восхождения к зрелости. Совершенно очевидно, что это не синонимичные, не тождественные ряды. И все же совпадающая последовательность чередования ведущих личностных задач и тенденций личностного развития позволяет обоснованно и, главное, более чем эвристично осуществить своеобразную экстраполяцию социально-психологических наработок в область психологии развития, или, что в данном случае то же самое, возрастную психологию для того, чтобы наконец в собственно психологическом ключе прояснить комплекс вопросов, связанных с проблематикой возрастной периодизации развития личности.

От представлений о значимости – к трехфакторной модели «значимого другого»

И еще об одной из базовых концептуальных схем, определяющих методолого-теоретическую ценность научной психологической школы А.В. Петровского – о трехфакторной модели «значимого другого», то есть об интегральных основаниях межличностной значимости другого в реально функционирующих контактных группах. Анализ истории разработки вопросов межличностной значимости показывает, что на различных этапах данная проблематика в основном сводилась к изучению одного из трех интегральных оснований – аттракции, референтности, власти.

Появление концепции персонализации и построение трехфакторной модели «значимого другого»

До конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века эти три достаточно легко выделяемые направления изучения «значимого другого» почти не пересекались и существовали как бы независимо друг от друга. Появление концепции персонализации и разработка В.А. Петровским метода отраженной субъектности помогли А.В. Петровскому построить трехфакторную модель «значимого другого» [7; 8], то есть рассмотреть все три критерия значимости, что называется, «в связке», как генерализованные и относительно независимые основания возможной значимости одного человека для другого. В логике концепции персонализации речь идет о трех формах метаиндивидной репрезентации личности «значимого другого». Другими словами, зафиксированы не какие-то «узкоиндивидуальные характеристики этого «значимого

другого»... а его идеальная представленность в тех, с кем он имеет дело, его отраженная субъектность... то есть собственно личностные проявления» [8, с. 7].

Новые сферы приложения теории деятельностного опосредования и концепции персонализации

Научная психологическая школа А.В. Петровского, являющаяся теоретико-методологическим основанием как образовательной, так и научно-исследовательской деятельности факультета социальной психологии МГППУ, за 15 лет существования университета получила новый импульс своего развития, по меньшей мере, в связи с двумя обстоятельствами.

В научном плане идеи, высказанные и апробированные в конце XX века, получив подтверждение своей эвристичности и в начале XXI века, были развернуты сотрудниками факультета социальной психологии в новых поисковых научных направлениях и на новых предметно-проблемных полях.

Так, на основе трехфакторной модели «значимого другого» была разработана и апробирована в реальной экспериментатике концептуальная модель зарождения, формирования, развития и реализации отношений авторитетности в контактных группах разного типа, позволяющая, с одной стороны, диагностировать степень интенсивности и насыщенности отношений межличностной значимости, а с другой – определять качественный уровень их сформированности как в сообществе в целом, так и в конкретной диаде («индивид как источник информации», «индивид как референтное лицо», «индивид как авторитетное лицо»). Эвристичность этой модели и в теоретическом, и в эмпирико-экспериментальном плане была подтверждена применительно к группам разного уровня социально-психологического развития и к организациям разного типа и различной профессиональной направленности.

Идеи А.В. Петровского развиваются в проблематике кафедры

Основные идеи теории деятельностного опосредствования и концепции персонализации были системно экстраполированы сотрудниками факультета социальной психологии МГППУ в сферу психологии управления и в область этнопсихологической проблематики. Так, было четко показано по результатам интерпретации наработанной эмпирики, что сущностно-психологическая специфика феноменов организационной культуры не может быть ни выявлена, ни в дальнейшем содержательно описана и понята без учета таких переменных, как уровень социально-психологического развития организации и характер именно личностной задачи, на которую акцентированно ориентированы члены конкретного сообщества.

Немаловажного содержательного продвижения удалось достичь и в такой крайне актуальной сегодня области, как исследование феномена идентичности (этнической, личностной, гендерной, профессиональной и т.д.), опираясь на базовые положения теории деятельностного опосредствования и концепции персонализации. Так, в частности, однозначно доказано, что определить, насколько в социальном и личностном плане достигнута адекватная идентичность, возможно лишь при учете всё тех же переменных, а именно: степени реалистичности удовлетворения социогенной потребности «быть личностью» и уровня социально-психологического развития конкретного референтного для индивида сообщества.

Достижения представителей научной школы А. В. Петровского в МГППУ

В целом именно в логике подходов к пониманию группы и личности, содержащихся и разрабатываемых в рамках научной психологической школы А.В. Петровского, в течение последних пятнадцати лет сотрудниками и аспирантами факультета социальной психологии МГППУ было защищено более 30 диссертаций, опубликовано более 300 статей в сборниках научных трудов, в ведущих научных, научно-методических и научно-популярных журналах. Среди них – исследования А.В. Петровского [5], В.А. Ильина [9], М.Ю. Кондратьева [10–15], Н.В. Кочеткова [16], О.Б. Крушельницкой [17], М.Н. Расходчиковой [18], М.Е. Сачковой [19; 20], О.Е. Хухлаева [21], О.В. Хухлаевой [23–25], М.Ю. Чибисовой [26; 27] и многих других преподавателей и сотрудников факультета социальной психологии.

Научная школа А. В. Петровского как ориентир практико-ориентированных разработок в сфере образования

Во-вторых, научная психологическая школа А.В. Петровского до приобретения ею естественным путем статуса научной школы именно образовательного учреждения во многом развивалась в логике школы в рамках, что называется, академической науки. Не случайно эта научная школа была одной из базовых в Психологическом институте РАО. Статус же научной психологической школы в реально функционирующем университете придал научным разработкам четкую практико-ориентированную направленность, «привязанную» при этом к возможности и необходимости реальной апробации в условиях образовательного процесса в современном вузе.

С одной стороны, подобная ситуация позволила еще раз отточить эвристичность основных позиций обеих концепций (теории деятельностного опосредствования и концепции персонализации) на «оселке» реальной образовательной практики, а с другой – добиться теоретико-научной обоснованности тех учебных программ, которые обеспечивают на должном уровне профессиональную

подготовку психологов (бакалавров, специалистов, магистров), которые напрямую в рамках своей деятельности связаны с обеспечением эффективности образовательного процесса в таком гипермегаполисе, как Москва. Возможность подготовить профессионально грамотных школьных психологов для психолого-коррекционной, психолого-экспертной, психолого-диагностической, психолого-исследовательской и психолого-поддерживающе-сопроводительной работы по специализациям «Социальная психология», «Социальная психология развития», «Этнопсихология», «Психология управления» как раз и обеспечивает существование в качестве базовой научной школы факультета социальной психологии МГППУ научной психологической школы А. В. Петровского.

---

1. Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. – М., 1979.

2. Психология развивающейся личности / Под ред. А.В. Петровского. – М., 1987.

3. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопросы философии. – 1982. – № 3. – С. 44–53.

4. *Петровский В.А.* Системно-деятельностный подход к личности: концепция персонализации // Психология развивающейся личности. – М., 1987. – С. 8–18.

5. *Петровский А.В.* Психология и время. – СПб., 2007.

6. *Петровский А.В.* Развитие личности в системе межличностных отношений // Социальная психология. – М., 1987.

7. *Петровский А.В.* Авторитет, эмоциональный статус и роль в структуре личности «значимого другого» // Индивидуальность педагога и формирование личности школьников. – Даугавпилс, 1988.

8. *Петровский А.В.* Трехфакторная модель «значимого другого» // Вопросы психологии. – 1991. – № 1.

9. *Ильин В.А.* Психология взросления. – М., 2006.

10. *Кондратьев М.Ю.* Подросток в замкнутом круге общения. – М.; Воронеж, 1998.

11. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология закрытых образовательных учреждений. – СПб., 2005.

12. *Кондратьев М.Ю.* Социальный психолог в общеобразовательном учреждении. – М., 2007.

13. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология в образовании. – М., 2009.

14. Антология социальной психологии возраста / Под ред. М.Ю. Кондратьева. – М., 2010.

15. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. – М., 2007.

16. *Кочетков Н.В.* Психология отношения учащейся молодежи к экологическим проблемам. – М., 2010.

17. *Крушельницкая О.Б.* Подросток в системе референтных отношений. – М., 2008.

18. *Расходчикова М.Н.* Особенности вхождения в ученическую группу разностатусных старшеклассников и студентов. – М., 2012.

19. *Сачкова М.Е.* Современные концепции и подходы к групповой дифференциации в малых группах. – М., 2013

20. *Сачкова М.Е.* Среднестатусный учащийся в образовательном пространстве. – М., 2011.

21. *Хухлаев О.Е.* Обычная работа в необычных условиях: психологическое консультирование, осложненное травматическим стрессом. – М., 2007.

22. *Хухлаева О.В.* Психология подростка. – М., 2005.

23. *Хухлаева О.В.* Школьная психологическая служба: работа с педагогами. – М., 2008.

24. *Хухлаева О.В.* Школьная психологическая служба: работа с родителями. – М., 2008.

25. *Хухлаева О.В.* Школьная психологическая служба: работа с учащимися. – М., 2008.

26. *Чибисова М.Ю.* Психолог на родительском собрании. – М., 2009.

27. *Чибисова М.Ю.* Психологическая подготовка к ЕГЭ: работа с учащимися, педагогами, родителями. – М., 2009.

Рефлексия на себя и других

Валерия Мухина

МОЙ ИРОНИЧНЫЙ, УМНЫЙ И ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ – АРТУР ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕТРОВСКИЙ

Не могу не говорить об Артуре Владимировиче в дни его приближающегося юбилея. Размышляя о значимых для меня людях-человеках как о «значимых других» я всегда держу в своем идеополе личность Артура Владимировича.

Буду говорить по порядку: вначале немного истории, затем – много благодарности, вырастающей из глубокой приязни.

1. Немного истории

После успешной защиты докторской диссертации на тему «Пути формирования основ советской психологии» (1965 г.) с 1965 по 1971 г. кафедру психологии МГПИ им. В. И. Ленина возглавлял Артур Владимирович Петровский. Он сменил прежнего заведующего кафедрой доктора психологических наук, профессора Николая Федоровича Добрынина, который по возрасту и состоянию здоровья перешел на должность профессора-консультанта кафедры. Артур Владимирович отличался выраженной лояльностью ко всем своим сотрудникам, а Николай Федорович всегда сидел с ним рядом за столом президиума во время заседания кафедры. Лично мне такое внимание нового заведующего кафедрой к старшему коллеге всегда приносило чувство глубокого нравственного удовлетворения.

Артур Владимирович сразу проявил поразительные организаторские способности научного руководителя кафедры: он тщательно подбирал авторский состав для своих учебников и настоятельно убеждал коллег участвовать в его проектах по написанию учебных пособий для студентов педагогических институтов. Так, над первым изданием учебного пособия «Общая психология» стали работать, помимо самого А. В. Петровского, доктора психологических наук: М. Г. Ярошевский, К. К. Платонов, Л. Б. Ительсон, Н. Ф. Добрынин, А. А. Леонтьев, В. П. Зинченко, А. В. Бруш-

менский, Г.А. Фортунатов, П.М. Якобсон, В.С. Мерлин. В ту пору эти авторы были широко известны и почитаемы в научном мире. Мне также было предложено принять участие в этой работе – я (единственный в этом братстве кандидат психологических наук) стала трудиться над главой «Развитие психики и сознания». Учебное пособие вышло под редакцией профессора А.В. Петровского [М.: Просвещение, 1970].

Артур Владимирович подарил мне экземпляр этого пособия, сделав значимую для меня дарственную запись на форзаце книги: «Дорогой Лерочке (Валерии Сергеевне Мухиной), самому милому моему соавтору, большому другу и чудесному человеку, 2 января 1970». Я была счастлива всеми этими словами, адресованными в мой адрес.

Позже Артур Владимирович возглавил работу над изданием учебного пособия «Возрастная и педагогическая психология», которое вышло в том же издательстве в 1973 г. В написании глав этого учебника, помимо самого А.В. Петровского, участвовали доктора психологических наук Н.И. Непомнящая, В.В. Давыдов, И.С. Кон, Л.Б. Ительсон, М.С. Неймарк, А.И. Щербаков и я (тогда уже доктор психологических наук).

В те годы Артур Владимирович, очевидно, увидел во мне некий потенциал, который я в ту пору в себе никак не чувствовала. Я так признательна теперь (сегодня) моему шефу и другу Артуру Владимировичу за бескорыстную поддержку и покровительство.

Сам Артур Владимирович достойно и удачливо продвигался в рамках профессионального сообщества и за его пределами.

Со временем он стал выдающимся организатором науки. С 1968 г. в системе АПН СССР: академик-секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии (1968–1976), вице-президент (1976–1979), в 1991 – президент-организатор РАО, затем, с 1992 г. – президент РАО.

В перестроечные девяностые годы Артур Владимирович много сделал для обновления Академии педагогических наук СССР. Ему удалось почти невозможное: он превратил (пусть на время!) консервативный партийно-чиновничий «аппарат управления наукой» в подлинный штаб современной психологии и педагогики.

Сошлюсь на текст о личности моего шефа и друга, включенный в презентацию сотрудников МГПИ им. В.И. Ленина в период 1941–1999 гг. (материалы к юбилею Педагогического государственного университета)*.

А.В. Петровский стал известен, прежде всего, как видный ученый, основатель и глава научной школы, объединившей отечественных специалистов в области социальной и педагогической психологии**.

Диапазон научных интересов А.В. Петровского был исключительно широк. Начав с изучения истории русской психологии (в 1950 г. он защи-

* См.: *Борисов В., Мухина В., Осухова Н.* МПГУ – Alma Mater отечественной науки. Часть III. МГПИ – МГПИ им. В.И. Ленина: 1930 // 1941–1999 // Развитие личности. – № 4. – 2012. – С. 8–68.

** Статьи об А.В. Петровском были помещены в изданиях всемирной энциклопедии о самых значительных фигурах современности «Who is Who in the World». Основное издание / издание 2007, Schweiz. – С. 1303–1304; о нем также писала энциклопедия «Две тысячи эрудитов мира».

тил кандидатскую диссертацию на тему «Психологические воззрения А.Н. Радищева»), он стал крупнейшим специалистом в области социальной психологии и психологии личности, удачно сочетая оригинальный теоретический подход с эмпирическими исследованиями*. В конце жизни Артур Владимирович продуктивно занимался общими проблемами теоретической психологии и осмысливал проблемы соотношения психологии и политики.

Достижение А.В. Петровского в области социальной психологии – оригинальная концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений в группе**. Члены группы рассматривались в ней как вступающие в личные отношения друг с другом по поводу деловых, деятельностных, личных отношений, которые опосредствуются содержанием и формой организации совместной деятельности, но в то же время сохраняют психологический статус субъект-субъектных отношений. При этом деятельностное начало, опосредствующее отношения людей, является общим для всех членов группы [См.: *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. – М., 1982].

В рамках этой теории А.В. Петровским была предложена трехфакторная концептуальная модель «значимого другого». Он выделил три фактора, определяющих для субъекта значимость другого человека: аттракция (способность «привлекать или отталкивать окружающих, вызывать симпатию или антипатию); референтность («власть авторитета», то есть признание за «значимым другим» права на принятие ответственных решений) и власть (вернее, официальные властные полномочия «значимого другого») [См.: *Петровский А.В.* Трехфакторная модель «значимого другого» // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 7–18.]

Кроме этого, А.В. Петровский – автор проекта «хронопсихологии» (сравнительной социальной психологии времени), представленного в его последней книге «Психология и время». По его мысли, хронопсихология должна прослеживать динамику общественного сознания, менталитета людей в исторически изменяющемся мире***.

Артур Владимирович Петровский внес значительный вклад в развитие психологии и педагогики в России не только своими научными исследованиями, но и умением популяризировать достижения науки, открывать таланты и поддерживать их в нелегком пути развития. Он инициировал издание, был автором и редактором целой серии учебников и учебных пособий по общей, возрастной, социальной и педагогической психологии для педвузов. Важно, что при этом Артур Владимирович умел привлечь к просветительской деятельности наиболее интересных отечественных исследователей. Так, именно он побудил И.С. Кона заняться психологией юношеского возраста и написать сначала главу в учебник, а затем

---

* На одном из заседаний Психологического общества Б.Ф. Поршнев отметил, что у Петровского «есть вкус к факту!».

** Первоначально она фигурировала под именем «стратометрическая концепция групп и коллективов».

*** Этот проект был реализован в последней книге А.В. Петровского.

и самостоятельное учебное пособие по этому предмету [См.: *Кон И. С.* Памяти А. В. Петровского // Персональный сайт И. С. Кона [Электронный ресурс]. URL: http://sexology.narod.ru/ info179.html (дата обращения 28.05.2011).

Была и еще одна ипостась А. В. Петровского: он выступал как научный консультант нескольких художественных и научно-популярных фильмов, посвященных острым психологическим проблемам. В консультативной работе Артур Владимирович проявлял себя как личность и как социальный психолог-практик: он дипломатично выстраивал отношения с теми, от кого зависел выход фильма, умел предусмотреть «трудности обыденного восприятия» социально-психологических проблем. Увлекаясь интересными идеями и талантливыми людьми, он аргументированно отстаивал идеи и поддерживал (а при необходимости и защищал!) людей, эти идеи развивающих.

Именно консультант А. В. Петровский спас фильм Ролана Быкова «Чучело», «зарезанный» чиновниками за «гнусную клевету на советскую школу, на советскую пионерию». Артур Владимирович сумел показать фильм генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову, который и дал ему зеленый свет [*Егоров И. В.* Артур Владимирович Петровский. [Электронный ресурс]. URL: http://doctorlector.ru/index.php/family/roots/petrovskiy.html (дата обращения 28.05.2011)].

Защитой людей и идей была и работа консультантом А. В. Петровского в документальном фильме режиссера Феликса Соболева «Я и другие» (1972). Дело в том, что в основе фильма лежали социально-психологические эксперименты, демонстрирующие закономерности поведения человека в социуме, что не могло не вызвать сложностей. Артур Владимирович обратился ко мне с предложением-просьбой участвовать в качестве экспериментатора в фильме «Я и другие». Я должна была поработать в эпизоде с малыми детьми. В ту пору я была докторантом и мне было не просто оставить своих сыновей-близнецов, докторскую и переключиться на работу в научно-популярном фильме. Однако я была в восторге от фильмов Феликса Соболева «Язык животных» и «Думают ли животные». И когда Артур Владимирович сказал, что он хочет познакомить меня с Феликсом Соболевым и его замечательной командой, я мигом сорвалась с места и разом очутилась перед Феликсом в доме Петровских. «В зобу дыханье сперло», и... я авантюрно и счастливо согласилась принять участие в предложенном мне эпизоде этого проекта.

С самого начала работы мы с Феликсом удачно совпали друг с другом в отношении к проекту: он как режиссер, я как психолог. Феликс, довольный моей работой как человека, инициирующего новые эксперименты, и экспериментатора, настаивал, чтобы я осталась вообще на все эпизоды. Сверхидеей нашей позиции в фильме по отношению к людям было желание предупредить человеков о том, что надо быть бдительными в межличностных взаимоотношениях (вами могут манипулировать). Мы с Феликсом хотели сказать нашему зрителю: «Старайтесь быть самостоятельными, не идите за мнением большинства, не взяв на себя ответственность».

Режиссер Феликс Соболев был очень талантлив.

Не надо забывать, что в ту пору был глубокий Советский Союз. Мы не знали, чем обернется для всех наш фильм со своей жизненной правдой. Когда фильм вышел, некоторые бдительные умники из «творческих союзов» на показах фильма достаточно агрессивно интересовались у съемочной группы: «Кто вы такие и что хотите сказать этим фильмом?».

Если во время съемок фильма у меня нередко возникали мысли о необязательности консультанта (подумать только, сколь наивна я была в ту пору!), то при демонстрации фильма «компетентным аудиториям» я в полной мере оценила смелость А.В. Петровского, его умение отстаивать идеи и брать на себя гражданскую ответственность за образы и мысли серьезного киноисследования. По сути, Артур Владимирович спасал фильм, заслоняя собой (статусом и личной храбростью) идею фильма. В ту пору я психологически стояла *за* Петровским и до конца не понимала, чем это могло обернуться в нашей стране в те годы.

Таким – заражающим сотрудников и аспирантов кафедры новыми идеями, побуждающим всех думать, экспериментировать, осмысливать полученные результаты и печататься – был Артур Владимирович в годы его работы в МГПИ им. Ленина. Ему нравилось выращивать и поддерживать людей, создающих настоящее и будущее отечественной психологии.

В то время (1972–1973) Артур Владимирович стал членом Международной комиссии ЮНЕСКО по развитию образования, и мы все гордились этим обстоятельством чрезвычайно.

В 1976 г. Артур Владимирович стал вице-президентом АПН СССР, а в декабре 1991 г. по поручению Правительства РФ был назначен президентом-организатором Российской академии образования.

С 1992 по 1997 год он был первым президентом РАО. В ту пору Артур Владимирович настоятельно призывал меня стать директором Института развития личности РАО. Ему нужны были ответственные и верные люди. Он считал меня разумным и верным человеком.

Зная себя, свою органическую нелюбовь к начальствованию, я упорно отговаривалась. Но через несколько месяцев его величество хитрец создал такие условия, что я в какой-то момент не смогла больше отнекиваться.

Я служила Петровскому верой и правдой. Но это другая история...

Артур Владимирович энтузиастично трудился на благо того дела, которое он видел для себя как значимую цель... Он удивительно удачливо прорастал в направлении к вершинам своего акме, временами теряя естественные опоры и возрождаясь вновь.

Артур Владимирович Петровский оказался сильным человеком.

2. Благодарность, вырастающая из глубокой приязни

Приязнь – хорошее слово, значение и смыслы которого более ста лет назад раскрыл удивительный Владимир Даль. Приязнь – это доброжелательство, дружелюбие, любовь к ближнему и многое другое, прорастающие в благодарность.

Я всегда относилась к Артуру Владимировичу с приязнью.

В 1965 году я защитила кандидатскую диссертацию и начала работать на кафедре психологии. Артур Владимирович в этот период вступил в должность заведующего кафедрой психологии.

В ту пору Петровский* был чрезвычайно энтузиатичен – энергия и позитивное состояние духа были его сущностной особенностью. Фортуна поддерживала его во всех начинаниях. Он издавал и переиздавал учебники, которые тотчас же переводились на многие европейские (и не только европейские) языки. Он блистательно читал лекции: студенты с гордостью и восторгом слушали своего профессора. Сотрудники кафедры безоговорочно принимали своего лидера.

Артур Владимирович все свои таланты вкладывал в руководимую им кафедру, непростое, надо сказать, сообщество человеков. Однако эта общность психологов под предводительством Петровского работала в тот период весьма продуктивно.

Я благодарна моему шефу за его личностные проявления, которые в ту пору прорастали из его энергетического потенциала, целенаправленности и выраженной доброжелательности. Бессознательно я врастала в поле его позитивной активности и, защищаемая, обретала социальные качества, которые формировали во мне способности к выживанию в этом многосложном мире людей.

Когда Артур Владимирович завершил свой земной путь, а его ученик и младший друг Михаил Кондратьев организовал циклы Всероссийских научно-практических конференций, посвященных памяти Петровского, ученики и просто заинтересованные идеями и личностью этого незаурядного человека стали собираться в стенах МГППУ.

Михаил Юрьевич приглашал и меня на эти встречи. Готовясь выступать, я вдруг начала размышлять: *Кем же был по отношению ко мне (для меня) Артур Владимирович?* Да, он относился ко мне как истинный шеф, его дружелюбие неизменно сопутствовало моему присутствию в мире. Он содействовал моему прорастанию в сфере психологии, приглашая меня участвовать во многих его начинаниях.

Он выталкивал меня в докторантуру: в мои 32 – я ужасалась, смеялась, категорически отказывалась; в мои 35 – я, трепеща, выразила готовность к работе над диссертацией. В мои 37 Артур Владимирович, гордясь мной, настоял, чтобы я защищалась в НИИ психологии АПН СССР. Я прошла многие круги испытаний и защитила докторскую диссертацию.

Во время защиты докторской, к моему удивлению, моё внутреннее зрение обострилось: не теряя ориентации в пространстве происходящего, не теряя хода мысли диссертанта, я вдруг увидела у напротив меня сидящих людей их лица. Как под увеличительным стеклом, делая своё сообщение перед членами ученого совета и многочисленными присутствующими, я увидела такое многообразие выражений лиц, что внутренне оторопела. Кроме выражения внимательного и вдумчивого слушания, я различила агрессию, недоброжелательность, зависть и прочие негативные

* Позволю себе говорить об Артуре Владимировиче как о Петровском. «Пе́т-ро́вски́й» – эти фонемы, это интонирование на каждом слоге давно стали брендом.

состояния людей, которых я совсем не знала. Внутренне изумляясь («за что?»), я вдруг увидела доброжелательное лицо Артура Владимировича.

– Спасибо Вам, дорогой Артур Владимирович, за это Ваше проявленное тогда отношение ко мне. Вы для меня всегда останетесь *как значимый свой.* Те знаковые мгновения не исчезнут из моего внутреннего «я», пока я остаюсь в этом мире!

Петровский гордился мной – ведь я из его команды.

Вспоминая многое из прожитого, я вдруг нашла для себя нужное слово, точно определяющее отношение ко мне моего дорогого шефа.

Артур Владимирович (вольно или невольно) *стал моим покровителем.*

Покровитель, покров – какие знаковые, смыслонесущие слова русского языка! У Вл. Даля: покровитель (см. покрывать) – защитник, заступник, милостивец, благодетель, взявший кого под покров.

Какой удивительный Владимир Даль – чудотворный хранитель значений и смыслов русского языка! Какой замечательный мой шеф Петровский – человек, к которому можно отнести столь удивительные значения и смыслы слов из глубин нашего русского словника!

– Спасибо Вам, Артур Владимирович, за то, что Вы были таковым во времена нашего совместного пребывания в те ушедшие в историю годы. Спасибо Вам за то, что Вы и сегодня со мной в моем нынешнем времени.

Еще одну особенность Петровского хочу назвать обязательно.

Артур Владимирович при всем его умении выстраивать отношения с людьми обладал некой особенностью вдруг «сжигать мосты» и резко расставаться с людьми, с которыми у него до сего момента были добрые и близкие отношения. Наблюдая подобные катаклизмы, подобные разрушительные перевороты в отношениях, я испытывала спонтанно вырастающее во мне чувство ужаса (именно это был пресловутый эффект неопределенности...).

Артур Владимирович отличался чувствительностью к тому, как с ним выстраивают отношения значимые для него коллеги, ученики и сотрудники. Я наблюдала в течение многих лет многие и многие перипетии – неожиданные перемены в отношениях Артура Владимировича с близкими ему прежде людьми. Артур Владимирович в своих отношениях был страстным человеком. Увы! Подчас фортуна застилала ему взор и смущала его разум...

Однажды и на меня обрушилась подобная напасть... По внезапно появившемуся в моем сердце вдохновению и стремлению к высшей правде, я отстояла себя и наши долгие дружественные отношения с Артуром Владимировичем. Мой друг Петровский, выслушав меня, раскаялся, и мы решили забыть это черное происшествие... Я вспоминаю эту историю сейчас, чтобы показать страстную силу натуры человека, который обычно был мягок, приветлив, любезен и, нередко, слегка ироничен в общении. К своим он был обычно расположен и всякий раз был готов поддержать по-настоящему основательно.

Я знаю множество амбивалентных мнений об Артуре Владимировиче. Мне дороги выраженные позитивные суждения людей – объек-

тивных и любящих. Так, Вадим Егоров (поэт и бард) – зять Артура Владимировича – совершенно прав, когда говорит о нем как о человеке блестящем, с безупречным литературным вкусом. Я на протяжении долгого времени наблюдала их теплые, дружеские отношения. Катюша Щедрина – бывшая невестка Артура Владимировича – была в поле его дружелюбного внимания.

Артур Владимирович был интеллигентным человеком генетически. Ему было непросто, но он мог сохранить добрые отношения с теми, к кому он благоволил, несмотря на порой неукротимое давление. Браво, Петровский!

В моей книжной полке стоит фото Артура Владимировича. Когда я взглядываю на фото этого человека, мне становится тепло и грустно: «Вы не ушли. Вы и теперь с теми, кто Вас неизменно любит, дорогой Артур Владимирович».

Хочу специально указать на то, что лично я никогда не наблюдала в Артуре Владимировиче той ужасной напасти, которую вижу подчас во многих неглупых людях, снедаемых чувством странной самодостаточности и гордыни в поле их собственного самосознания.

Взяв на себя ответственность написать к юбилею Артура Владимировича моё ви́дение этого человека, на протяжении многих лет пребывая рядом и наблюдая его в открытых для меня проявлениях, хочу сказать: «Я благодарна Вам, дорогой Петровский, не только за Ваше долговременное и доброжелательное покровительство (это было для меня в ту пору как дар, укреплявший меня в жизни!), но и за открытые мне Ваши разнообразные проявления к людям. Вы не были замороженным интеллигентом. Вы были страстным, живым человеком. Наблюдая Вас, я многому училась.

Спасибо Вам за все, дорогой Петровский!»

Екатерина Щедрина

ВСПОМИНАЮ С НОСТАЛЬГИЕЙ… ПОЧТИ РОДСТВЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

С Артуром Владимировичем Петровским я познакомилась, еще будучи второкурсницей факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Мой будущий муж привел меня к себе домой, чтобы представить своим родителям. Я увидела доброжелательного, интеллигентного человека, интересного собеседника. Между нами сразу возникла симпатия, которая сохранилась и после того, как распался наш брак с его сыном. Позже я узнала, что А.В. Петровский – еще и известный ученый, доктор психологических наук, разрабатывавший вопросы истории отечественной психологии, а также хозяин кабинета в здании Академии педагогических наук СССР на Большой Полянке, где он занимал должность академика-секретаря Отделения психологии и возрастной физиологии.

Первые полтора года мы с мужем жили в одной квартире с его родителями, так что с Артуром Владимировичем я общалась каждый день. Он оказался по-настоящему семейным человеком, прекрасным свекром и тестем, проявлявшим терпение и такт во взаимоотношениях с новыми членами семьи. Семья вообще много для него значила. Ему было интересно всё, что касалось его домашних. Он всегда был готов помочь и советом, и делом, если у кого-то из них возникали проблемы, с глубокой нежностью относился к своим родителям, старался как можно чаще их навещать. Он буквально источал заботу о своих домочадцах, при этом сам был неприхотлив в быту, не требовал к себе как к отцу семейства и основному добытчику повышенного внимания.

Свою привязанность к детям он в значительной степени перенес и на внуков, уделяя им достаточно много времени, невзирая на огромную занятость по работе. Они сами стремились к общению с ним, узнавая от него много нового и интересного. Это общение носило развивающий характер. Например, своей любимой внучке Олесе (которая впоследствии тоже стала психологом), когда ей было пять лет и она была очень увлечена историями о динозаврах, он предложил совместно сочинить стихотворение про динозаврика – и вот что у него вышло:

Динозавр на свете жил,
Был он весел, толст и мил.
А в Москве через века
Девочки одной рука
Чудо это рисовала:
Было ей матрешек мало.
Говорил ей папа: «Леся!
Ты не думай о Лохнессе!

Нет чудовищ с пастью жаркой
Ни в Москве, ни в зоопарке.
Нет совсем их на Земле!
Не придут они к тебе!»
«Папочка! Ты просто соня!
Ты уснул, а на балконе
В комнате, где дремлешь ты,
Ящер проложил следы.
Растворились ночью двери –
К нам влетел археоптерикс!
Ночью был и стук, и звон –
К нам зашел игуанодон.
Разбудил он бабу Саню,
До утра плескался в ванне!..
Посмотри под кресло, папа:
Динозавра видишь лапу?»
Папа бледен стал, как мел:
«Наш Лесенок заболел!..»

Артур Владимирович был в курсе всех студенческих дел представителей младшего поколения семьи. Он старался вдохновить обе студенческие пары на научные подвиги.

Тему моей первой курсовой работы – восприятие моды дошкольниками – предложил мне тоже он, увидев, что я строчу на машинке себе платье. Эта тема так захватила меня, что вместо того, чтобы отделаться пустой формальностью – изложением общей постановки проблемы и легким обзором литературы, как это было принято среди второкурсников, я с энтузиазмом бросилась разрабатывать процедуру исследования, рисовать наглядный материал, чтобы провести эксперимент в детском саду. Если в головах у нас возникали какие-то научные соображения или сомнения, то, невзирая на наличие у всех нас научных руководителей, мы обращались прежде всего к Артуру Владимировичу, и он всегда находил для таких бесед время, выступая заинтересованным слушателем и советчиком.

А какие замечательные семейные вечера устраивались на праздники в его доме! На них приглашались друзья и старшего поколения семьи, и младшего. Накануне Артур Владимирович со своим зятем – известным бардом Вадимом Егоровым, с которым они были очень дружны, – запирались в кабинете, чтобы сочинять остроумные шутливые послания в прозе или в стихотворной форме. Под гитару пелись песни А. Галича и Б. Окуджавы. Вспоминаю об этом с ностальгией...

Тема моей следующей курсовой работы оказалась совершенно иной. Как раз в начале 1970-х гг. А.В. Петровский отошел от своей прежней историко-психологической тематики исследований и стал активно разрабатывать свою *психологическую теорию коллектива* (кстати, так и называется вышедшая в 1979 г. в издательстве «Педагогика» книга под его редакцией). Эта теория, на мой взгляд, в настоящее время несправедливо

«задвинута». Причина видится мне в том, что имя ее создателя, который в 1970–1990-е гг. занимал ответственные должности в Академии (с 1993 г. – Российской академии образования) и в значительной мере определял идеологическую составляющую советского воспитания и образования, стало ассоциироваться с соответствующей идеологией, а сам А. В. Петровский – восприниматься как ее носитель и проводник. Мне думается, пройдет время и научное психологическое сообщество еще повернется к этой красивой своею стройностью теории лицом, поскольку в ней, безусловно, есть рациональные зерна.

Так вот, Артур Владимирович был очень увлечен обоснованием своего *стратометрического подхода к психологии коллектива*. К участию в этой работе он привлек своих аспирантов и соискателей, а также сотрудников возглавляемой им лаборатории психологии личности в коллективе. Постепенно у него сложилась картина функционирования коллектива как высшей стадии развития малой группы, были выделены и присущие коллективу феномены *групповой сплоченности как ценностно-ориентационного единства, коллективистического самоопределения, действенной групповой эмоциональной идентификации, возложения и принятия ответственности в условиях групповой деятельности* и др. Каждый из выделенных феноменов стал предметом специальных исследований и получил экспериментальное подтверждение своего существования. Была проделана поистине колоссальная работа, увенчавшаяся созданием стройной психологической теории коллектива, отраженной в статьях самого А. В. Петровского и в сборниках трудов его единомышленников. Артур Владимирович задавал своим сотрудникам высокий градус энтузиазма. Сколько заинтересованных жарких обсуждений, яростных споров состоялось в стенах НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР на Моховой (ныне Психологического института РАО), где размещалась лаборатория! Сколько жизни, научного задора было в людях, причастных к созданию этой теории!..

Сейчас, в майские дни, когда приближается памятная дата – 90-летие со дня рождения А. В. Петровского (14 мая), вот так предстает передо мной Артур Владимирович: как замечательный человек, редкий семьянин, известный ученый, внесший вклад в развитие разных областей психологии – истории отечественной психологии, социальной и теоретической психологии.

Вадим Егоров

ТЕСТЮШКА...

...Он вошел в аудиторию, и мы, первокурсники-желторотики, новая поросль МГПИ, замерли и затихли. И не потому, что он произвел такое уж неизгладимое впечатление – не высок, не атлет, не Ален Делон, вполне наметившаяся залысина, солидный возраст (Господи, а ведь ему тогда только-только сорок стукнуло!), а потому что предмет манил. До этой лекции мы уже прослушали несколько – старославянский, история КПСС, диалектический материализм, короче, тоска смертная. А тут – психология! Это ведь что-то о душе, которой, согласно диамату, и нет вовсе.

Он разложил на столе бумаги (в которые за всю лекцию так и не взглянул), представился и... запел. Да-да, запел! В том смысле, что его повествование звучало как песня и слушать ее хотелось, как старик Державин слушал юного Пушкина – оттопырив ухо ладонью. Простота и отточенность формулировок, яркая метафоричность речи, умение, не заискивая, быть одним целым с аудиторией, шутка к месту, легкий сарказм. С этого дня он стал любимым преподавателем курса и предметом воздыханий если не половины моих сокурсниц, то трети – это точно.

Так он вошел в мою жизнь. Как оказалось – навсегда. Артур Владимирович Петровский. Для всех – доктор наук, профессор, зав. кафедрой, академик, президент. Для меня – человек, с котором прожил бок о бок почти полвека, которого любил и люблю безмерно, которого всегда называл и называю уменьшительно-ласкательно: тестюшка.

Путь к этому слову занял полтора года с того дня, когда ко мне, уже третьекурснику, в институте подошел Артур Владимирович и... Здесь надо прерваться и пояснить читателю, что еще в школе я баловался стишками, а с 10-го класса еще и песнями. В институте это баловство расцвело пышным цветом и на третьем курсе я уже выступал на одних подмостках с такими корифеями МГПИ, как Юрий Визбор, Юлий Ким, Ада Якушева, Юрий Ряшенцев. Короче, был этакой звездой местного разлива. Салаги-первокурсники, издав рукописный журнал собственных творений, предварили его четверостишием:

Да, я не признанный пиит,
но верю я, что очень скоро
узрит меня Вадим Егоров
и, в гроб сходя, благословит.

Вот тогда-то и подошел ко мне в институте Артур Владимирович и сказал примерно следующее: «Вадим, не могли бы Вы как-нибудь прийти ко мне домой и почитать моим близким свои стихи. В принципе они их читали, но мне хотелось бы, чтобы они услышали их в Вашем исполнении». Я откровенно опешил: откуда он вообще знает о моих поэтических потугах. Не скрою, было лестно. А если б я знал тогда, что эта просьба поступила мне

от человека с безупречным литературным вкусом, блестяще знающего русскую и советскую поэзию, а следовательно, абы кого не позвавшего бы в свой дом, я бы, наверное, лопнул от гордыни и тщеславия.

И вот в назначенный день и час я вхожу в дом у метро «Аэропорт», нажимаю кнопку звонка, дверь открывается (тогда в 66-м «кто там?» не спрашивали и в глазок не глядели) и... «Вы Вадим Егоров? А я дочка Артура Владимировича, Таня. Заходите. Папа звонил, он задерживается на полчаса». Далее по Булгакову: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в темном переулке, и поразила нас сразу обоих». Про обоих вряд ли, а вот меня – это точно. На ватных ногах, с пересохшим горлом вошел я в квартиру, и на все попытки самой очаровательной девушки в мире поддержать с гостем светский разговор, отвечал тупыми «да-нет». Даже на откровенно комплиментарную фразу «Вадим, мы в семье просто упиваемся Вашими стихами» ответил откровенной дерзостью: «Вот уж не ожидал, что в моих стихах столько воды!». Тут я, возможно, впал бы в окончательный ступор, но в это время из одной комнаты вышла красивая светловолосая женщина (моя будущая теща), из другой – в меру упитанный юноша (мой будущий шурин) и, наконец, открылась входная дверь и появился мой главный спасательный круг – глава семейства и мой будущий тесть Артур Владимирович Петровский. Был накрыт стол, я из состояния одеревенелости перешел в состояние эйфории, читал стихи, пел под фоно свои песни и только один понимал, что пропал окончательно и бесповоротно.

С этого дня начались волшебные полтора года ухаживания за Таней, обожания ее, обретения ответного чувства и почти ежедневного общения с Артуром Владимировичем, которого до этого видел в стенах института раз в месяц, держась на почтительном расстоянии. Закончилось все это совершенно фантастическим согласием Петровских на наш брак. Вдумайтесь сами – какая свадьба! Невесте 19 лет, жениху 20, оба студенты. Жених, правда, завидный: работает лаборантом в школе за нищенскую зарплату, этакий «миллионер из трущоб». А Артур Владимирович взял и благословил! Видимо, вспомнил, что встретил свою Вету тоже в 19 лет и был таким же «миллионером», как и я. В итоге подарил нам с Таней почти 40 лет супружества, а себе двух внуков и трех правнуков.

А еще – и это, возможно, самое важное для меня – преподнес мне десятилетия общения с собой, а значит, десятилетия непрерывной подзарядки от его мощного интеллекта и глубинной порядочности.

В разные годы судьба дарила мне встречи с людьми, безусловно отмеченными отсветом гениальности, – с Булатом Окуджавой, Эрнстом Неизвестным, Анатолием Зверевым, Роланом Быковым, Петром Фоменко... Разговаривая с ними, я всегда бессознательно, кожей чувствовал в них эту божью метку. Так же и с тестем – никогда не покидало ощущение сопричастности к личности, из ряда вон выходящей. Эрудиция – энциклопедическая. Работоспособность – нон-стоп. Рождение новых идей, психологических концепций и методик исследования – в режиме фонтанирования. Я всегда робел перед ним, чувствовал себя Иванушкой-дурачком.

Только однажды это чувство оставило меня на несколько минут – и то благодаря забавному эпизоду. В 1998 году Артур Владимирович купил двухкилограммовый всемирный библиографический энциклопедический словарь – в его библиотеке справочная литература занимала достойное место. Заглянул на букву «П», убедился, что он там присутствует (впрочем, мог бы этого не делать – его имя всегда присутствовало в подобных изданиях). Теща в шутку сказала: «Погляди, может, там уже и зять есть». Он в шутку ответил: «Все может быть, сейчас погляжу». А через минуту раздался вопль: «Вета, ты представляешь – обо мне семь строк, а о нем одиннадцать!». Посмеялись. Я-то понимал: если на мои одиннадцать высыпать все строки о тесте, написанные в разных энциклопедиях и справочниках «Кто есть кто?» – над моими одиннадцатью такой Монблан вырастет!

Под Новый 1977 год Артура Владимировича увезли на «скорой» с тяжелейшим желудочным кровотечением. Ситуация была критическая. В эти дни я посвятил ему стихотворение:

Новогодний тост

А. В. Петровскому

Пока касаются подошвы
земли и теплится душа –
давайте жить! И жить подольше!
И этим воздухом дышать!
Давайте в лапе запотелой
перо сжимать и молоток,
и пиво пить, и дело делать,
и женщин брать под локоток!
Бежать от немощи и хвори,
кутить до самого утра
и запах новогодней хвои
вдыхать до самого нутра.
Нам будет Дед Мороз на вате
кивать румяной головой.
Он невзаправдашний? Давайте
поверим в то, что он живой!
Таланты, бездари, растяпы –
пока вокруг зима сама,
давайте до утра хотя бы
сойдем с ума, сойдем с ума!
Бокалы осуши – и дрызни!
Безумствовать, мужать, дружить –
давайте жить! Давайте жить!
Все остальное – мелочь жизни!

20 декабря 1977 г.

После этого Бог подарил тестю почти тридцать лет жизни. Может быть, я не зря написал эти стихи?

Его портрет стоит на книжной полке перед моим письменным столом. Каждое утро, садясь за него, я поднимаю глаза и мысленно говорю: «Доброе утро, тестюшка!»

А он не отвечает.

Уже восемь лет не отвечает…

Борис Бим-Бад

БЫЛЬ ОБ АРТУРЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ ПЕТРОВСКОМ

Имя Артура Владимировича Петровского, который был на 17 с половиной лет старше меня, впервые появилось в моей жизни как имя соавтора (с Г.А. Фортунатовым) учебника психологии, который был введён в обязательный учебный план средней школы. Было это более полувека назад, но с тех пор наука психология и учебник А.В. Петровского о ней практически нераздельно существовали в моём сознании.

Ещё через некоторое время, будучи студентом пединститута, я увидел в книжном магазине на Кузнецком мосту «Беседы о психологии» А.В. Петровского. Знакомое имя! Немедленно приобрёл нетолстый том в твёрдом переплёте и с удовольствием проглотил его.

А потом я сдавал вдруг материализовавшемуся Артуру Владимировичу экзамен по психологии. И опирался не только на учебники, но и на эти популярные «Беседы». Полезное, доложу я вам, дело – читать студенту добротную литературу для начинающих.

Когда же (с апреля 68-го) я стал научным сотрудником Академии педагогических наук, встречи и пересечения с Артуром Владимировичем приобрели весьма частый характер: на общих собраниях академии, в РИСО (редакционно-издательский совет), на конференциях.

Для одновременного с работой в академии учительствования мне доводилось читать и частично конспектировать труды А. В. Петровского. Так, вышедший в 1973 году под его редакцией коллективный труд «Возрастная и педагогическая психология» посеял во мне разумную и добрую мысль о пользе для самих подростков знаний по психологии подростка. Мысль эта крепла по мере накопления педагогического и недавно получила форму «психологических возрастных зеркал».

Реальное моё сотрудничество с Артуром Владимировичем началось в 1988 году в рамках Временного научно-исследовательского коллектива (ВНИК) «Школа». И объём, и интенсивность нашей совместной работы постоянно шли по нарастающей, пока не переросли в тесную личную дружбу и даже дружбу семьями. Когда я был ректором Университета РАО, Артур Владимирович оставил пост президента Российской академии образования. Он стал моим штатным советником: читал лекции и помогал строить психологический факультет университета.

В последние несколько лет отпущенной Артуру Владимировичу жизни мы почти каждый день беседовали. Правда, только по телефону, поскольку посещать дома друг друга стало слишком трудно. Именно беседовали, а не «перезванивались». Немало книг обсудили, а проблем – пропасть.

Прекрасное это изобретение – телефон: с помощью его и магнитофона мы записали ряд последних статей и даже фрагментов книг Артура Вла-

димировича: в старости он утратил зрение и потерял возможность фиксировать свою речь письменно.

Ряд статей в журналы и в Большую Российскую энциклопедию мы совместно написали именно так, по телефону.

Короче: мне посчастливилось не просто хорошо знать нашего юбиляра, но сотрудничать с ним и даже дружить.

Как-то в 90-х годах мы решили попутешествовать по Америке: посетить разные штаты, побывать в университетах и школах. Начали с Денвера, Колорадо. Потом переместились в Техас, затем – в Вашингтон. Здесь 13 сентября 1993 года нас, мирно бредущих по какой-то улице, чуть не сбили автомобили охраны, на безумной скорости сопровождавшей в Белый дом то ли Ицхака Рабина, то ли Ясира Арафата для подписания мирных соглашений.

Потом мы полетели в Миннесоту, из Сент-Пола добрались до Нью-Йорка, откуда рукой подать до Москвы.

В целом мы пробыли в Штатах около месяца. Артур Владимирович читал лекции по-русски. Я переводил. Это, кстати, позволило мне тоже прочитать пару докладов и поучаствовать в дискуссиях. Артур Владимирович считал, что не умеет говорить по-английски, что едва в силах разобрать какую-нибудь деловую бумагу или адаптированную детскую сказку.

К концу нашего пребывания в Штатах у Артура Владимировича внезапно актуализировался латентный английский и в застольях, после одной-двух рюмок, он смело произносил длинные тосты. Это граничило с чудом. Мой старший друг уверял меня, что никогда не изучал английского языка, ни в школе, ни после. Неужели он обрёл чужеземную речь во время месячного пребывания в иноязычной среде?!

Полагаю, что его спичи составились из вокабул, отрывочно и случайно сохранившихся в его памяти из подстрочных примечаний в различных книгах, из контекстных значений отдельных звукосочетаний, которые он уловил в речи наших собеседников. Артур Владимирович синтезировал разрозненные лексемы, нанизывал их на стержень своей мысли и создавал впечатление свободного потока речи, вполне спонтанного. Разумеется, ему пришлось следовать грамматическим законам чужого языка, что представляется мне особенно загадочным.

Лингвистические способности Артура Владимировича были феноменальными. Незадолго до своего ухода он попросил меня проверить орфографию латинского слова «якорь». Оказывается, ему понадобилась некая латинская фраза, в которую входило сие слово. «Вычитал эту фразу в детстве», – сообщил он.

В детстве Артур Владимирович читал необычайно увлечённо и много. Его отец был крупным библиографом, да и мать дружила с книгой до последнего дня жизни. «Торик (вероятно, принятое в семье сокращение от «*Артурик*»), – обращалась она к сыну по возвращении его с работы в Президиуме Академии педагогических наук. – Может, тебя заинтересует эта статья в “Новом мире”? Мне она показалась весьма любопытной».

Немудрено, что сын вырос великим книгочеем. Огромная и тщательно подобранная библиотека в его доме не бездействовала. Справочные

издания, русская и всемирная классика, современные издания, много поэтических произведений, специальная литература...

У Артура Владимировича был абсолютный лексический слух и высокоразвитое грамматическое чутьё. Не подлежит сомнению – он настоящий стилист, безупречно работавший в самых разных жанрах. Научный стиль его был строг, пародии остроумны, публицистика истинно злободневна, а художественные зарисовки сдобрены юмором и притом драматичны.

Легко переходил мой удивительный друг от стиля докладной записки во властные инстанции к рецензии на автореферат, от неё – к поздравительному письму. Все жанры в гости были к нему, и каждый мог похвастаться «лица необщим выраженьем».

Как учёного и организатора науки Артура Владимировича по-настоящему стали характеризовать и оценивать сравнительно недавно: «Лицом к лицу *Лица не увидать. Большое видится на расстоянье».*

По убеждению моему, идеи Артура Владимировича чрезвычайно плодотворны и поэтому психологическое сообщество не может не развивать их.

Мне особенно дорог его прощальный подарок человечеству – проект «хронопсихологии» (так Артур Владимирович назвал сравнительную социальную психологию времени). Опорный принцип развёртки «хронопсихологии» – в признании психологической двойственности исторического времени. А. В. Петровский писал о том, что личная биография человека не только пронизана токами исторического времени, но и уникальна, поскольку «зачастую течет по своей собственной траектории, обходя ловушки, расставленные историческими обстоятельствами». Оглядываясь на свою жизнь, осмысливая жизни сверстников и наших предшественников, я всё чаще задумываюсь именно над зтим: «Как не попасть в ловушку исторических обстоятельств?».

Последняя книга А. В. Петровского «Психология и время» – зто подлинный опыт хронопсихологии. Новеллы, образующие главы этой книги, посвящены судьбам ученых, писателей, педагогов, режиссеров, артистов, политиков, общественных деятелей, с которыми автор книги был связан личными и деловыми узами, а также – судьбе российской психологии «на обочине особого пути» развития нашей страны.

Опыт хронопсихологии А. В. Петровского в силах вдохновить талантливых исследователей на подобные изыскания и в будущем. А они нам – поверьте мне, историку педагогики – ой как нужны...

Сейчас, когда я пишу зти строки, я все более отчетливо понимаю тотальность и особую ценность «зры Петровского» в моей жизни. Это была эра практически непрерывного содержательно-делового и дружески-душевного общения.

Таких друзей мало случалось на моём веку. Однажды он спас от смерти мою жену, подсказав простой и зффективный способ останавливать носовые кровотечения (она страдала тяжелым заболеванием крови), которого не знала тогдашняя медицина. Именно Артур Владимирович настоял на защите мной докторской диссертации и на переезде моём из шумного и задымлённого района в зелёный и тихий округ Москвы.

Неоценимо помог этот прозорливый, ответственный человек и в университетском строительстве. По его инициативе созданный мной прежде Российский открытый университет был превращён в Университет Российской академии образования (УРАО) с центром в старинном особняке на Большой Полянке. Привлёк Артур Владимирович на психологический факультет университета многих талантливых психологов. И важнее всего – Артур Владимирович сам читал на факультете и проводил практические занятия.

О себе Артур Владимирович говорил: «Я человек тревожный». На самом деле он был «вперёдсмотрящим» – предусмотрительным, предвидящим трудности и проблемы и безотлагательно предотвращающим опасности.

Он страстно заботился о родных, близких и друзьях. Страстно увлекался идеями. Страстно откликался на загадки человеческой природы и на научные обсуждения. Это был человек неуёмных страстей.

Через все годы своей жизни – со времени возвращения с войны и до последнего инфаркта – пронёс он любовь к жене, другу, помощнице, матери его детей – Иветте Сергеевне Петровской.

Как популяризатора науки и мастера слова Артура Владимировича я поставил бы рядом с Айзеком Азимовым и Эрихом Фроммом. В его руках было сильнейшее орудие – эмпатия вкупе с мощным творческим воображением. Как очень немногие, он умел ставить себя на место предполагаемого читателя или (и) собеседника и, не теряя в интеллектуальной честности, обсуждать с ним самые сложные проблемы.

Благодаря этим способностям учёный психолог А.В. Петровский становился образно мыслящим артистом.

Будучи научным консультантом известного фильма Ролана Быкова «Чучело», Артур Владимирович крепко сдружился с Быковым. Их обсуждения вопросов искусства, свидетелем которых мне довелось быть, – это беседы учёного с художником, двух умных мастеров-артистов. Беседы, что называется, на равных.

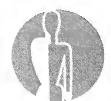
Бойцовские качества Артура Владимировича, свойственные ему всегда (я имею в виду борьбу с тяжёлыми обстоятельствами), проявились и в глубокой старости, когда его постигла слепота. Дряхлый, немощный и незрячий, он сочинял свои тексты в уме, диктовал их, в частности, и мне, по телефону. Я записывал его диктовки на диктофон, расшифровывал текст, посылал его родным. С их помощью он дорабатывал тексты на слух и снова диктовал мне. После нескольких итераций он признавал новые тексты готовыми.

Быль об Артуре Владимировиче Петровском – сказ про богатыря духа.

Интервью

Валерия Мухина

ИНТЕРВЬЮ С АРТУРОМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ПЕТРОВСКИМ

1. Кто был Вашим значимым учителем?

Бесспорно, Григорий Алексеевич Фортунатов. Он был представителем славного рода Фортунатовых, которые давали России ученых, священнослужителей и учителей начиная с XVI века. Родоначальником рода был палехский живописец Кузьма Богомаз. Отцом Григория Алексеевича был Алексей Федорович Фортунатов, профессор Петровской (ныне Тимирязевской) академии. Его дядя – выдающийся российский филолог Филипп Федорович Фортунатов.

Фото 1. Артур Владимирович Петровский. Таким его знают и помнят многие

Фото 2. Артур Владимирович Петровский – первый президент Российской академии образования

Жизнь Григория Алексеевича с середины 30-х го-дов XX века была поистине драматической. Профессор педологии, автор и соавтор учебников педологии начиная с 1936 года был «украшен» ярлыком псевдоученого. Его лишили звания профессора. Поэтому моим научным руководителем был до-цент Фортунатов.

Григорий Алексеевич помогал мне освоить азы психологической науки, вводя её в контекст мировой культуры. Это был образец ученого, для которого ученик не выступает как штамповщик диссертационного «кирпича». Он считал себя ответственным за всё, когда речь шла о его учениках.

Григорий Алексеевич – человек редкостной эрудиции и удивительных личностных качеств, подобные которым мне редко приходилось встречать в кругу моих коллег. Он по-отцовски относился ко мне, не только заботясь о моем росте как научного работника, но даже о моих бытовых проблемах. Когда мы с женой остались практически бездомными, он помог нам снять квартиру возле его дома. Это обеспечивало условия нашего сотрудничества.

Когда Григорию Алексеевичу предложили написать учебник психологии для средней школы, он пригласил меня в соавторы. Учебник выходил с 1956 по 1959 год общим тиражом два миллиона экземпляров. Учебник был переведен на многие языки мира.

Не знаю, что обо мне думают те шестьдесят кандидатов наук, у которых я был научным руководителем. Разные приходили ко мне и уходили в автономное плаванье молодые люди. У меня же никогда не иссякнет чувство глубокой признательности и любви к моему первому учителю.

Память о Григории Алексеевиче Фортунатове для меня драгоценна.

2. Вы удовлетворены своей жизнью и карьерой?

Да. Считаю, что я сделал то, что мог сделать.

3. Каково состояние Вашей души в настоящий момент?

Трудный вопрос... Пожалуй, это не то состояние, о котором мне бы хотелось сейчас говорить.

4. Ваши планы на будущее?

Личные...

Хороший вопрос для человека, которому исполнилось 82 года. Способ рассмешить Господа – поведать ему планы на будущее.

Но, если говорить о самом ближайшем будущем, я хотел бы завершить некоторые свои замыслы. Кроме того, не исключено, что я завершу и опубликую книгу «Психология и время».

Меня уже давно интересует идеальная представленность и продолженность человека в человеке, в которой непосредственно обнаруживается несовпадение между бытием человека как индивида и бытием человека как личности. Я давно размышляю над этой проблемой и обсуждаю на страницах моей рукописи «Психология и время».

Потребность человека быть личностью – это сущностный феномен. Возможно, это прорыв к бессмертию.

Для меня значима проблема способности человека быть личностью. Это индивидуально психологические особенности человека, благодаря которым он совершает социально значимые поступки, обеспечивающие его персонализацию в других людях.

В семье...

Дело в том, что у меня двое детей, 10 внуков и правнуков. Планы относятся к каждому из них в отдельности. Возрастной диапазон этой компании от двух до вполне профессорского возраста сына (56 лет).

5. Ваше отношение к своим родителям и предкам?

В моей книге «Записки психолога» есть глава «Семейная история Ивана, не помнящего родства». Я с этим Иваном не в родстве. Родство помню и горжусь моими родителями и предками.

О родителях скажу. Отец, Владимир Васильевич Петровский (1895–1981), по мнению моему и всех, кто его знал, был типичный российский интеллигент. В голодном и страшном 1921 году он организовал в Севастополе детскую и юношескую библиотеку – возможно, первую в Советской России. Сегодня в читальном зале этой библиотеки можно увидеть стенд, посвященный моему отцу.

Фото 3. **Александра Абрамовна, Владимир Васильевич Петровские и их сын Артур**

Моя мама, Александра Абрамовна (1895–1991) – прекрасная рассказчица. Сохранила до 95 лет молодой голос. Она даже могла разыграть по телефону, притворившись смелой и озорной девушкой. Писала стихи – весьма иронические! Иногда в стихах загадывала нам загадки. Ну вот например:

Я подала сигнал...
И он пришел за мной...
И дверь свою открыл он предо мной...
И я, войдя с мороза, поняла,
Что это рай земной!
Мы вознеслись...
Минуты пролетели.
Он ласково открыл мне двери
И тут же их закрыл за мной...

– Вы догадались, о чем, о ком эти стихи?

– ?

– Это лифт.

А бывало и так. Кто-то звонит, ошибаясь номером. Мама у телефона. Молодой человек слышит ее голос и дальше у них такой разговор:

«Девушка!»

«Я не девушка!»

«А кто же вы?»

«Я бабушка!»

«Но у вас такой молодой голос!»

«А я его беру на прокат... В Большом театре».

В последний день своей жизни мама прочитала в журнале «Наука и жизнь» мою статью и успела похвалить ее.

Что касается предков, то мы, советские люди, боялись вглядываться в корни и ветви генеалогического древа. Однако недавно почти подтвердилась семейная легенда: мой отец был двоюродным племянником известного охотника за провокаторами – Владимира Львовича Бурцева. Он разоблачил Азефа – короля провокаторов. В.Л. Бурцев доказал, что «протоколы сионских мудрецов» являются антисемитской фальшивкой, сфабрикованной полицией. В дальнейшем В.Л. Бурцев эмигрировал. В Германии издавал журнал «Общее дело» и считался первостатейным антисоветчиком. Страшноватый был родственничек по тем временам.

6. Ваше отношение к своим детям?

Такое, какое должно быть у любящего отца. Это предполагает и критическое отношение. Впрочем, ничего серьезного эта критика не касается.

Фото 4. Артур Владимирович с детьми (Танюшей и Вадимом)

Фото 5. Семья Петровских: Вадим, Таня, папа, мама

7. В чем для Вас смысл жизни?

Дело в том, что я всегда иронически относился к проблеме смысла жизни. Какой может быть смысл жизни, кроме того, который ты сам в нее вкладываешь?

Для человека важно иметь сколько-нибудь дальние цели. Должна быть где-то близко завтрашняя радость. У меня есть еще некоторые цели… Опубликовать книгу, написать еще пару статей и узнать, что мои внуки и правнуки успешны в своих учебных и личных делах. В противном случае – жизнь бесцельна...

Фото 6. **Вадим говорит: «Повезло нам с сестрой!»**

Фото 7. **Вот она – «идеальная представленность»...**

Фото 8. **...и полнота присутствия**

8. К каким добродетелям относитесь с наибольшим уважением?

Честность. Я бы мог назвать много других качеств: порядочность, совестливость.

9. К какому пороку относитесь с наименьшим снисхождением?

Да! Это серьезный вопрос. (Думает. Долгая пауза.) Ой, трудный вопрос! (Долгая пауза.)

Назову два. Хотя, может быть, они и не главные...

Хамство и неблагодарность.

И еще не терплю глумливость. С чем часто встречаюсь в нашей прессе, где это качество стало своего рода литературным стилем.

10. Ваше любимое занятие?

В разное время – разное. Прежде всего, это работа. Работа и чтение. Это, пожалуй, мое любимое занятие.

11. Если бы Вы были всемогущим волшебником, что бы Вы сделали?

Для себя...

Вернул бы утраченное зрение. Я практически незрячий.

Для близких...

Восстановил бы их здоровье. То, что они утратили.

Для своей деятельности...

Для меня самое главное получить доступными средствами тот объем информации, которого мне недостает для решения творческих задач. Впрочем, во многом моя жена Иветта Сергеевна существенно помогает решать мои проблемы.

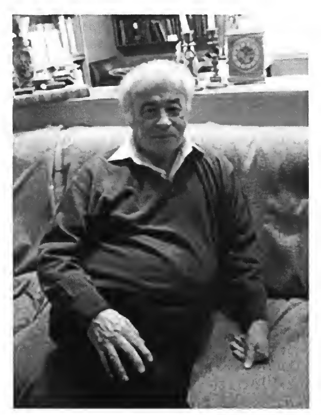

Фото 9. Он умел слушать... Это не было только «безоценочное слушание», по Роджерсу... Это было полноценное слушание...

Другие измерения

Артур Петровский

*ЗА ШЕСТЬ ЛЕТ ДО ДУЭЛИ**

Былое нельзя воротить...
выхожу я на улицу
и вдруг замечаю:
у самых арбатских ворот
извозчик стоит...
Александр Сергеич прогуливается...
Ах! Завтра, наверное, что-нибудь
произойдет!

Булат Окуджава

Не такое уж это удовольствие ходить взад и вперед по узкому тротуару, сторонясь прохожих и вообще стараясь не привлекать к себе чьего-либо досужего внимания. К тому же мне было холодно. Апрель в этом году выдался не очень теплым.

Я, конечно, знал, что пришел к этому месту вовремя, поскольку сопоставление дневниковых записей и некоторых писем, отправленных на другой день после званого обеда в доме отставного ротмистра гвардии Пашкова на Чистопрудном бульваре, не могло вызвать у меня сомнения. Однако не с точностью же до получаса определялось время появления интересующих меня лиц.

Устав, я прислонился плечом к стене хорошо знакомого мне с юности арбатского дома. Из подъезда, за которым я наблюдал, уже два раза выходил лакей, поглядывал в мою сторону, очевидно, я представлялся ему достаточно подозрительной личностью.

На другой стороне улицы в беспорядке были разбросаны небольшие особняки с белыми под мрамор колоннами. За ними гущевали огромные сады, норовя выплеснуться на улицу густыми разлапистыми ветвями.

Ко мне подошла какая-то баба в забрызганной грязью юбке, держа в руках корзину, покрытую довольно чистым полотенцем: «Купите, барин,

---

* Рассказ, написанный А.В. Петровским и включенный им в приложение к книге «Психология и время» (СПб., 2007).

прянички – медовые, сладкие, дешевые, – скороговоркой сказала она, – не пожалеете». «Чертовы инструкции, – думал я. – Пряники так увлекательно пахнут». Но я хорошо знал, что не имею права совершить ничего кроме того, что входило в мою задачу, и не произвести никаких действий, которые могли бы иметь хоть какие-нибудь последствия. Конечно, сюжет Рэя Бредбери остроумен, но все-таки в действительности от того, что путешественник во времени в эпоху динозавров раздавил бабочку, политическая конъюнктура в Америке через миллион лет измениться не могла. Случайность такого рода не может обрушить цепь великих закономерностей природы и общества. Тем не менее надо проявлять сугубую осторожность.

Баба еще топталась возле меня, соблазняя медовыми пряниками, как вдруг послышался грохот. Приткнувшись к тротуару, стояла телега, груженая бревнами. Вероятно, их верхний ряд был плохо закреплен, и они с шумом раскатились поперек улицы, полностью загородив проезд для экипажей. Извозчик, неказистый мужичонка, наскоро растаскивал их в обе стороны, освобождая проход для приближавшегося кабриолета. Кучер, проезжая, зло выругался и хлестнул кнутом по плечам и спине мужика. Тот втянул голову в плечи и отошел от телеги. Это происходило как раз у интересующего меня подъезда.

Наконец дверь подъезда растворилась и на улицу вышла в сопровождении лакея богато одетая дама. Ее взору представилась неприглядная картина. Ломовой извозчик пытался втолкнуть бревно на верх телеги, но, увидев гневно смотрящую на него женщину, явно заробел, уронил его, чуть-чуть не перебив себе ноги, сорвал шапчонку и низко поклонился. Дама отвернулась и посмотрела направо вверх по улице. Теперь я смог ее разглядеть. Да, бесспорно красива. Миниатюры, которые я видел, ей не льстили. Однако эталоны красоты существенно меняются век от века, и в чем здесь дело, не берусь судить. Тут я явно не компетентен. Может быть, причиной была нынешняя изощренная косметика, может быть, искусство парикмахера. Кто знает! Судить все-таки надо по меркам позапрошлого века. Она, в самом деле, была хороша.

Повернув голову налево, молодая дама увидела стоящую неподалеку карету и неспешно, почти величественно пошла по тротуару. Подойдя, она что-то сказала лакею и, не приняв его руки, не то что вошла внутрь, а вспорхнула туда.

Мне надо было действовать. Я быстро пошел в том же направлении и занял стратегически важную позицию между подъездом и каретой, не сомневаясь, что сейчас же или минутой позже появится на улице и ОН. Молодожены, как известно, в свои счастливые дни медового месяца больше чем на десять минут расстаться не способны. Так оно и случилось.

Я никогда не думал, что он такого небольшого роста. Его черный цилиндр не делал его более высоким, а, похоже, производил как раз обратный эффект. Он увидел лошадь, ломовую телегу, раскатившиеся бревна… рассмеялся, похлопал мужичка по плечу и сказал: «Ну, братец, угадал – мостить бревнами Арбат. Твое счастье, что поблизости я не вижу

квартального. Скорее выпутывайся из этой беды». Извозчик при упоминании о квартальном три раза мелко перекрестился, а человек в цилиндре быстро пошел к карете. Я оказался у него на дороге:

– Милостивый государь, не соблаговолите ли Вы уделить мне одну минутку времени?

Он остановился и неприязненно спросил:

– В чем дело? У меня нет этой минутки.

– Видите ли, я хочу прочитать Вам стихи.

Тут он, потрясенный моей наглостью, более внимательно на меня посмотрел.

– Мне недосуг слушать Ваши стихи, – буркнул он и рукой подвинул меня с дороги.

– Почему мои? Ваши стихи.

Темперамент у него был явно холерический. Он зло выкрикнул:

– Я не нуждаюсь в уличных чтецах моих стихов. Когда надо, я читаю их сам – и пошел к карете.

Я спокойно в спину ему сказал:

«Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра».

– Да, собственно, почему Его Императорское Величество Александр I Благословенный больший враг труда, чем предшествовавшие ему царственные особы, за исключением, конечно, Петра Алексеевича? Или Вы не могли найти другой рифмы для завершающего этот катрен слова «труда»? Для такого мастера, как Вы, это же пустяк.

От моей иронии, рассчитанной специально для того, чтобы удержать его около себя, он, по всей видимости, оторопел. Некоторое время он молчал, обводя тростью один за другим булыжники на мостовой. Выписав несколько подобных вензелей, он повернулся ко мне и спросил:

– А почему Вы считаете, что это мои стихи?

Тогда я голосом следователя Порфирия Петровича сказал:

– Чьи же еще, батюшка, Александр Сергеевич, Ваши. Вы и сочинили-с.

Пушкин твердо посмотрел мне в глаза и спросил:

– Вы случайно не племянник его Высокопревосходительства генерала Бенкендорфа?

– Милостивый государь, я из другого ведомства, очень далекого от третьего Отделения.

Последовал ответ:

– Я давно подозревал, что кто-то очень интересуется моими бумагами, занимается, очевидно, перлюстрацией. Мой лакей успел Вас заметить.

– Это уж вовсе несерьезно, многоуважаемый господин Пушкин. Вы прекрасно знаете, что эти стихи там никто не мог найти. Припомните, 19 октября прошлого года Вы сожгли наброски для X главы «Евгения Онегина». Правда, несколько четверостиший Вы зашифровали, да так ловко, что их и через сто лет с огромным трудом сумели прочитать. Вот уж что ныне было бы не под силу «умникам» из Третьего Отделения. Среди зашифрованных строф была как раз и та, которую я позволил себе прочесть Вам. Однако Вы не должны порицать себя за случившееся аутодафе. Не поступи Вы таким образом, кто знает, может быть, через четыре месяца после этого жертвоприношения, а следовательно, сразу после женитьбы, Вы могли бы отправиться в свадебное путешествие по Сибирскому тракту.

Говоря это, я как-то внутренне ежился. Что я себе позволяю! Как можно в таком тоне беседовать с Великим поэтом! Однако не я сценарист и режиссер этого представления, я всего лишь исполнитель предложенной мне роли.

В это время очаровательная супруга, потеряв всякое терпение, вышла из кареты и направилась к нам. Одарив меня недобрым взглядом, она по-французски напомнила мужу, что их ждут в гости на Чистых прудах. Почти не задумываясь, он сказал:

– Дорогая Натали, пожалуйста, поезжайте вперед. Я возьму извозчика и через полчаса приеду. Мне надобно серьезно переговорить с этим господином, – и, нежно взяв жену под руку, он проводил ее в экипаж.

Надо было развивать успех.

– Уважаемый Александр Сергеевич, – сказал я, – мне хотелось бы предложить Вашему вниманию несколько интересных карточек, – я достал из кармана небольшой пластиковый пакетик, в который были завернуты фотоснимки.

Пушкин провел рукой по бакенбардам и с презрением бросил:

– Это, вероятно, французские непристойные картинки с голыми девками. Так вот, это меня не интересует. Я их достаточно, – тут он понизил голос и оглянулся на карету, – повидал в натуральном виде. Их у Вас с удовольствием купит вон тот отрок. Для него это будет увлекательное зрелище.

По другой стороне улицы проходил мальчик лет 12–13. За ним плелась гувернантка. Однако вопреки этому заявлению я заметил, что мой собеседник с большим интересом смотрит на пакетик. Я достал фотографии, но он отстранил их и взял в руки тонкий пластик. Ощупал его с явным удивлением и вдруг неожиданно для меня по-детски улыбнулся, подтянул его к губам, слегка присборил и надул. Затем выпустил из него воздух и весело рассмеялся. Я понял, что весь мой план сейчас пойдет прахом. Он попросит у меня пакет, я не смогу ему отказать, хотя Инструкция категорически не допускает, чтобы какие-либо предметы остались после моего исчезновения из этих мест. На мое счастье, его любопытство было преодолено щепетильностью. Он, вздохнув, вернул мне заинтересовавшую его вещицу. Взглянув на фотоснимки, взял их. По-видимому, то, что он увидел, было для него полной неожиданностью, он посмотрел одну за другой фотографии и взглянул на меня с полным изумлением.

Дело в том, что это были снимки Арбата разных годов, начиная с последних лет XIX века. Можно было видеть, как на каждом из них возникают изменения, которые все более и более отдаляли Арбат от того облика, который был сейчас перед нашими глазами. Каждый снимок был датирован вплоть до 2000-го года. Пушкин вытянул одну из «картиною», я посмотрел – год 1967-й, и спросил:

– Что это за тюлени и крокодилы на мостовой? Кстати, и булыжника не видно. Похоже, что это утрамбованный гравий.

Как ему объяснить, что такое автомобиль? Я сказал, что это самодвижущиеся повозки, которые очень быстро перемещаются с места на место.

– Если бы Вы забрались внутрь этого «крокодила», то были бы на Чистых прудах через две-две с половиной минуты, конечно, если какой-нибудь растяпа не рассыплет бревна, – это была хорошо продуманная в Хроноцентре комбинация. Можно было убедиться, как изменяется во времени предметный мир и оказывается возможным прозревать будущее. Вернув мне карточки, он сказал:

– Благодарю Вас. Пройдемте, пожалуйста, в дом, – посмотрел вниз по улице и вздохнул. Карета, все это время стоявшая у тротуара, медленно отъезжала. Наталье Николаевне, видно, надоело ждать.

У самого подъезда он спросил меня:

– А что это за дощечка, которая около подъезда? Она видна на многих картинках. Там очень мелкие буквы, но свою фамилию я разглядел. А между прочим, это дом не мой, а госпожи Хитрово. Не произошла ли какая-то неприятная путаница?

– Госпожи Хитрово? Все эти подробности, вероятно, будут интересны для нескольких историков, а для всего русского народа это раз и навсегда «Дом Пушкина». И никак иначе.

Был бы передо мной обыкновенный человек, у него от радости могла бы закружиться голова. Но предо мной не было «обыкновенного человека». Пушкин некоторое время смотрел через мое плечо так, как будто позади меня стоял кто-то очень высокий. Потом снял цилиндр и вытер платком лоб.

Мы вошли в переднюю. Он что-то приказал лакею, тот поклонился. Поднимаясь по лестнице, мы молчали. Потом он пояснил:

– Я снимаю комнаты на втором этаже.

Не доходя до кабинета, Пушкин вдруг остановился и несколько раз постучал по полу тростью:

– А Вы, случайно, сударь, не оттуда?

Я ответил:

– У Вас есть великолепная возможность проверить. Осените меня крестным знаменем и прикажите: «Изыди, сатана». И если я не провалюсь в адском дыму и пламени сквозь навощенный паркет, то Ваши сомнения исчезнут.

Он засмеялся, но все-таки указал тростью на потолок:

– И не оттуда?

Вообще-то это объяснение меня устраивало. Не рассказывать же ему устройство, задачи и технические возможности Хроноцентра – безнадежное это было бы дело. Я напустил на лицо выражение загадочности и мно-

гозначительно промолчал. Однако наивно было ожидать, что я смогу провести умнейшего человека XIX столетия, который давно понял, «откуда» я прибыл. Он потрепал меня по плечу и сказал:

– Вы, многоуважаемый, в этом доме ни Богу свечка, ни черту кочерга. Кстати, я не знаю, как Вас величать.

– Алексей Петрович Крымский, к Вашим услугам, – я поклонился.

– О звании и чине спрашивать, очевидно, не надо, – я подтвердил это кивком головы.

– Ну что же, пройдемте в мою временную обитель, – и он повернул бронзовую ручку двери кабинета.

Мы вошли. Классический музейный интерьер – мебель красного дерева «павловский ампир» – был нарушен беспорядком бумаг на бюро, ворохом женского платья на ближайшем кресле. Из-под платья выглядывала белая с оборочками юбка, явно интимная часть белья Наталии Николаевны. Проследив за моим взглядом, хозяин снял с себя крылатку, и набросил ее на «нескромные сокровища», скрыв их от моих взоров. Разумеется, я не стал выяснять, почему Наталье Николаевне понадобилось переодеваться не в будуаре, а в кабинете мужа. Не говорить же о «странностях любви» медового месяца.

Хозяин кабинета прошел к небольшому поставцу, стоящему в углу, вытащил бутылку, две рюмки и сказал мне:

– Может быть, для начала выпьем по рюмочке. У меня неплохой лафит.

Выпить по рюмочке с Александром Сергеевичем Пушкиным для меня означало, может быть, главное событие моей жизни. Если бы в мою рюмку был налит не лафит, а денатурат, я бы все равно выпил. Но Инструкции!.. Инструкции… с их запретами! Вздохнув, я сказал:

– Зарок. Ни капли вина до Троицы.

– Сожалею, – улыбнулся он и добавил, – по всей вероятности, Вы давненько в Москве не были. И я полагаю, не менее чем тридцать лет.

– Почему тридцать лет?

– Ну, двадцать пять.

– А почему двадцать пять?

– Видите ли, жилет, который Вы носите, был в моде году в 1805-м или 1809-м. Конечно, на Арбате никто на Вас пальцем указывать не будет, но я бы Вам не советовал появляться в свете.

Он был прав. Черт бы взял этих девчонок из Русского отдела исторической костюмерной. Они мне всучили жилет, которым я пользовался сравнительно недавно, когда был направлен в Москву для того, чтобы сфотографировать рукопись «Слова о полку Игореве», хранившуюся у графа Мусина-Пушкина. У историков возникал целый ряд вопросов, связанных с неграмотностью писцов, которые, не зная многих слов, употреблявшихся в те далекие Игоревы времена, вносили в текст копии малопонятную отсебятину. Как известно, это привело к сомнению в подлинности «Слова...», рукопись которого сгорела во времена московского пожара в 1812 году вместе со всей библиотекой графа. Я выполнил это задание, хотя испытал много трудностей, прежде чем сумел проникнуть в святая

святых. К своему стыду, я должен признаться, что «роскошный московский денди» вынужден был обольстить дочку смотрителя Коллекции.

Александр Сергеевич прервал мои воспоминания, спросив:

– Но, однако, Вы, господин Крымский, прибыли сюда не для того, чтобы читать мне на улице стихи, показывать интересные картинки. У Вас ко мне, вероятно, какие-то серьезные дела, не правда ли?

– Вы правы, я здесь не без корысти. Хотя опасаюсь, что могу быть слишком назойливым. И этим Вас раздосадовать. Литературоведы, я имею в виду ученых XXI столетия, поставили передо мной ряд вопросов, на которые можете ответить только Вы сами. Дело в том, что существует огромное количество книг историков и филологов, посвященных Вашему творчеству. Но не все понятно. Не все места Ваших рукописей расшифрованы. У меня здесь есть небольшой перечень этих вопросов. Может быть, Вы на них ответите. Это касается и некоторых инициалов, непонятных и измененных фамилий, намеков на какие-то обстоятельства и т.п. Ну, словом, у меня есть список, составленный специалистами, так называемыми пушкинистами. Я сам в этом не очень смыслю, но запишу все то, что Вы мне скажете, если, конечно, соизволите ответить.

Подумав, Пушкин сказал:

– Соизволю, – и четко, последовательно, с полной откровенностью ответил на все поставленные вопросы – от первого до последнего.

Я заметил:

– Очень рад, что вы не беспокоитесь о том, что это прочтут Ваши ближайшие потомки. Это прочтут более чем через двести лет.

– Я потому и говорю всё как есть. Но Вы ничего не записывали. Вы сумеете всё это воспроизвести по памяти?

Я улыбнулся:

– Вот, послушайте, – положив руку на вторую пуговицу моего сюртука, я повертел ее, и через некоторое время в комнате раздались наши голоса. Это был фрагмент из только что законченного интервью: «...Ответьте на такой вопрос, каких двух лиц Вы имели в виду, когда писали Дельвигу о полной полярной противоположности их натур, при этом один далеко пойдет, а другой, как Вы заметили, далеко поедет». – «Неужели вашим историкам не было понятно? Конечно, Горчакова и Кюхельбекера. Каламбур весьма пророческий, но очень уж мрачный. Ну, о судьбе Кюхельбекера Вы, естественно, знаете – в какие дальние края он был отправлен, а что касается Горчакова, то я убежден, что он сделает большую карьеру. Может быть, до "действительного статского" дослужится».

– Поднимайте выше. Канцлером будет, министром иностранных дел. Вот так!

Последовало молчание...

– Ну что же, я сегодня и не таких чудес наслушался. Кажется, там, в передней, я допустил ошибку. По-видимому, мне надо было воззвать к Отцу нашему и попросить «избавить от лукавого»...

Я возразил:

– Если бы Ваши далекие предки слышали, как брегет в Вашем жилетном кармане вовремя вызванивает Вам завтрак и обед, они сочли

бы все это дьявольскими происками. Механика, дражайший Александр Сергеевич, не стоит на месте. Она движется вперед.

Надо сказать, что пуговицы на моем сюртуке были многоцелевым агрегатом, обеспечивающим аудиовизуальную запись всего, что происходило с момента нашей встречи на Арбате. Следует также признаться, что вопросник, который я предъявил, как и ответы, мною полученные, были, конечно, крайне интересны историкам, однако ради этого никто бы меня не отправил в столь дорогостоящее путешествие. Это была всего лишь прикрывающая версия. Задача заключалась в том, чтобы я привез фильм, где героем был бы сам Пушкин.

Поэт отошел от меня к бюро. Сел в кресло. Подпер голову рукой и сказал:

– Я сочинил много сказок, но в сказки я не верю. В эту я поверить вынужден. Чем и как я могу Вас отблагодарить. Денег, Вам, очевидно, предлагать не надо. Они Вам ни к чему, – я кивнул. – Так что же я могу Вам дать?

Я не мог устоять против соблазна.

– Если бы Вы так расщедрились, что дали мне две, я уж не говорю, три страницы Ваших черновиков, пусть уже явно Вам не нужных, это был бы самый замечательный подарок, который я когда-либо получал в жизни.

– Извольте. – Он порылся в бумагах, вытащил одну страничку, проглядел ее, потом откуда-то из другого места – другую, наконец – третью. Хитро посмотрел на меня и достал четвертую. Еще раз просмотрел каждую и передал мне. – Только зачем они Вам? В лавке за них и полушки не дадут. Для того чтобы заворачивать селедку, они слишком малы. Между прочим, уважаемый Алексей Петрович, стихи эти напечатаны и изменений здесь было не так уж много. Разве что мои бездарные рисунки на полях. Да и боюсь, что мои поэтические таланты Вы слишком преувеличиваете, сударь.

– Что касается их стоимости… Я не намерен продавать их кому бы то ни было. Это государственное достояние. Что касается реальной цены этих страничек, то, как бы Вам это объяснить… Ну, скажем, так. Они стоят примерно 150–200 душ крепостных, не меньше, и одну-две деревеньки.

– Что?! – вскричал Пушкин. – Вы, наверное, шутить изволите.

– Ни в коем случае. Правда, что касается так называемых душ, то через тридцать лет сын Вашего нынешнего государя Александр II освободит крестьян от крепостной зависимости и счет «на души» утратит свое значение.

Тут я увидел, что он потрясен.

– Крепостных больше не будет… больше не будет, – бормотал он. – Это невероятно, но я Вам верю, – как-то особенно подчеркнув последнее слово, произнес он. – За это… за это, – он обвел глазами комнату, как-то оценивающе приглядываясь к каждой вещи. Потеребил цепочку часов, а потом вдруг нагнулся и выхватил из лубяной корзины, стоявшей подле бюро, столько бумаг, сколько мог удержать в руке. Это были перечеркнутые, разорванные и совсем целые листочки. Не глядя на них, он сунул мне в руки эти бумаги. Переведя дух, иронически заметил:

– Однако, уважаемый Алексей Петрович, у Вас руки дрожат, – в это время я с излишней торопливостью засовывал полученные мною драгоценности во внутренний карман сюртука. – Может быть, еще одну деревеньку сможете прикупить.

– Какую деревеньку, уважаемый Александр Сергеевич! Село с церковью с пономарем, кабаком и кабатчиком в придачу.

Мы рассмеялись.

– Вы мне позволите, в свою очередь, задать Вам один вопрос, – почему-то нерешительно спросил он меня.

– Ну, разумеется, – это был рискованный шаг. Надо было с самого начала догадаться, каков будет этот вопрос.

– Скажите, когда я подобно Вещему Олегу «могильной засыплюсь землею»?

– Дорогой Александр Сергеевич, я не кудесник, который предсказывает кончину человеку. Этого Вам не надо знать.

– Но Вы-то знаете?

– Знаю. Но говорить не буду. Это лишнее, – тут я увидел, что он побледнел и положил руку на сердце.

– Но это будет не скоро, не скоро, – поспешил я его заверить. Я буквально покрылся холодным потом. А что, если с ним приключится инфаркт или, как тогда это называли, разрыв сердца. Тогда я окажусь величайшим преступником столетия. Сердце поэта – не бабочка Рэя Брэдбери. Вся история русской культуры развалится как карточный домик. Даже этот «великосветский шкода», Жорж Дантес, в сравнение со мной не пойдет. Там все-таки был поединок. Что тогда делать? Останется только найти кратчайший путь к Москве-реке и утопиться. К счастью, я увидел, что мое неопределенное обещание («это будет не скоро») как будто успокоило его. Отлегло от сердца. Но я чувствовал, что его мучит еще один вопрос, только он не решается его задать. Потом все-таки вымолвил:

– А Натали... Наталья Николаевна в мой смертный час будет со мной? – все было понятно. Для молодожена очень важно узнать, останется ли ему до кончины верной его жена.

— Да, – сказал я, – Наталья Николаевна до последнего часа будет рядом с Вами.

Он буквально просиял.

– У меня к Вам просьба, Алексей Петрович, Вы давеча там, на улице посулили почитать мне мои стихи. Я тогда разворчался. Не окажете ли мне Вы мне любезность прочесть из того, что я еще не знаю, – не встретив с моей стороны возражений, он сказал:

– Прошу Вас, доставьте мне удовольствие.

Помедлив, я прочитал:

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... и глядь – как раз – умрем.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег».

Он слушал внимательно, и по его лицу было ясно, какое сильное впечатление произвели на него эти строки... И вдруг совершенно неожиданно для меня Пушкин стал читать сам эти стихи, не допустив ни одной ошибки, ни одной запинки, строго воспроизводя то, что он только что услышал. Но как он читал! Как проникновенно, как волнующе! Я оказался первым и единственным человеком на моем веку, кто не только видел и разговаривал с поэтом, но и слышал, как он читает свои произведения.

Впрочем, радость моя длилась недолго.

– А когда я написал, – простите великодушно, – напишу эти стихи? – Лицо его напряглось. – Каким годом датировано это стихотворение?

«Вот оно что, – подумал я. – Это называется не мытьем, так катаньем. Вот что ему нужно. Ясно, почему мне пришлось декламировать...»

Я сказал:

– Дело в том, что у меня еще со школьных лет было неважно с хронологией. Точную дату назвать не могу. Но, судя по содержанию, стихотворение написано человеком в годах. Ведь как раз, чувствуя приближение последнего часа, люди пишут такие строчки. Надеюсь, Вы согласитесь со мной?

Пушкин встал со стула, быстро прошел по комнате. Он улыбался. Я сидел в кресле, испытывая стыд, поскольку лгал в лицо великому человеку; мне помнилось, что литературоведы датируют эти строчки 1834 годом.

Пушкин подошел к окну, посмотрел вниз, кому-то кивнул, затем подошел к дивану и сел на него, достал свои часы, сверил их с теми, которые стояли на камине. Было понятно, что рандеву пришел конец.

Я приблизился к дивану и, слегка наклонившись к нему, спросил:

– Можно ли мне задать Вам еще один, последний, вопрос? Через минуту-другую я покину Вас и, по всей вероятности, к величайшему сожалению, навсегда, – он с некоторым напряжением поглядел в сторону бюро. Я сказал:

– Нет, нет, речь не идет о литературе. Просто мне хотелось бы знать, какие духи предпочитает Ваша супруга, – такого вопроса мой собеседник уж никак не ожидал. Помолчав, он пробормотал:

– Духи?.. Какие духи?.. Не знаю, кажется... – и он назвал какую-то французскую, совершенно неизвестную мне фирму.

– Как Вы думаете, понравятся ли ей вот такие духи? Я извлек из кармана сюртука сверкнувший алмазными гранями дивной красоты флакон и отвинтил пробку.

Он смотрел на меня с таким негодованием и недоумением, каких я до сих пор в его глазах не замечал. Я быстро поднес флакон к его носу и сказал:

– Вдохните, какой изумительный аромат! – он отстранил мою руку, жестко заявив:

– Аромат как аромат! Но как Вы, милостивый государь, осмелились думать, что я разрешу преподнести моей супруге... – голос его оборвался, он закрыл глаза, и голова его прислонилась к полированному полукружью верхушки дивана. Со стороны это, вероятно, выглядело как сцена из спектакля «Моцарт и Сальери», поставленного каким-то новомодным режиссером. В действительности, все было не так. Во флаконе была жидкость, представляющая сложное биохимическое соединение.

Вечный балагур Мишка Генборик утверждал, что это экстракт из «травы забвения». Врал, конечно, химия и ничего кроме химии. Действие этого «экстракта» мне было хорошо известно. Понюхавший его по неосторожности человек будет спать не менее пяти минут, и в это время придет в состояние гиперсуггестивности, то есть сверхвнушаемости. То, что ему прикажет некто, находящийся в роли гипнотизера, будет неукоснительно выполняться. Я наклонился к поэту и сказал:

– Вы забыли все, что с Вами произошло после того, как Вы встретились на арбатском тротуаре с незнакомцем. Вы никогда об этом не вспомните... Наталье Николаевне скажете, что Вас задержал какой-то неизвестный Вам издатель, посулил невероятные выгоды, однако после разговора в Вашем кабинете выяснилось, что он пустомеля, и Вы его выставили вон.

Никаких изменений на лице спящего. Я посмотрел на каминные часы. Оставалось мне не более двух минут. Метнув алчный взгляд на бюро и подавив в себе криминальные наклонности, подошел к камину. Над ним висело большое зеркало, в котором отражалась чуть ли не вся комната. Это оказалось очень удобным для того, чтобы снятый мною ви-деофильм не выглядел как «театр одного актера». Я кинул на тлеющие угли флакон, литературный вопросник и пакетик с фотографиями. Флакон буквально испарился. Бумага вспыхнула и превратилась в пепел. Я шагнул к дивану, посмотрел на дорогое мне и многим миллионам людей лицо, понимая, что это мой последний взгляд на великого поэта. Потом направился к двери, открыл ее и вышел.

Через две-три минуты я шел в сторону Арбатских ворот, перешел на другую сторону улицы и стал за деревом. Посмотрел назад: у подъезда дома, который я только что покинул, стоял извозчик. Я подождал еще немного. Быстрой походкой из подъезда вышел Пушкин, вскочил в пролетку и ткнул кучера тростью в спину. Они поехали. По дороге он раскланялся с какой-то дамой. Проезжая мимо меня, улыбался. Окинув меня безразличным взглядом, что-то сказал кучеру. Тот хлестнул лошадь, и экипаж быстро покатил вверх по улице.

Теперь я уже был абсолютно спокоен. Постгипнотическое внушение оказалось безотказным. Я продолжал следить за его экипажем. Однако он неожиданно остановился. Пушкин из него выскочил и быстро побежал к стоявшей у обочины знакомой уже мне карете. Наталья Николаевна терпеливо, а может быть, и весьма нетерпеливо, его ожидала.

Извозчик остановил пролетку неподалеку от меня и почесал затылок серебряной монеткой. Был он явно раздосадован, поскольку, очевидно, рассчитывал на дальнюю поездку, а проехал всего два квартала по Арбату. Сделав несколько больших шагов, я добрался до пролетки и прыгнул на сидение.

– Дядя! – сказал я. – Рубль тебе на «пропой души». Надо поравняться вон с той каретой и ехать рядом.

– Премного благодарен, Ваше благородие, – затем он чуть слышно проворчал, – а что до души, барин, то ты ее не трожь! Она не твоя и не моя, а Божья.

Я подумал, что выражение «на пропой души» – это, быть может, анахронизм для начала 19-го века. Вскоре мы ехали параллельным курсом с каретой.

Вдруг из открытого окна я услышал голос Натальи Николаевны:

– Боже, Александр, посмотри, кто там сидит! Это он! Я его узнала! Это он!

– Кто он? Кого ты там видишь?

– Это тот человек, с которым ты говорил у подъезда, с которым ты ушел в дом. На нем тот же, не по моде, жилет... Та же внешность! Я успела хорошо его разглядеть.

В окошке кареты появилось лицо Пушкина. Мне показалось, что в раме помещен его живой портрет, напоминавший какую-то картину из Третьяковки. Он долго и внимательно всматривался в мое лицо. Я же, небрежно поглядев в сторону кареты, вытащил записную книжку и стал перелистывать странички. «Портрет» исчез. Я услышал голос: «Натали, я никогда в жизни не видел этого человека. Ты ошибаешься».

– Это он! Он! – твердила она. – Я его боюсь! Он преследует нас. Подними окно и задерни занавеску!

Все это было тут же исполнено.

Я приказал извозчику придержать лошадь и взять вправо. Теперь мы ехали позади кареты. Хорошо был виден задок экипажа и небольшое стеклянное окошко под самой его крышей. Вытащив из кармана зеркало в металлической оправе с короткой ручкой, украшенной несколькими позолоченными звездочками, я принялся рассматривать свою физиономию, поглаживая щеки, как бы проверяя, хорошо ли выбрит, и приводя в порядок растрепавшиеся волосы. Еще и еще раз я рассматривал себя с разных сторон. Если бы на улице был народ, я бы выглядел чем-то вроде Нарцисса, который не устает любоваться своей прелестью. Однако улица была пуста. Только далеко впереди ковыляла старушонка да подле лавки стоял, почесывая свои подмышки, какой-то малый, по-видимому, сиделец, в рубашке навыпуск и надетом поверх нее жилете. Я приказал извозчику остановиться, спрятал в карман зеркало, спрыгнул с подножки, рассчитался. Карета с супружеской четой была уже на Арбатской площади и поворачивала налево к Никитскому бульвару. Я долго смотрел ей вслед и затем окунулся в зеленеющую путаницу арбатских переулков.

Дальше мой путь лежал по многочисленным закоулкам, дорожкам через пустоши, маленьким улочкам. Честно говоря, во всей этой путанице нелегко было найти дорогу. Проходил мимо заброшенных садов с упавшими заборами и ухоженных дворянских с пока еще пустыми клумбами. Потом неожиданно справа от меня оказался высокий забор с крепко запертыми воротами, за которым раздавался бешеный лай псов. Как этот явно купеческий дом мог оказаться в окружении дворянских гнезд?! Наконец,

я вышел к длинному немощенному переулку со следами карет в пяти шагах от большого барского дома. На веранде сидела девушка с книгой на коленях и смотрела куда-то в даль. Услышав мои шаги, она повернула голову, я приподнял круглую петербургскую шляпу, поклонился. Она мило улыбнулась. Я прошел дальше, минуя дворовые постройки.

Устал я смертельно. Сутки во рту не было ничего. Я подумал: «Хорошо бы познакомиться с этой барышней, попить в задних комнатах дома наливки, чаю с вишневым вареньем и ватрушками, а потом погостить у них, погулять с ней по липовым аллеям». Куда там! Может быть! Может быть, сейчас ученый совет Хроноцентра принимает давно назревавшее решение, и я не далее чем через две недели отправлюсь к опричному двору, что неподалеку отсюда. Там, если удастся избежать встречи с Малютой Скуратовым и его подручными, мне надо будет сфотографировать какие-то «пытошные записи», без которых нашим историкам и свет не мил.

Профессия визитера и научного сотрудника, который тащит за собой хвост посетителей по залам Исторического музея, существенно различается. Так, мой коллега, известный визитер Иван Пшеничный был отправлен в командировку, которая не отличалась особой сложностью. Ему надо было побывать в доме полковницы Ушаковой, который стоял, да и сейчас стоит в Хамовниках между Остоженкой и Москвой-рекой. Там, по непроверенным сведениям, были спрятаны последние крамольные записки Александра Николаевича Радищева. Блестящий гвардейский офицер передал привет от петербургской кузины, произвел приятное впечатление на хозяйку, тем более что у нее была дочь на выданье, пообещал зайти к вечеру, но так там больше и не появился. Маменька корила дочку, что та дичилась, была недостаточно любезна с редким гостем, барышня рыдала. Но это все домыслы. А факты таковы.

Аппарат Пшеничного, как это предусматривало программное устройство, был через 48 часов самоуничтожен, не оставив даже облачка пара; на условленную встречу с аварийной командой в укромном местечке в Марьиных Рощах сам Ваня Пшеничный так и не вышел: ни через неделю, ни через две. Между тем речь шла не о визите к кнутобойцу Степану Шешковскому спросить, «что у крокодила на обед», а всего лишь к безобидной хозяйке скромного дома близ Зачатьевского монастыря.

Забираясь влево, я старался обойти обширное имение графа Гагарина, направляясь к Пречистенке. Невольно вспомнилась эпиграмма Пушкина: «Когда Потемкину в потемках я на Пречистенке найду, то пусть с Булгариным в потомках меня поставят наряду». Впрочем, до потемок было еще далеко. Через пять минут я наверняка должен был быть у цели. Должен был быть. Один мой друг любил говорить: «Все должно быть так, как быть должно, если, конечно, не будет иначе». Занятый мыслями о недавних моих арбатских приключениях и замечательной встрече, я пропустил один переулок и завернул по ошибке в следующий. Оказалось, это был тупик. Надо было поворачивать обратно. И в этот момент я увидел, что в конце тупичка на пне сидит огромный мужик в рваной грязной поддевке или чуйке (точного названия этого верхнего платья я не знал) и в опорках на босу ногу. При виде меня он поднялся, и я поразился его росту:

он был на голову выше меня и, пожалуй, вдвое шире. На мой взгляд, мужик весил не меньше 140–150 кг. «Барин, – сказал он, – одолжи пятиалтынный – родителей помянуть. А если рублика не пожалеешь, то я и за рублик на тебя обиду не буду держать». Этого только не доставало! Я круто повернулся и пошел к выходу из переулка.

Конечно, я допустил серьезную ошибку. В два или три шага он догнал меня и всей тяжестью огромного тела навалился мне на спину. Его толстые как бревна руки облапили меня, нашаривая в жилетных и сюртучных карманах тот самый «рублик». Ни один из приемов самозащиты не позволил бы освободиться из этих медвежьих объятий. Но тут он нащупал сквозь тонкое сукно сюртука пушкинские бумаги. Я невольно рванулся. Он прохрипел мне на ухо: «Не трепыхайся, соколик, не трепыхайся, а то я твое личико назад к себе поверну». В том, что он с легкостью может свернуть мне шею, сомневаться не приходилось. Только когда этот гигант слегка освободил мне правое предплечье, отыскивая внутренний карман сюртука, я засунул руку в потайной карман брюк и извлек шокер, прижав его наугад к брюху вора. Электрический разряд был, очевидно, даже для этой туши чрезмерным. Он сразу отпустил меня. Оглянувшись, я увидел, что мужик зашатался и тяжело рухнул в прошлогодний сухой бурьян. К счастью, у меня был этот шокер – единственное оружие, которое дозволялось иметь визитерам.

Успокаивая сердцебиение, я стоял над упавшим, думая о том, что должно было наверняка произойти: через некоторое время в вестибюле Хроноцентра на мраморной доске под надписью «Иван Антонович Пшеничный» было бы выгравировано мое скромное имя.

Я вышел из горловины переулка. Мужик пролежит еще минут десять, потом встанет, не понимая, что с ним произошло.

Сквозь голые ветви крон деревьев уже был виден купол и покосившийся крест церкви на углу Староконюшенного переулка. До цели было всего несколько шагов. Я подошел к заброшенному дому с окнами, забитыми досками, и прошел в глубину двора к развалившемуся каретному сараю. Открыл универсальной отмычкой ржавый замок и зашел внутрь. В сарае была полутьма. Справа стоял возок без колес и с оторвавшейся дверцей. По-видимому, он относился либо ко времени Елизаветы Петровны, либо Анны Иоановны.

Закрыв на засов ворота сарая, я присел на подножку возка. Достав из кармана зеркало, которое было чем угодно, но только не зеркалом, я повернул позолоченную звездочку. Раздалось какое-то шипение, стук колес, потом возник взволнованный голос Натальи Николаевны. Она что-то говорила мужу по-французски. Французский язык я знал хуже, чем немецкий и английский, и поэтому, еще раз поколдовав над ручкой «зеркала», я включил синхронный перевод. Она говорила:

– Ты можешь обижаться на меня или не обижаться, но я тебе не верю. Не верю ни в какого издателя, ни в какие переговоры с ним. Почему ты не мог назначить ему другое время для встречи? Как ты мог бросить меня одну?! Ты понимаешь, в какое положение ты меня ставил?! Если бы я приехала на званый вечер без мужа, какая радость была бы для московских кумушек! Всем же известно, что у нас с тобой медовый месяц. Да ты

и сам не даешь мне об этом ни на час позабыть. Сегодня днем, в твоем кабинете, я... – она замолчала, не окончив фразы. Ну, скажи, скажи, – она всхлипнула, – зачем тебе понадобилось меня обманывать? Не мог же ты забыть лицо человека, с которым недавно разговаривал и на улице, и в доме! Зачем эти выдумки? Издатель? Какие-то деньги! Что ты можешь ответить? Что ты скрываешь от меня?

Я долго прислушивался, наконец, услышал тихий, тоскливый голос: «Натали, был издатель, был! Я это хорошо знаю, но вспомнить его не могу. Не могу сказать, о чем мы говорили. Да, он обещал какую-то прибыль за издание каких-то моих стихов. Но какую прибыль, каких стихов... Это мучительно. Ты права, когда напоминаешь, что у нас медовый месяц. Но поверь, сегодня самый несчастный день этого самого счастливого месяца моей жизни».

Я выключил запись, мельком глянул в зеркало на свое мрачное лицо. Как же я плохо все рассчитал, какой черт дернул меня последовать за их каретой, как я мог допустить, что Наталья Николаевна меня смогла разглядеть и узнать! Женщины так приметливы и без труда запоминают лицо и одежду человека, особенно в моменты важных для них обстоятельств. Вот она, оборотная сторона постгипнотического внушения. Пушкин не способен выйти за пределы навязанной ему в гипнозе легенды и, столкнувшись со свидетельницей, легко мог быть уличен в несообразности объяснений. Это я превратил его в обманщика... Конечно, молодожены, поссорившись, в конце концов мирятся, но если эта небольшая трещина в будущем расширится и разрушит их семейное согласие, то кто будет виноват? Уж лучше бы этот мужик в переулке ограбил меня, это было бы легче перенести, чем тот стыд, который я в этот момент испытывал.

Я встал, посмотрел на кучу первозданного хлама в углу сарая, на древнюю карету, на копну соломы, которой был прикрыт мой хроноплан. Несмотря на мое невеселое настроение, я почему-то вспомнил, как шутник и фантазер Мишка Генборик, сопровождаемый своей неизменной спутницей – рыжеволосой девчонкой из отдела первичной обработки хроноинформации, предложил назвать мой аппарат «покорителем эпохи». «Как славно, как хорошо!» – воскликнула его рыжекудрая спутница. Я возразил, что, на мой взгляд, это слишком пышное название для моего драндулета. Мишка пожал плечами, бросив: «Пожалуй, назови ее «Антилопой-Гну», и гордо удалился под руку со своей подругой.

У стены лежали ржавые вилы с гнилым обломком черенка. Я еще долго стоял посреди сарая, глядя на свет, пробивавшийся сквозь щели рассохшихся досок. Вновь и вновь в моих ушах звучал неповторимый, волнующий голос Пушкина, читавшего свои, еще не написанные стихи. «Пора, мой друг, пора», – сказал я себе, взял, наконец, вилы и стал отбрасывать солому. Пора покинуть Первопрестольную, не покидая ее.

Москва, 2005–2006

Наши авторы

БИМ-БАД Борис Михайлович

Действительный член РАО, доктор педагогических наук, профессор, член Международного философско-космологического общества, создатель и первый ректор Российского открытого университета, заведующий кафедрой Московского института иностранных языков.

Специалист в области педагогической антропологии и истории. Автор многочисленных публикаций, среди них: Путь к спасению: педагогическая антропология Иммануила Канта сегодня. — М., 1994; Природа ребенка в зеркале автобиографии. — М., 1998 (в соавторстве); Очерки по истории и теории педагогики. — М., 2003; Педагогическая антропология. — М., 2003; Модернизация института семьи: микросоциологический, зкологический и антропологопедагогический анализ. — М., 2010 (в соавторстве).

E-mail: bim-bad@yandex.ru

Boris Bim-Bad

Academician of RAE Sc. D. (pedagogy), professor, member of International philosophical and cosmological society, founder and the first rector of "Russian Open Unuversity", head of chair in Moscow Institute of Foreign Languages.

Specialist in the sphere of pedagogical anthropology and history; the author of a number of publications.

ГРЯЗЕВА-ДОБШИНСКАЯ Вера Геннадьевна

Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии Южно-Уральского государственного университета, научный руководитель лаборатории «Социальная психология творчества».

Специалист в области психологии творчества, творческого и инновационного лидерства. Область научных интересов: социальная психология развития творчества, психология искусства, психология инновационного менеджмента. Автор более 100 печатных работ. Среди них: Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы. — М., 2004; Социальная психология творчества. — Челябинск, 2008; Психологическая топология личности. — Челябинск, 2008.

E-mail: vdobshiya@mail.ru

Vera Gryazeva-Dobshinskaya

Sc.D. (psychology), head of genera psychology chair, South-Ural Stage University, scientific leader of "Social psychology of Creativity" laboratory. Specialist in the sphere of psychology of creativity, creative and innovational leadership, the authou of a numerous publications.

ЕГОРОВ Вадим Владимирович

Бард, позт, член Союза писателей. Кандидат психологических наук. Издано пять позтических сборников. В декабре 2013 г. вышел двухтомник стихов и песен и семь компакт-дисков.

E-mail: vadimegorov@pochta.ru

Vadim Egorov

Bard, poet, member of Write union. PhD. The author of five poetic books. Two-volumes of his poems and songs were published in December of 2013, and 7 Cds were produced.

КОНДРАТЬЕВ Михаил Юрьевич

Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор Москов-

ского городского психолого-педагогического университета, главный редактор международного научного журнала «Социальная психология и общество».
Специалист в области социальной психологии, психологии личности, возрастной психологии, возрастной и пенитенциарной психологии. Автор более 300 публикаций. Среди них: Подросток в системе межличностных отношений закрытого воспитательного учреждения. — М., 1994; Социальная психология закрытых образовательных учреждений. — СПб., 2005; Социальная психология // Психологический лексикон: в 6 т. — Т. 3. — М., 2005; Психология отношений межличностной значимости. — М., 2006 (в соавторстве); Антропология социальной психологии возраста. — М., 2010.
E-mail: sociall1977@bk.ru

Mikhail Kondrat'ev

Corresponding member of RAE, Sc.D. (psychology), professor, MCPPU, chief-editor of international scientific journal "Social psychology and society". Specialist in the sphere of social psychology, psychology of personality, age psychology, age and penitentiary psychology. The author of a numerous of publications.

КОНДРАТЬЕВА
Анна Михайловна

Эксперт-психолог психологического сервисного центра «Форум социальной психологии».
Специалист в области социальной психологии. Имеет публикации в сфере социальной психологии.
E-mail: fyrf@mail.ru

Anna Kondrat'eva

Expert-psychologist of "Forum of Social Psychology" centre. Specialist in the sphere of social psychology. The author of publications in the sphere of social psychology

КОТОВА
Изабелла Борисовна

Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, зам. председателя Кавказско-Поволжского Отделения РАО, заведующая лабораторией психотехнологии развития личности ИОТ ГАН (РАО), г. Сочи, заслуженный деятель науки Республики Ингушетии.
Специалист по психологии личности и педагогической психологии. Автор более 100 печатных трудов, среди которых: Психология личности в России. Столетие развития. — Ростов-на-Дону, 1994; Развитие личности в обучении. — М., 1999 (в соавторстве); Педагогика: Теория. Системы. Технологии. — М., 2008 (в соавторстве); Общая психология: Учебник. — М., 2012, и др.
E-mail: kotova@aaanet.ru

Izabella Kotova

Corresponding member of RAE, Sc.D. (psychology), professor, deputy chairman of Caucasian — Volga branch of RAE, head of laboratory of psycho-technologies of personality's development, Sochi, Honored scientist of Ingush Republic. Specialist in the sphere of psychology of personality and pedagogical psychology, the author of a numerous publications.

ЛИХАЧЕВА Эльвира Валерьевна

Кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных технологий Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова.

Область научных интересов: психология личности, когнитивная психология, позитивная психология, инструментальная психодиагностика.

Автор статей по проблемам субъектности и субъектогенеза личности, тревожности, когнитивной дифференцированности.

E-mail: zin-ev@yandex.ru

Elvira Lihacheva

PhD in psychology, assistant professor, chair of humanitarians technologies, Moscow State University for humanities named after M. A. Sholokhow, Moscow.

МЕЛИЯ Марина Ивановна

Кандидат психологических наук, профессор, генеральный директор психологической консультативной компании «ММ-Класс».

Специалист в области коучинга и корпоративного консультирования. Автор публикаций по корпоративному консультированию.

E-mail: mmclass@mmclass.ru

Marina Melia

PhD in psychology, professor, general director of psychological consulting company “MM-Class”.

МУХИНА Валерия Сергеевна

Действительный член РАО и РАЕН, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой психологии развития Московского педагогического государственного университета, главный редактор журнала «Развитие личности». Специалист в области возрастной психологии, этнопсихологии, психологии личности. Область научных интересов: психологическое сопровождение ребенка, отрока, взрослого и пожилого человека; поведение человека в экстремальных условиях; человек на всех этапах возраста; этническое самосознание в контексте межэтнических отношений. Автор более 550 печатных трудов, изданных в России и за рубежом. Имеет патенты. Более 50 изданий книг на языках мира. Среди них: Близнецы: Дневник развития двух мальчиков. — М., 1969: 2-е изд. 1997; Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта: Монография. — М., 1981; Рождение личности. — М., 1984, 1987 на английском, бенгальском, маратхи и арабском; Детская психология: Учебник. — М.; Л., 1975, 1985, 1992; Психология детства и отрочества: Учебник. — М., 1997; Феноменология развития и бытия личности: избр. психологические труды. — (Психологи отечества). — М.; Воронеж, 1999; Таинство детства: В 2-х т. — М., 1998; — СПб., 2000: 2-е изд.; — Екатеринбург, 2005: 3-е изд.; Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): — 3-е изд., исправл. и дополн. — М.; 2013; Отчужденные: Абсолют отчуждения. — М., 2009. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. — 2-е изд; Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человеческих.

— М., 2011 (в соавторстве); Отчуждение от других: От прилогов и помыслов к поступку и преступлению. — М., 2013 (в соавторстве); Возрастная психология. Феноменология развития: Учебник. — М., 2012: 14-е изд., стереотип. Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования.
E-mail: vfly@rl-online.ru; kpr@mail.ru

Valeria Mukhina

Academician of RAE and RANS, Sc. D. (psychology), professor, Honoured Science Worker of Russian Federation, the head of the Department of the Developmental Psychology, Moscow State Pedagogical University, editor-in-chief of journal «Development of personality».

ОГНЕВ Александр Сергеевич

Доктор психологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, проректор по науке МГПУ им. М. А. Шолохова, заведующий кафедрой психолого-педагогического образования.

Область научных интересов: психология самоорганизации личности и социальной группы; психотехнология персонального успеха, психотехнология конструктивного диалога и противодействие манипулятивному влиянию; инструментальная психодиагностика субъектного потенциала личности.

Автор ряда монографий, среди которых: Организационное консультирование в стиле коучинг. — СПб., 2003; Субъектогенетический подход в обучении. — М., 2009; Психология субъектогенеза личности. — М., 2009; Молодежные проекты: теория и практика. — М., 2013, а также учебников по организационной психологии.
E-mail: altognev@mail.ru

Alexander Ognev

Sc.D. (psychology), PhD in physics and mathematics, professor, pro-rector of MPSU named after M. A. Sholochov, head of psychological and pedagogical education chair. Specialist in the sphere of psychology of person's and social groups' self-organization, psycho-technology of personal success, psycho-technology of constructive dialog and resistance to manipulative influence, instrumental psycho-diagnostics of person's subjective potential, the author of a numerous publications.

ПЕТРОВСКИЙ Артур Владимирович

(14 мая 1924 — 2 декабря 2006)
Действительный член РАО, доктор психологических наук, профессор, вице-президент АПН СССР (1976—1979), президент РАО (1992—1997).

Специалист в области истории психологии, социальной психологии и психологии личности. Автор монографий: История советской психологии. Формирование основ психологической науки. — М., 1967; Вопросы истории и теории психологии: Избр. труды. — М., 1984; Психологическая теория коллектива. — М., 1979; Личность. Деятельность. Коллектив. — М., 1982; Теоретическая психология. — М. 2001; Психология и время. — СПб., 2007.

А. В. Петровский был автором, соавтором и редактором большого числа учебников по психологии для вузов. Первый учебник был написан им в 1956 году в соавторстве с Г. А. Фортунатовым и выдержал три издания. Широко известны также выходившие под его редакцией учебники общей психологии (первое издание — 1970) и возрастной и педагогической психологии (первое издание —1973) для педагогических вузов.

А. В. Петровский — автор многочисленных научно-популярных книг и статей по психологии.

Arthur Petrovsky

(14 May 1924 —2 December 2006)
Academician of RAE, Sc.D. (psychology), professor, vice-president of APS SSSR (1976—1979), President of RAE (1992—1997).
Specialist in the sphere of history of psychology, social psychology, psychology of personality. The author of a numerous publications.

ПЕТРОВСКИЙ Вадим Артурович

Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
Область научных интересов и публикации: психология личности, общая персонология, социальная психология, психология развития, консультативная психология, трансактный анализ, математическое моделирование в психологии.
Автор более 180 научных статей и монографий, среди которых: Психология неадаптивной активности. — М., 1992; Личностно-развивающее взаимодействие. — Ростов-на-Дону, 1993 (в соавторстве); Личность: феномен субъектности. — Ростов-на-Дону, 1993; Импульсная модель экзистенциального выбора. — М., 2002; Основы практической консультативной психологии. — М., 2007; Человек над ситуацией. — М., 2010.
E-mail: petrowskiy@mail.ru

Vadim Petrovskiy

Sc.D. (psychology), professor, corresponding member of RAO, Head of personology of development laboratory, professor of personality psychology chair, professor of National Research University Higher School of Economics, Moscow.

ЩЕДРИНА Екатерина Владимировна

Кандидат психологических наук, главный редактор журнала «Вопросы психологии», заместитель главного редактора журнала «Образовательная политика».
E-mail: evs04@mail.ru

Ekaterina Shchedrina

PhD, chief editor of "Voprosy Psikhologii" journal, deputy chief editor of "Educational policy" journal.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел.: (499) 730-38-61

Журнал «Развитие личности» публикует оригинальные теоретические работы и исследования, практические разработки, архивные материалы и переводы по проблемам развития, воспитания и бытия личности в различных социальных, культурных и этнических условиях.

В редакцию принимаются материалы объемом для докторов и кандидатов наук до 1 п.л. и 0,5 п.л. для аспирантов, представленные по электронной почте info@rl-online.ru. Автор статьи заявляет себя через имя и фамилию.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи по порядку упоминания в тексте. Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования. Указываются: автор, название, место и год издания, страницы. В тексте после цитаты указываются порядковый номер ссылки и страницы в квадратных скобках.

Упоминание персоналий обязательно с инициалами.

Текст сопровождается вынесенными на левые поля маргиналиями – основными идеями и тезаурусом, поясняющим по ходу содержание статьи. В рукописи маргиналии оформляются жирным шрифтом перед абзацем основного текста.

После заглавия статьи дается *краткая аннотация* и *перечень ключевых слов* статьи на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться следующие сведения об авторе: ФИО (полностью); ученая степень и звание; место работы и специальность; специалистом в каких областях является; область научных интересов; автор скольких публикаций и по каким проблемам с указанием монографий (название, место и год издания); контактный телефон и адрес электронной почты. Сведения об авторе, а также название статьи дается на русском и английском языках.

Плата за публикацию и рецензирование рукописей не взимается. Рецензирование проходит в течение 1–3 месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация осуществляется в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-15340 от 30 апреля 2003 г.

Редакция журнала «Развитие личности»
127051, г. Москва, М. Сухаревский пер., д. 6
Тел.: (495) 608-59-74. E-mail: info@rl-online.ru
www.rl-online.ru

Издательство «Прометей»
115035, Москва, ул. Садовническая, д. 72, стр. 1, оф. 6
Изд. лиц. №020457 от 22 июля 1997 г.

Подписано в печать с готового оригинал-макета
Формат 70х100/16. Тираж 1000 экз.

